

Совместный проект

Анджей Беловранин

ЧЕРНАЯ КНИГА

НОРМА

Санкт-Петербург

2010

ББК67.51

Б43

Совместный проект РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга» и «Новой газеты в Санкт-Петербурге»

Анджей Беловранин

Б43 Черная книга. – СПб.: Норма, 2010. – 152 с.

ISBN 978-5-87857-166-1

В работе над книгой использованы материалы архивов РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга», ПЦ «Мемориал»

Послеглавный юридический комментарий – Виктор Андреев, юрист РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»

ББК67.51

ISBN 978-5-87857-166-1

© А. Беловранин, 2010
© РОПО «Солдатские матери СПб», 2010
© Норма, 2010

Вступление

В советское время большинством населения страны принималось правило «Кто не служил в армии, тот не мужчина». Считалось, что Вооруженные силы СССР, помимо защиты Родины от многочисленных врагов, выполняют еще одну важную социальную функцию — являются институтом мужской инициации. Конечно, уже тогда это был миф, но миф очень выгодный государственной машине.

Дело в том, что советская армия воспитывала в молодых людях не столько традиционно мужские черты характера: ответственность, способность принимать решения и придерживаться ранее намеченного плана, упорство в достижении цели, упорство в преодолении трудностей — сколько привычку быть встроеным в иерархическую структуру. А эта привычка действительно была жизненно необходима каждому, кто хотел прожить спокойную, а при хорошем раскладе и комфортную жизнь.

В России спокон веку исправно работает принцип «я начальник — ты дурак», который в армии является основой социальной структуры. Суть его в том, что подчиненный должен подчиняться — беспрекословно исполнять любой приказ командира, каким бы глупым, бессмысленным или преступным он ему ни казался. В идеале исполнитель вообще не должен давать нравственной, интеллектуальной оценки приказу; он обязан выполнять его машинально, так, словно приказ является непреложной данностью, чуть ли не божественным откровением.

При этом распределение ролей «начальника» и «дурака» производится исходя не из ума, способностей или даже физической силы кандидатов, а... в силу тех же не обсуждаемых приказов. То есть, с точки зрения участников событий, как будто бы по воле случая. Делается это затем, чтобы сегодняшний командир был готов завтра беспрекословно принять роль подчиняющегося. А сегодняшний раб мог надеяться на то, что завтра ему тоже дадут в руки кнут.

Такая социальная структура, в которой человек является не более чем винтиком, экономически оказалась крайне неэффек-

4

тивной, из-за чего в итоге и рухнула советская империя. Однако с наступлением новой эпохи, несмотря на серьезные перемены в жизни страны, многие закрытые государственные институты не изменились. Одним из таких оказалась и российская армия.

В СССР Вооруженные силы были стержнем, вокруг которого формировалось общество, и, несмотря на приход новых времен, армейские руководители не хотели навеки отправляться на политическую периферию. Любая попытка реформирования армии неизменно сталкивалась с сильнейшим сопротивлением. Более того, военная элита была одним из тормозов реформ в целом.

Нежелание генералов терять влияние стало одной из причин начала Первой чеченской войны в 1994 году. И, по мнению многих аналитиков, именно это событие ознаменовало собой смену курса развития страны: от движения в сторону признания общечеловеческих ценностей назад, к авторитаризму.

Однако разрыв между капиталистическим обществом и просоветски ориентированной армией продолжал увеличиваться. Если во времена СССР офицерская служба сулила человеку немалые блага и потому была вполне конкурентоспособной, то в Российской Федерации она таковой быть перестала. Эффективность армии продолжала падать, как и ее статус в глазах общества. Вслед за этим падало и материальное состояние офицеров.

В результате двадцатилетнего «естественного отбора» в армии остались в основном лишь офицеры, не гнушающиеся коррупцией — единственного способа обеспечить себе сносное существование на службе.

Дедовщина, бывшая ранее, при отсутствии института профессиональных сержантов, просто унижительным и малоэффективным способом управления солдатами, превратилась в основу армейского быта — способ обогащения и удовлетворения низменных амбиций сильных за счет слабых.

Между тем, с приходом к власти второго президента России, вектор развития страны резко изменился: началось свертывание демократических реформ, уничтожение свободных СМИ, выхлачивание системы выборов. Появилась и новая — агрессивная — внешнеполитическая риторика.

Новой империи нужна была новая сильная армия — и в Вооруженные силы хлынул поток нефтегазовых денег. Но степень разращенности армии была уже такова, что большая часть вливаний попросту разворовывалась.

Наконец, в 2008 году Россия вступила в войну с Грузией; результаты столкновения показали крайнюю неэффективность российских Вооруженных сил, построенных на принципах, что были сформированы еще во время Второй мировой войны. К тому же оказалось, что даже в экстремальных боевых условиях армия не может избавиться от коррупции и дедовщины.

Как ответ на этот вызов была затеяна масштабная армейская реформа., из которой пропала главная часть — отмена призыва и сокращение Вооруженных сил.

Нежелание властей, несмотря ни на что, по-настоящему реформировать армию, имеет множество причин, в основе которых лежит одна, глубинная. Армия, такая, какая она есть сейчас, формирует в обществе отношения, основанные на рабовладельческих принципах — и поэтому необходима, чтобы поддерживать сложившийся имперско-клептократический строй.

Несмотря на низкую популярность армии и ее отталкивающий имидж, несмотря на нежелание подавляющей части молодых людей служить по призыву, армейское иерархическое правило «я начальник — ты дурак» само по себе почти не подвергается критике — как часть раз и навсегда сложившейся системы отношений. Дедовщина и коррупция воспринимаются как нечто естественное, и возмущают большинство россиян лишь самые безобразные случаи — например, приводящие к гибели солдат.

Люди, отслужившие в армии, неизменно принимают феодальное рабовладение как нечто естественное для жизни в России — для них этот выбор является психологической защитой от стресса, ведь иначе им пришлось бы признать, что они как сами подверглись необоснованному насилию, так и подвергали ему других. Переход к общечеловеческой системе ценностей для них становится практически невозможным, потому что неизбежно связан с серьезной ломкой психики. А значит, подчас сами того не осознавая и не желая, они становятся опорой режима.

6

Изменить эту порочную практику может лишь осознанное противостояние гражданского общества. Несогласие, которое постепенно зарождается в душах людей, а затем находит выход наружу.

О том, какие формы принимает смесь дедовщины и коррупции при стремительном моральном разложении армии; о том, что является толчком к сопротивлению; о том, во что это сопротивление выливается; о том, удастся ли его организовать и направить — эта книга.

Часть 1. Логика протеста

Глава 1. Бесперывная цепь преступлений

Карельский перешеек — одно из самых прекрасных мест на свете. Сосны, уцепившиеся за неверную каменистую почву, скалы, покрытые тысячелетним мохом, плавные холодные озера, спящие среди легендарной тишины. Чудесное место для отдыха. Вполне подходящее место, чтобы устроить ад на земле.

В самом сердце Карельского перешейка, на берегу озера с говорящим названием Красавица, в поселке Каменка расположен инженерно-саперный батальон в/ч №02511. Осенью 2009 года название «Каменка» стало в Петербурге и Ленинградской области нарицательным, стойко ассоциируясь с неуставными отношениями в армии. Только за две недели, с 29 сентября по 12 октября, к «Солдатским матерям Петербурга» за помощью обратились пятеро военнослужащих этой части или их родители, а правозащитники, в свою очередь, обращались в прессу.

Второго октября в организацию пришли сразу двое «бегунков», оставивших Каменку по необходимости: **Владимир Романов** и Алексей Банецкий.

Вот выдержки из заявления Владимира, которое он написал в «Солдатских матерях»:

1 октября 2009, находясь на полевых учениях, я был разбужен мл. сержантом Качаловым. Когда я сел на нарах, он меня ударил в лицо 2 раза, затем ко мне подошел мл. сержант Домовский, который, как и первый, находился в состоянии алкогольного опьянения, и позвал меня в другой конец палатки. Я присел к ним, там находился мл. сержант Гуммеров. После непродолжительного разговора, с выраженными негативными матами в мой адрес,

мл. сержант Домовский начал меня бить по голове и корпусу, затем отпустил меня спать. Пока я спал в медицинской палатке, подняли остальных солдат срочной службы и начали избивать. После подъема мл. сержант Гуммеров построил всех солдат срочной службы 3 роты снова в палатке. Меня били в голову, торс, по почкам, рукам и ногам.

По приходу на «поляну» (место, где ремонтируется техника) нас снова построили и жестко избивали три сержанта (Гуммеров, Качалов, Домовский) на протяжении полутора часов. Также хочу сообщить о вымогательствах, которым я подвергался каждый раз, когда приезжал мой отец — Романов Борис Вацлавович: они требовали, чтобы я приносил продуктов на сумму не менее 1000 р., это повторялось примерно 4 раза.

Также сообщаю, что во время избивания меня младший сержант Домовский требовал с меня 3 тысячи рублей до вечера, а иначе он меня убьет или сделает калекой.

Психиатр Ольга Гордон, кандидат медицинских наук, обследовав Романова, поставила ему диагноз «расстройство адаптации». Вот что пишет о своем здоровье сам Владимир в заявлении:

В настоящее время состояние мое ухудшилось. У меня снова появилась головная боль, сон стал беспокойным и прерывистым, стали сниться сны, связанные с негативными моментами службы, болит спина (ребра, поясница), руки, челюсть.

Следующую ночь Владимир провел дома, благо семья его живет в Петербурге. Утром он с отцом собирался отправиться в медучреждения и военную прокуратуру, чтобы в соответствии с законом оформить увольнение из армии. Но оказалось, что Романовых у дверей их дома ждала засада.

— Мы сели в машину, у моего отца старенький «Форд», — вспоминает Владимир Романов, — и вдруг на нас налетели военнослужащие из моей части. Это были капитан Тарасов, два контрактника и еще двое офицеров. Тарасов и еще один военный запрыгнули на заднее сиденье нашего «Форда» и стали пытаться силой вытащить меня из машины. Они душили моего отца, а мне сломали палец...

Нападавшим вскоре удалось справиться с молодым человеком и его отцом: Владимира вынесли из машины за руки и за ноги и усадили в личную «Тойоту» Тарасова, на которой и приехали охотники за головами.

С двух сторон Володю Романова, сидящего на заднем сиденье капитанской «Тойоты», подперли контрактники, а офицеры принялись совещаться — видимо, решали, кому из них возвращаться в часть на электричке, так как в машину все они не помещались. Кто знает, чем обернулось бы это для Владимира, если бы нападавшим действительно удалось доставить его обратно в часть... К счастью для парня, его отец не собирался сидеть сложа руки и ждать, пока сына утащат обратно в ад, из которого он наконец-то нашел силы выбраться.

— Отец завел машину и врезался в «Тойоту», — рассказывает Романов-младший. — Тарасов и другие пытались поймать его, вытащить из автомобиля, но отец ездил туда-сюда, не даваясь им и одновременно блокируя выезд для машины капитана. Вскоре приехала милиция, а потом и Элла Полякова, которой позвонила моя бабушка, которая все видела из окна.

— Милиция дружно помогала Тарасову, хотя все военнослужащие были в гражданском, — рассказывает Элла Михайловна. — Но действовали они не слишком уверенно. Я стала требовать у Тарасова документы, наконец, заставила его открыть машину и вытащила оттуда Володю.

Несмотря на это, неизвестно, удалось бы правозащитникам отбить Романова, если бы не помощь врача «Скорой», которая вскоре приехала к месту происшествия.

— Врачом оказалась женщина, она посадила мальчика в карету и уже не открывала двери, — вспоминает Полякова. — Конечно, военные пытались заставить ее отвезти Володю в военный госпиталь, на что врач потребовала документы, доказывающие, что он действительно военнослужащий. К счастью, документов мальчика у Тарасова не оказалось. Тут подъехали военные следователи, осадили Тарасова, и Романовых повезли в Александровскую больницу.

А Элла Полякова между тем направилась в Военный следственный отдел (ВСО) на Шпалерную улицу, куда поехали все осталь-

ные участники происшествия, чтобы дать свои объяснения. Неудавшийся утренний захват никаких юридических последствий не имел: ни для Тарасова, ни для Романова-старшего.

Но заниматься этим делом военнослужащим Каменки, следователям и правозащитникам долго не пришлось, потому что события развивались по спирали: в ВСО смиренно сидел, дожидаясь неизвестно какой участи, **Алексей Банецкий** — второй солдат из Каменки, обратившийся накануне к «Солдатским матерям» вместе с Владимиром Романовым.

Из заявления Алексея Банецкого в ВСО:

Ставлю вас в известность, что я, рядовой в/ч 02511, проходящий службу по контракту, не выдержал избиений и вымогательств со стороны сослуживцев старшего призыва.

После распития спиртных напитков 1 октября 2009 года мл. сержанты Домовский и Гуммеров разбудили меня ночью и начали высказывать свои претензии ко мне, а потом по очереди избивать, после чего Домовский забрал у меня мобильный телефон, и хотели, чтобы я отдал им 15 т.р.

После утреннего развода, пока не было командира роты, мл. сержанты Гуммеров, Домовский и Качалов, увидев меня, начали на глазах у всей роты меня избивать.

Обращаю ваше внимание, что со стороны офицерского состава никакой реакции на незаконные действия военнослужащих не было. Офицеры не пытались защитить меня и обеспечить мне нормальные условия службы.

Состояние здоровья мое серьезно ухудшилось: болит голова, болит и опухла левая сторона лица, болит голень правой ноги.

Среди документов, содержащихся в архиве РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга», есть направление Банецкого на консультацию с диагнозом: «Ушиб мягких тканей головы, отогематома слева, перелом костей челюсти слева».

Встретив Элли Полякову в ВСО, Банецкий рассказал ей невеселую историю своих ночных приключений. Написав заявление, Алексей, по совету правозащитников, пошел в травмпункт. Но в

«травме» его, в нарушение всяких правил, освидетельствовать отказались и отправили в военный госпиталь. В госпитале он провел много времени, но в конце концов и здесь врачи просто отказались его брать, несмотря на его состояние — ведь у парня не было с собой никаких документов и направлений!

Уже в середине ночи Банецкого привезли в комендатуру, где он ночевал на составленных в ряд стульях, а оттуда отправили в ВСО, где он в конце концов и встретился с Эллой Михайловной.

— Меня пытались выгнать из кабинета, — вспоминает она, — но я спросила у Леши, хочет ли он, чтобы я ушла. Он ответил: «Нет». Я осталась и пыталась помочь решить судьбу мальчика, для чего хотя бы выяснить его статус. Никаких ответов от военных добиться мне не удалось. В конце концов, я написала заявление дежурному военному прокурору: военная прокуратура, в отличие от следователей ВСО (с недавних пор две эти структуры разведены), более вменяема, и нередко мы оказываемся по одну сторону баррикад.

В результате приехал следователь из Выборга (территориально Каменка принадлежит Выборгскому району) и увез Банецкого в местный госпиталь.

Правозащитникам удалось спасти молодых людей от сиюминутной опасности, но нужно было решать, что делать дальше с частью в Каменке, где дедовщина превратилась в цепь непрерывных преступлений.

Из заявления Владимира Романова в РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»:

Также спешу сообщить, что стал свидетелем, как сломали челюсть рядовому Логинову примерно в 12 ночи 1 октября 2009 года мл. сержанты Гуммеров и Качалов.

Рядового Логинова правозащитники позже нашли, но он отказался сотрудничать, заявляя, что челюсть у него оказалась сломанной в результате несчастного случая...

Между тем события продолжали развиваться. Через полторы недели после освобождения Романова и Банецкого к «Солдатским матерям» обратился солдат из той же части в Каменке.

Из заявления в прокуратуру Владимира Новикова:

Я заключил контракт 7 июня 2008 года, по прибытию в в/ч 02511 был отправлен на полевые учения. Пьяные контрактники старшего призыва подняли нас ночью и начали наносить физические увечья. Мл. сержант Щенев наносил удары по лицу кулаком около 6 раз, после этого мл. сержант Гуммеров нанес удар ногой по паху, я упал, и он нанес удар мне по животу ногой 2 раза. Потом они заставили меня сидеть до утра и смотреть, чтобы в палатку не зашли офицеры, а они продолжили пить.

В течение всех полевых учений каждые выходные меня поднимали и били за так называемые косяки — невыполнение указаний. Наносили удары по лицу, рукам и груди. Били мл. сержанты Гуммеров, Щенев, Качалов.

После своего первого отпуска я прибыл в часть 7 декабря 2008 года. В этот же вечер Гуммеров сказал, чтобы я нашел ему хлеба, майонез, тушенку и сок. Ничего не найдя, я пришел к Гуммерову в комнату, он ударил меня по лицу, а потом заставил отжиматься и приседать.

В феврале 2009 года Гуммеров устроил пьянку и заставил меня стоять и смотреть, чтобы в комнату не зашел дежурный офицер. Закончив пьянку, все сержанты пошли спать, а Гуммеров заставил меня все убрать, при этом подгонял меня ударами по затылку и по спине шваброй.

Неоднократно Гуммеров и другие сержанты собирали у многих деньги, почти с каждой зарплатой у них находился так называемый должник за проступки.

В один из вечеров после ремонта (это был день рождения рядового Зубанова) Гуммеров разлил на полу 2 ведра воды, построил младший призыв и сказал им лечь на пол и ползти к нему примерно 5 метров на животах, держа руки за спиной. После этого он заставил всех отжиматься в количестве 30 раз, а потом, нанося удары всем подряд, попал мне ногой по голени и рукой в живот, и только потом отпустил всех спать.

В течение всего лета, чаще всего по выходным, старший призыв строил срочников ночью и заставляли делать физические упражнения в количестве 100, 200 и более раз. В начале июля в вы-

ходной день нас подняли в 5 часов утра, построили и начали бить Гуммеров и Щенев. Они нанесли мне удары по ушам и лицу, потом Гуммеров пнул меня и отправил спать, а призыв срочной службы заставил отжиматься, сколько — я не знаю, но легли спать они в 6 часов утра.

Владимир Новиков рассказал правозащитникам об еще одном пострадавшем, избивение которого могло бы стать основанием для возбуждения уголовного дела.

Примерно в середине июля 2009 был избит рядовой Анучкин. Младший сержант Щенев нанес ему много ударов в область почки, вследствие чего Анучкин пожаловался на сильные боли Тарасову, и тот увез его в город Выборг в госпиталь (какой, я не знаю). После этого вечером с нас собрали деньги, в общей сумме получилось 30 тыс. рублей — на лечение Анучкина. Но когда он выпи-сался из госпиталя, он сказал, что Тарасов никаких лекарств не привозил, и куда делись деньги, он не знает. Собирали деньги Гуммеров и Щенев.

Случаем Анучкина, после публикации рассказанной Новиковом истории в СМИ, заинтересовалась военная прокуратура: от-туда у «Солдатских матерей» даже запросили подтверждающие документы.

Между тем сам Владимир Новиков нуждался в медицинском уходе и, в связи с состоянием своего здоровья, не мог продолжать военную службу. Однако военным это, как водится, нужно было еще доказать...

Из заявления Новикова:

Примерно в начале августа 2009 меня разбудил Гуммеров и на-чал бить по лицу и почкам, в связи с этим у меня опухла челюсть и сильно болела правая почка. Я обратился к капитану Тарасову, своему ротному командиру, он сказал, чтобы я нашел 1000 рублей на неофициальный снимок почки, чтобы не было травмы на бата-льон. Утром я не нашел деньги. Тарасов наорал на меня, дал 1000 рублей и отправил в госпиталь. Сделали снимок, и выяснилось,

что удар по почке спровоцировал камень, обнаруженный в желчном пузыре, и мне назначили операцию. Зная о том, что мне назначена операция, меня забрали на полевые учения, я там пробыл почти 2 месяца, и только потом меня отпустили в госпиталь, где мне удалили желчный пузырь.

Чтобы комиссовать Новикова, ему сначала надо было расторгнуть контракт. Для этого правозащитники придумали ловкий ход, и Новиков, по их совету, написал на имя командира своей части Алибека Асланбекова такой необычный рапорт:

Я, Новиков Владимир Александрович, заключил контракт о прохождении военной службы 07 июня 2008 года, за время прохождения военной службы я зарекомендовал себя с плохой стороны, надлежащим образом не исполнял обязанности военной службы, нарушал воинскую дисциплину.

Более того, я выступил в СМИ и дискредитировал Вооруженные силы Российской Федерации. Я полагаю, что контракт со мной должен быть расторгнут по основанию, предусмотренному п. «в» ч. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», то есть в связи с невыполнением мной условий контракта.

Стандартные формулировки из негативных характеристик подействовали на военных, словно заклинания колдуна-вуду на его зомби. Через две недели Асланбеков своим приказом уволил Новикова со службы по контракту, после чего его удалось комиссовать по здоровью. Также были комиссованы Романов и Банецкий.

Более того, когда уже абсолютно гражданский Владимир Романов в сопровождении Эллы Поляковой ездил в Каменку в конце ноября 2009 года для дооформления каких-то бумажек, визитеры были удивлены оказанным им приемом.

— С нами носились, как с писаной торбой, — смеется Элла Полякова. — Встретили, как родных, да еще один офицер вызвался привезти компьютер Романова из части к нему домой на личном автомобиле. (Как ни странно, солдатам позволяют привозить в

часть личные компьютеры — конечно, по требованию старослужащих, которые ими пользуются.)

Хотелось бы думать, что такое радушие по отношению к правоохранителям связано с уважением, приобретенным ими в глазах военных благодаря своей деятельности, укрепляющей армию. Но, к сожалению, с работой «Солдатских матерей» эти авансы связаны, скорее всего, лишь опосредованно.

Во-первых, Гуммеров, Домовский и Качалов на тот момент были признаны обвиняемыми по трем уголовным делам по ст. 286, ч. 3, п. «а» — превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий (светит им и четвертое, если Логинов решится написать против них заявление). Правда, военные упорно не хотят признавать потерпевшим Владимира Новикова, потому что он никак не может доказать, что удаление желчного пузыря было связано с избиениями, а не просто с плохим состоянием здоровья контрактника.

Во-вторых, скорее всего, до служивых из части 02511 к моменту приезда неожиданных гостей уже дошел слух о приказе министра обороны России.

— На круглом столе, организованном Министерством обороны в конце ноября 2009 года, генерал-лейтенант Анатолий Башлаков сказал мне, что есть приказ об увольнении всего руководства в/ч Каменка, от командира Асланбекова до всех командиров рот. В том числе будет уволен и капитан Тарасов. Позже существование этого приказа подтвердили другие военные чины, — рассказывает Элла Полякова.

К моменту окончания работы над книгой сержанты были признаны виновными: Домовский и Качалов получили условные сроки, а Гуммеров — 4 года колонии общего режима. Правда, все они подали кассацию, и чем кончится история, до сих пор не ясно.

Алибек Асланбеков и шестеро других старших офицеров Каменки были уволены из рядов Вооруженных сил. Кстати, их уход был связан с еще одной громкой историей.

«Солдатским матерям» пришло анонимное письмо от женщин — гражданских лиц, работающих в злополучной части. Они жаловались на то, что многие сотрудники не получают зарплаты, в то

время как Асланбеков и еще шестеро уволенных выписали сами себе под конец гигантские премии: на всех получилось 10 миллионов рублей.

Правозащитники немедленно сообщили об этом в прокуратуру, в отношении Асланбекова и компании завели уголовное дело — но на момент написания этих строк обвинения им пока так и не предъявили.

Казалось бы, полная победа? Скептики скажут: придут другие, которые будут еще хуже. И эта точка зрения уже находит подтверждения: солдаты из Каменки продолжают бежать.

— От того, что сменилось руководство, ничего не изменится, — уверяет **Даниил Аншутин**, сбежавший из Каменки в декабре 2009 года, ныне комиссованный. — Ведь в казармах над нами издевались не командиры, а контрактники, которым абсолютно все позволено. У них в открытую в кубриках лежат наркотики, офицеры знают об этом — и всем наплевать.

Но это же не причина не наказывать виновных! Если новые командиры будут хуже — и на них управа найдется. А то, глядишь, и не будут хуже — побоятся, памятуя о судьбе предшественников?

Или, напротив, просто лучше будут скрывать следы своих преступлений? Ведь, сколько бы правозащитники ни бились, злодеяний в российской армии меньше не становится, потому что людей к тому провоцирует сама система. И часть 02511 в этой системе — не какой-то специальный ад для особо провинившихся, а самая обычная, рядовая в/ч; типичный пример в типичных обстоятельствах. Попытки и унижение человеческого достоинства здесь — рутина, каждодневная практика, к которой со временем привыкают даже жертвы. И самые громкие победы в деле защиты прав человека не меняют сути существования людей, даже в этой самой Каменке.

Ведь той же осенью здесь совершались преступления, которые навсегда останутся нераскрытыми — а значит, и преступники не понесут наказания. Лариса Викторовна Мирошникова обратилась к «Солдатским матерям» 29 сентября 2009 года, за три дня до Банецкого и Романова. Вот что она написала в своем объяснении.

*23 сентября 2009 года я получила телеграмму, что мой сын, **Казиков Роман**, находится в госпитале с диагнозом «отравление угарным газом». Приехав в Санкт-Петербург, я была у сына и обнаружила на голове гематому за левым ухом размером с ладонь. Поговорив с санинструктором, я выяснила, что Рома при транспортировке головой не бился, а гематома размером 10х10 зафиксирована хирургом. Я поехала в часть, где служил мой сын, и из слов его сослуживцев И. и П. узнала, что 19 сентября в 12.00 они пошли искать Рому и нашли его внутри ПТС (плавающий транспортер — открытая платформа для перевозки грузов и транспортных средств. — А.Б.). ПТС был завешен тентом, закрытым снаружи. Когда они его открыли, то под тентом обнаружили работающую машину ВАЗ 2106, в которой сидел Рома без сознания. Также они пояснили, что Рому в 1 час ночи 19 сентября вызвали из палатки, кто, они не знают, но на утреннем построении его не было.*

Лариса Викторовна — женщина из бедной деревни в Калужской области, без связей и возможностей. Написав заявление, она на какое-то время пропала из виду правозащитников. Но в декабре 2009 года вернулась в Петербург, обнаружив своего сына в ужасном состоянии в 442-м госпитале. Приложив немало усилий и воспользовавшись помощью «Солдатских матерей», она смогла перевести Романа в Москву, в госпиталь Бурденко. Но его состояние продолжает вызывать опасения.

Между тем, 8 октября 2009 года к «Солдатским матерям» обратилась Ольга Тимкишева, в попытке выяснить подробности смерти своего брата, **Александра Тимкишева**.

Из электронного письма Ольги Тимкишевой «Солдатским матерям»:

В прокуратуре Выборгского гарнизона сообщили результаты следственной экспертизы. Их вывод: погиб в результате несчастного случая от отравления угарным газом в ночь с 7 на 8 сентября. В возбуждении уголовного дела отказано. Со слов начальника следственного отдела, мой брат и военнослужащий Татаринов С.В. после 22 часов находились в служебном гараже. Мой брат

устанавливал магнитолу в служебной машине по просьбе Татарина. Затем они выпили пиво и заснули в машине. Татарина успели спасти, а брат погиб.

Не была ли машина, в которой «работали» Татаринов и Тимкишев, той самой ВАЗ 2106, в которой пострадал Роман Казаков? Где сейчас автомобиль, и при каких обстоятельствах солдаты на самом деле надыхались угарного газа?

Если военные и задавали себе эти вопросы, ответов на них правозащитники так и не услышали. И, скорее всего, никогда не услышат. Потому что главное свойство армейских преступлений в России — чаще всего они остаются безнаказанными.

Комментарий юриста

— Почему так сложно возбудить уголовные дела против армейских преступников? Почему преступники не получают наказания?

— «Солдатские матери» уже неоднократно констатировали факт, что жертвы преступлений, особенно оставившие свои войсковые части, не имеют реального доступа к правосудию и к эффективным мерам защиты. Как правило, по заявлению таких военнослужащих выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, основанное на поверхностном опросе сослуживцев потерпевшего. В итоге жертва преступления становится подозреваемым, и в отношении нее возбуждается уголовное дело.

Вполне возможно, что военные следственные органы специально не возбуждают уголовные дела, чтобы не регистрировать преступления, снижая таким образом статистические данные по общему количеству преступлений, совершаемых в войсковых частях.

Также ощущается зависимость следственных органов от офицеров и влиятельных должностных лиц: военное следствие не является беспристрастным и независимым, не выполняет возложенных на него задач. Военнослужащему часто не разъясняется его право обжаловать вынесенное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, для этого законодательством для него не предусмотрена и бесплатная юридическая помощь, однако оклада военнослужащего (400–700 руб. в месяц) явно не хватит для оплаты услуг адвоката.

– **Насколько строгим бывает закон к преступникам в армии?**

– Наказание устанавливается военными судами, с учетом мнения потерпевших, в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако военных судей сложно назвать беспристрастными и независимыми от командования Вооруженными силами. Если приговор выносится излишне мягкий, если отсутствует потерпевшая сторона и если прокурор не обжалует такой приговор, то такой приговор никто не отменит.

Очень важно активное участие потерпевших, желательно в лице их профессиональных представителей, в судебном производстве по уголовному делу, ведь именно они вправе обжаловать слишком мягкие, по их мнению, приговоры.

Глава 2. Безнаказанность

В цивилизованном обществе на страже интересов личности стоит государство. В идеале после каждого преступления против человека должно следовать наказание виновных.

Понятно, что в реальности государство не всегда оказывается способным отстоять права пострадавшего: иногда преступники умело заматают следы или сама жертва боится возмездия с их стороны и скрывает преступление против себя же. Но что будет с обществом, если государство не способно защитить даже тех пострадавших, что находят в себе силы и смелость бороться?..

Артем Дога был призван 4 мая 2009 года из города Дно в Псковской области и служил в поселке Саперный на Карельском перешейке.

Из Объяснения Артема Доги, данного им прокуратуре:

«Деньги собирали старослужащие по приказам сержантов. В случае сопротивления мы подвергались избиениям. По ночам практически не спал, так как давали много задач, и как я должен был их выполнять, их не интересовало. Прошу заметить, что там, где я служил, а именно в разведвзводе, все запуганы.

Был момент, когда мне приказали обокрасть каптерку, но в течение дня его отменили. Из рассказов старослужащих знаю, что это там происходит. На каждый завтрак, обед, ужин мы должны были покупать майонез контрактникам на свои деньги».

Но вымогательство — это еще не самое страшное. Артем не боялся сообщить «Солдатским матерям» и следователям об избиениях и издевательствах, которым он подвергался в части.

Из Объяснения Артема Доги:

«Я подвергался избиениям даже по самым малым причинам. Такого рода как: если я оказывал помощь другу из другой роты, сержант Колпаков заставлял моего сослуживца избить меня в область шеи и лица. В случае отказа попадало ему».

Из Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 25.06.2009:

«2 июня 2009 года, в курилке, старший сержант Колпаков заставил сослуживца Доги, рядового Линькова А.В., нанести ему не менее семи ударов кулаком правой руки в область шейных позвонков. Затем один удар в область шеи, не менее четырех сильных ударов в область шейных позвонков и не менее пяти ударов кулаками обеих рук по скулам».

Еще один эпизод.

Из Объяснения Артема Доги:

«26 мая получил затворной рамой от автомата по голове от сержанта Колпакова за то, что он спросил с меня тряпку, и у меня ее не оказалось. А также получил палкой в спину за то, что плохо полз».

Из Постановления:

«26 мая 2009 года примерно в 17 часов сержант Колпаков С.В. приказал Доге нагнуться, одновременно с этим извлекая затворную раму из автомата, после чего нанес ему один удар концом затворной рамы по теменной области головы.

В тот же день, примерно в 17 часов 30 минут, когда он выполнял норматив №10 и полз по земле с автоматом в руках, Колпаков С.В. подошел к нему, держа в руках бревно диаметром примерно 15 сантиметров, сказал ему, чтобы он полз быстрее, и ударил его поперек спины немного выше поясницы».

Еще один.

Из Объяснения Артема Доги:

«2 июня получил несколько ударов от Михайленко Евгения, а именно в грудь, лицо, головой об шкаф за то, что отказался от удара по шее и захотел заступиться за себя».

Из Постановления:

«Примерно в 10 часов 10 минут 1 июня 2009 года Дога был избит рядовыми контрактной службы Кимом и Михайленко в кубрике их подразделения, за то что, якобы, он плохо убрался в ку-

брике. Так, Михайленко, лежа на кровати, нанес ему один удар основанием левой ноги, обутой в тапочки военного образца в область живота. Сразу же после этого от Кима, стоящего позади него, последовал один удар рукой, сжатой в кулак, между лопаток. Михайленко встал с кровати и вместе с Кимом начал наносить ему удары руками, сжатыми в кулаки, в область груди, головы, спины. В общей сложности каждый из них нанес не менее 5 ударов по телу и голове. При этом он попятился назад и уперся спиной в дверцу шкафа. После этого Михайленко нанес ему три удара обеими руками, сжатыми в кулаки, в область головы, а затем два раза ударил его основанием правой руки в область головы, от чего он дважды ударился затылком о дверцу шкафа».

И еще.

Из Объяснения:

«От контрактника Лукинского получил несколько ударов рукой в шею, что практически оставило меня без сознания. За то, что не принес пиво с машины, потому что когда добежал до машины, пива там не оказалось. Получил избивание 3 июня 2009 с утра за то, что одевался более медленно. Получил удары в область почек и шеи...»

Еще.

Из Постановления:

«2 июня 2009 года в курилке рядовой контрактник Лукинский стал предъявлять Доге претензии по поводу того, что он выполнил просьбу сержанта, не являющегося его непосредственным начальником. Лукинский приказал ему нагнуться вперед, после того как он исполнил требование, Лукинский нанес ему один сильный удар кулаком правой руки в область шейных позвонков».

Наконец, Артем не смог больше терпеть.

Из Объяснения:

«Меня били каждый день в область шеи за малую провинность, а именно, даже если немного криво поставлены тапочки. 3 июня

2009 года меня заставили есть подливу, затем сержант Колпаков произвел удар по почкам. А также он угрожал в тот же день мне расправой».

Из Постановления:

«3 июня 2009 года, на утреннем построении, т.е. около 7.30 часов сержант Колпаков нанес ему один сильный удар кулаком правой руки в область почек справа. Очевидцами этого были все военнослужащие его взвода.

Около 11.00 3 июня 2009 года он оставил расположение части».

Ожидание издевательств хуже самих издевательств: «Колпаков угрожал мне расправой». Может быть, стоило уйти еще раньше? Но человеку, оказавшемуся под мощным психологическим прессом, бывает очень трудно сопротивляться. Эта последняя капля — угроза скорой расправы — дала парню силы решиться.

Итак, меньше чем через месяц после призыва Артем убежал из Саперного. Встретившись с мамой, на следующий день он обратился за помощью к «Солдатским матерям Петербурга».

Лучшая защита — это нападение: в стрессовой ситуации люди часто способны это понять. Артем и его мама, Татьяна Николаевна Завадина, написали заявление в прокуратуры и военносудственные отделы (ВСО) разных уровней; своими обращениями их поддержали и «Солдатские матери». Свое решение ВСО вынес 25 июня.

Из Постановления:

«В ходе проведенной проверки доводы заявителя своего подтверждения не нашли.

Так, опрошенный военнослужащий Лукинский пояснил, что с самого начала службы Дога А.А. зарекомендовал себя с отрицательной стороны, все время жаловался на физические нагрузки, которые в разведывательном взводе были потребовательней, чем в остальных взводах, т.к. это взвод постоянной готовности. Во взвод разведки Дога А.А. попросился сам, по собственному желанию. С самого начала службы Дога А.А. пытался избежать служеб-

бы в армии, мотивируя это тем, что его мама имеет хорошие связи, и что она поможет ему избежать службы в армии. 3 июня 2009 года на утреннем смотре у рядового Дога А.А. имелись порезы на лице и шее. На вопрос, откуда у него имеются порезы, Дога А.А. сказал, что плохо побрился.

Из объяснений старшего сержанта Колпакова С.В. следует, что с самого начала службы Дога А.А. пытался избежать службы в армии. Физического насилия с чьей-либо стороны по отношению к Доге А.А. никогда не применялось. Однако Дога А.А. всегда жаловался на то, что служить в армии ему не нравится».

Интересно, что следователь, лейтенант юстиции Данилов, даже не попытался разрешить противоречия, имевшиеся в показаниях самих возможных подозреваемых: зачем бы Артем стал проситься в разведвзвод, где, как ему наверняка было известно, более строгие требования к физическим нагрузкам — если он с самого начала хотел избежать службы? Так может быть, нежелание служить появилось позже, после того как пострадавший встретил отношение, унижающее его достоинство? Этому вопроса следователь не задает ни себе, ни фигурантам.

Однако решение Данилова основано не только на показаниях тех, кого обвинял Артем, но и на объяснениях сослуживцев, которых сам Дога называл как возможных свидетелей издевательств.

Из Постановления:

«Из объяснения рядового Мирзорахимова Д.М. следует, что по характеру личности Дога А.А. хитрый. Часто Дога А.А. разговаривал по телефону со своей матерью. Суть этих разговоров сводилась к тому, что служить Дога А.А. не хочет, хочет «откосить» от службы в ВС РФ. В начале июня 2009 года он заметил, что у Доги А.А. на лице и шее появились ссадины, покрытые буроватой корочкой. В какой-то из дней командир взвода разведки старший лейтенант Башаков М.С. на утреннем построении спросил у Доги А.А., что у него с лицом, на что он ответил, что неудачно побрился и пошло раздражение. Насилие по отношению к Доге А.А. никто никогда не применял. Синяков и ссадин, помимо раздражения после бритья, он у Доги А.А. никогда не видел».

«Буроватая корочка», появившаяся в результате «неудачного бритья», встречается и в других показаниях. Дело в том, что судебно-медицинское обследование Артема выявило «следующие телесные повреждения:

В правой скуловой области ссадина, покрытая буроватой корочкой. (Размер ссадины не указан — более подробное описание могло бы прояснить, возможно ли получить такую травму при бритье. — А.Б.)

Рядом с вышеуказанной ссадиной имеется аналогичная ссадина. (Эти две, вполне возможно, появились от удара автоматной рамой — к моменту обследования прошло уже достаточно времени, чтобы рана зажила. — А.Б.)

В области шеи справа по передней поверхности имеются множественные округлой и овальной формы ссадины, покрытые буровато-желтоватыми корочками, со слов, не имеют отношения к травме — порезался. (Здесь Артем по незнанию сам признается, что часть повреждений он нанес себе самостоятельно — следовательно достаточно этого, чтобы отнести к самопорезам все травмы.)

В области верхней трети шеи по задней поверхности имеется припухлость мягких тканей, болезненность при пальпации, покраснение кожных покровов. На фоне вышеописанной припухлости имеется округлая ссадина, покрытая темно-буроватой корочкой». (Вот, за что должен был схватиться каждый добросовестный следователь! Откуда могли взяться «порезы от бритья» сзади на шее? — А.Б.)

Вывод, сделанный Даниловым: «Никаких видимых телесных повреждений от нанесенных Доге ударов при вышеописанных обстоятельствах у него не было». Такова сила протокольного слова: ему достаточно объяснить наличие особенно бросающейся в глаза «буроватой корочки», и об остальном можно не заботиться.

Из Постановления:

«Из объяснения рядового Линькова А.В. следует, что несмотря на то, что он в течение дня находился вместе с Догой А.А., последний никогда не рассказывал ему о том, что к нему кто-либо применял насилие. Синяков и ссадин у Доги А.А. на лице и теле он так же никогда не видел. В части Догу А.А. никогда не оскорбляли

и не унижали. Ни он, ни сержант Колпаков ни 2 июня 2009 года, ни в какой-либо другой день насилия к Доге А.А. не применяли».

Линьков — тот самый «друг из другой роты», которому Артем оказал помощь, и которого за это заставили избить Артема. Данилов ограничился допросом Линькова в части, даже не проведя очной ставки его с Догой. Да и какой здравомыслящий человек решился бы дать показания против своих мучителей, находясь полностью в их власти?

Из Постановления:

«Из объяснения рядового Орлова А.П. следует, что Дога А.А. рассказывал ему о том, что хочет самовольно оставить часть, так как ему надоело служить. Также Дога А.А. уговаривал его бежать из армии вместе с ним, рассказывал, что у его матери есть влиятельные знакомые, которые могут помочь комиссоваться либо «купить военник». Военнослужащих взвода разведки никто и никогда не трогал, наоборот, заступались за них».

Еще два противоречия, которые следователь Данилов и не подумал разъяснить: зачем человеку, имеющему возможность «купить военник», — если Дога действительно таков — вообще идти в армию? И зачем кому бы то ни было «заступаться за военнослужащих взвода разведки», если их «никто и никогда не трогал»? О каких обстоятельствах так неосторожно упомянул рядовой Орлов?

Однако ничто из этого следователя не заинтересовало, и он вынес отказ в возбуждении уголовного дела. Артем поначалу не собирался сдаваться и подал жалобу на это постановление:

«С постановлением не согласен по следующим основаниям:

1. Следствием не установлены противоречия между моими показаниями и показаниями Колпакова, Кима, Линькова, Михайленко, Лукинского.

2. Не установлена причинная связь вреда здоровью.

3. Следствие нарушает ст. 3 (запрещение пыток. — А.Б.), 13 (право на эффективное средство правовой защиты. — А.Б.) Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Однако на ВСО это особого действия не возымело.

Из письма Военного следственного управления по Ленинградскому военному округу (ЛенВО) Татьяне Завадиной от 03.08.2009:

«Изучением указанных материалов проверки установлено, что вынесенное 25 июня 2009 года следователем военного следственного отдела СКП РФ по Выборгскому гарнизону лейтенантом юстиции Даниловым А.В. постановление об отказе в возбуждении уголовного дела законно и обоснованно, оснований для его отмены не имеется».

Никаких дополнительных объяснений ВСО не дает. Между тем Артем Дога был комиссован (из-за тяжелого повреждения психики) и заниматься дальше защитой своих прав не стал: слишком много сил отнимает безрезультатное бодание с прокуратурой.

Похожая история произошла с **Константином Паненковым**, служившим в поселке Черёха Псковской области. Несмотря на то что отец Паненкова — бывший сотрудник милиции, этой семье также не удалось добиться правды.

Константина призвали в ноябре 2008 года, и, как следует из его заявления, с самого начала служба сопровождалась постоянными избиениями и издевательствами. Но особенно плохо стало после возвращения из летнего отпуска: Константин опоздал на полтора месяца, так как попал в больницу.

В жестоких условиях дедовщины в российской армии постоянно идет отбор слабых и «провинившихся» затем, чтобы сбросить их в самый низ неуставной иерархической лестницы. Одним из самых страшных «грехов» считается попытка «откосить» — то есть провести в казарме меньше времени, чем остальные призывники. Госпитализация, даже вполне обоснованная — типичный пример.

Из Протокола принятия устного заявления о преступлении от 18.08.2009:

«10 августа 2009 года батальон находился на полевых учениях на полигоне в поселке Красные Струги. В указанный день, около 12 часов 30 минут, я находился в строю, в противогазе в составе

роты. Ко мне подошел командир взвода ст. лейтенант Гаврилов, который беспричинно левой рукой схватил меня за шею, наклонил меня вперед, а затем нанес не менее трех ударов кулаком правой руки в область моего лица (носа). В результате причиненных мне ударов Гавриловым у меня открылось обильное кровотечение. Свидетелями данного инцидента являлись все военнослужащие роты. Какой-либо медицинской помощи мне оказано не было, и я отправился в расположение лагерного городка на обед».

Показательно, что издевательства над «провинившимся» начал командир взвода, таким образом дав карт-бланш своим подчиненным. После этого многочасовые избиения и издевательства происходили каждый день.

Из Протокола:

«14 августа 2009 года подразделение роты вернулось в расположение части. По прибытии меня в роту из отпуска, моя койка была заселена новым пополнением, а командование части в лице ст. л-та Гаврилова мне новую койку не выделило, и мне пришлось спать или в углу расположения казармы, или в комнате досуга на полу».

Константин официально стал парией: он не достоин даже кровати, в отличие от всех остальных. Этот вид унижения достоинства схож с применяемым в местах заключения: «опущенные» должны спать под нарами, что указывает на их крайне низкий социальный статус.

Из Протокола:

«Около 8 часов 15 августа 2009 года командир роты капитан Мисюра приказал мне заступить дневальным по роте, что я и сделал. Однако меня через сутки не сменили, а по приказу командира батальона майора Грачева я остался в наряде по роте без отдыха более двух суток.

15 августа 2009 года около 12 часов, мне в период нахождения на посту дневального стало плохо, и закружилась голова, как я понял, у меня было сотрясение головного мозга, и меня мутило. Я, т.к. чувствовал себя плохо, опустился на одно колено. В указан-

ное время и место, мимо меня проходил мл. сержант контрактной службы Сергеев, который, выражая недовольство тем, что я присел на посту, нанес мне один удар правой ногой, обутой в ботинок, в правый бок, в область ребер, отчего я упал на пол. Я объяснил Сергееву, что мне плохо, на что Сергеев поднял меня на ноги, и нанес один удар кулаком правой руки в область моего левого уха, отчего я целый день не слышал указанным ухом, и у меня сильно болела голова».

Продолжение издевательств идет по накатанной колее: «провинившемуся» даются заведомо невыполнимые задания, и их невыполнение обеспечивает появление новой «вины», или «косяков», как их называют в армии.

Из Протокола:

«15 августа 2009 года, около 18 часов, я пошел в туалет в расположении роты. Перед туалетом мне встретился Сергеев, который, узнав, что я иду в туалет, сказал, что мне не положено ходить в туалет, а затем нанес мне один удар кулаком правой руки в левую область головы выше уха и один удар кулаком правой руки в левую скуловую область, от чего я испытал сильную физическую боль и унижение».

Запрет на посещение туалета сигнализирует: к жертве перестают относиться как к человеческому существу. Она не имеет права даже на естественные человеческие потребности. Самый близкий аналог такого отношения к людям можно обнаружить в нацистских лагерях смерти. Фактически Константин может считать себя приговоренным: ни единого шанса изменить свое социальное положение у него нет; особенно учитывая, что его один раз уже чуть не убили.

Из Протокола:

«Младший сержант Машурчак нанес мне один удар правой рукой в правую скуловую область, отчего я отлетел к стене. Машурчак, не останавливаясь, подошел ко мне и, удерживая меня левой рукой за китель в области груди, стал правой рукой душить меня за горло, при этом высказывая в мой адрес угрозы убийством, если

я не буду подчиняться ему. Я реально воспринимал угрозы Машурчака, был сильно напуган, а в результате удушения я стал терять сознание: стал задыхаться, в глазах помутнело. В указанное время к нам подбежал мл. сержант Хуснудинов Эльвизар, который оттеснил меня от Машурчака и заставил последнего отпустить меня».

От возможного убийства Константина спасло лишь вмешательство Хуснудинова — который, как следует из того же протокола, был свидетелем всех продолжительных издевательств Машурчака и заступился за Паненкова, лишь когда тот был уже на грани смерти.

У Константина оставался единственный шанс спасти свою жизнь — бежать.

Из Протокола:

«17 августа 2009 года, около 08 часов 30 минут, я, находился в строю, на разводе полка, где стоящий сзади меня Сергеев выразил свое недовольство тем, что ко мне приехали родители, угрожая мне применением насилия, если я расскажу родителям, что он меня избивал, нанес мне удар кулаком в область затылка, отчего я почувствовал сильную боль. Свидетелями данного инцидента был весь 3-й взвод, в котором я прохожу службу.

17 августа 2009 года, около 15 часов дня, я покинул территорию в/ч 32515 через КПП части, где меня по предварительной договоренности ждал отец. Отец посадил меня в его автомобиль, и мы уехали в сторону г. Петрозаводска, где я обратился в военный следственный отдел».

Несмотря на грамотно составленный следователем Протокол принятия устного заявления о преступлении, 31 августа 2009 года старший лейтенант юстиции А.А. Маслов вынес решение об отказе в возбуждении уголовного дела «за отсутствием события преступления».

Константин Паненков, воспользовавшись помощью своего отца — бывшего сотрудника милиции — и «Солдатских матерей Санкт-Петербурга», обжаловал это решение, и успешно: 5 октября 2009 года полковник юстиции Дубянский О.В. вынес Поста-

новление об отмене незаконного и необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела.

Казалось бы, после этого ВСО и карты в руки! Но Константин Паненков к тому времени уже демобилизовался, и ни сил, ни времени продолжать тяжбу у его семьи не было. А без их постоянного наблюдения дело, скорее всего, будет спущено на тормозах.

Следующий случай — дело **Андрея Семенова** — показывает, что безнаказанность никогда не остается без последствий.

Андрей был призван в армию, несмотря на то, что с трех лет страдает эпилепсией. Призванный в июне 2009 года, он прослужил всего два месяца. Приехавшие на церемонию принятия присяги родственники Андрея обнаружили, что он находится в ужасном положении — с первого дня после прибытия в часть парень ежедневно подвергается избиениям и вымогательству.

Вот что пишет в своей Объяснительной Александр, старший брат Андрея:

«Приехав к своему младшему брату на присягу, я заметил, что с ним что-то происходит. После длительных разговоров он рассказал мне, что ему нужны деньги для сержантов. 21 июля я подошел к сержанту Седых и обещал, что я сам переведу деньги на телефонный счет моего брата. Если я этого не сделаю, они пообещали применять силу. 25.08.2009 я также ночевал в казарме, где видел, как сержанты вымогают деньги и обещают применить силу к тому, кто расскажет обо всем, что происходит в роте, родным или близким, и им все равно, где и как ребята берут деньги, пусть хоть воруют, но они обязаны им их давать».

После присяги Андрей получил увольнительную на несколько дней. Косвенно родственники давно были в курсе его проблем: он регулярно просил их класть деньги на разные счета мобильных телефонов. Теперь же он рассказал не только о вымогательствах, но и об избиениях. На семейном совете решили, что в часть 53609 (поселок Пакино Ковровского района Владимирской области) он не вернется, в связи с чем обратились с заявлениями в военную прокуратуру в Петербурге (семья живет в Ленобласти, в Гатчине).

Делом Андрея занялся следователь Юрий Томей, который, несмотря на просьбы семьи и свои предварительные заверения, заставил Семенова подписать согласие с возвращением во Владимирскую область: якобы там ему выберут для дальнейшего прохождения службы другую часть.

Семеновы стали спорить со следователем, на что тот им, как они уверяют, отвечал нецензурной бранью, так что в итоге маме Андрея, Людмиле Ильиничне, даже пришлось вызвать «скорую».

Эту историю Семеновы передали «Солдатским матерям», к которым обратились за помощью, а правозащитники в свою очередь сообщили в пресс-релизе журналистам. Новость о происшествии в прокуратуре была опубликована на сайте Конкретно.Ру.

Публикация стала поводом для обращения следователя Юрия Томея в суд за «опровержением порочащих военную систему сведений и за компенсацией морального вреда». Утверждение о том, что Томей якобы матерился при общении с Семеновыми, он посчитал для себя оскорбительным. От сайта и правозащитников следователь потребовал 154 тысячи рублей — по тысяче за каждый просмотр Интернет-страницы со статьей. На момент окончания работы над книгой судебное следствие продолжается, и чем закончится история, пока неизвестно.

Между тем, следствие по заявлению семьи Семеновых проводил майор юстиции Шевчук — по уже известной нам схеме: опросил тех, кого обвинял Андрей Семенов, и «установил», что «показания Семенова А.В. являются надуманными».

Из Постановления:

«Кроме того, принимая во внимание, что в действиях Семенова А.В. формально усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос. — А.Б.), однако учитывая то, что действия Семенова А.В. не повлекли наступления отрицательных последствий, в связи с чем в возбуждении уголовного дела в отношении него в совершении преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, надлежит отказать за отсутствием в деянии состава преступления».

Вот так: Семеновым недвусмысленно намекнули, что если они продолжают жаловаться, то их самих могут привлечь за ложный до-

нос. Как и предыдущие герои данной главы, после того, как Андрея комиссовали, они перестали добиваться справедливого возмездия.

На правозащитников и прессу в свою очередь через суд начали давить следователи ВСО. То есть структура, предназначенная для защиты граждан от произвола, выступила на стороне возможных преступников.

Смысл существования военной прокуратуры в том, чтоб пресекать нарушения закона в армии. Но из-за того, что обе эти структуры являются частью одной системы, произошло их сращение: теперь прокуратура, напротив, все чаще защищает армейских преступников от справедливого гнева граждан России.

А неспособность представителей государства защищать своих граждан ведет не просто к безнаказанности преступлений, а к их провоцированию. Зная о своей безнаказанности, более того, чувствуя поддержку со стороны тех, кто по идее должен бы преследовать их по закону, армейские преступники не только ощущают себя, но и действительно становятся истинными хозяевами казарм.

Комментарий юриста

– Насколько качественно, по-вашему, проведены следствия по делам Артема Доги, Константина Паненкова, Андрея Семенова?

– Согласно ст. 2, 3, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод расследование по случаям нарушения права на жизнь, фактов применения пыток, бесчеловечного обращения, к которым могут относиться и армейские неуставные взаимоотношения, должно быть своевременным, тщательным и эффективным, также должен быть обеспечен доступ потерпевших к расследованию. С точки зрения Европейского суда по правам человека, доследственная проверка, по результатам которой может быть вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, также считается расследованием.

Указанные выше случаи являются ярким примером того, как Российская Федерация в лице военных следователей не исполняет положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, оставляя жертв в опасной ситуации, угрожающей их жизни и здоровью.

– **Как именно в идеале надо проводить расследование таких дел?**

– Учитывая специфику военной службы, должны применяться современные методики криминалистической тактики, а также современная криминалистическая техника, в частности, анонимное анкетирование военнослужащих, видеозаписи, специальные техники допроса. Также следует гарантировать жертвам преступлений и свидетелям государственную защиту в соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Глава 3. Сопротивление

Поддержка армейских преступников со стороны подавляющей части отцов-командиров, а также молчаливое, а иногда и деятельное одобрение их злодеяний военной прокуратурой, создают у жертв иллюзию, что эта машина непобедима. Что нет никакого смысла даже вступать в борьбу с ней, и надо подчиниться, перетерпеть... или встроиться, если есть возможность.

Но на деле оказывается, что достаточно лишь смелости и упорства — и тогда если не наказать виновных, то хотя бы спастись от их издевательств можно практически в любой ситуации.

К сожалению, примеры, когда люди вступали в противоборство с машиной армейской дедовщины, крайне редки. Но они встречаются — иногда люди способны действовать наперекор всему.

Владимир Дмитриев служил в Воздушно-десантных войсках под Омском с конца 2008 года.

Из заявления Елены Дмитриевой, мамы Владимира, в РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»:

«В первые месяцы нахождения в части мой сын был шокирован обстановкой. Со стороны офицеров, а также сержантского состава отношение к солдатам ужасное: постоянные унижения, оскорбления, избиения. Бьют по голове от ноги, от руки и бытовыми предметами — металлической лопатой. Ежедневные «прокачки» — и также после отбоя. Постоянно отбирали деньги, что я высылала сыну. Один из сержантов в марте месяце очередной раз потребовал, чтобы солдаты, получив деньги, не тратили ни копейки, потому что у другого сержанта скоро день рождения, и они собирают ему на сотовый телефон. За три месяца у моего сына украли в части три телефона.

7 марта я лично наблюдала такой факт: один майор, изрядно выпивший, проверял укладку парашютов; если ему не нравились какие-то моменты, он заставлял солдат отжиматься, при этом кого-то избивал от ноги по животу; солдаты падали на землю. Одного из солдат он ударил так, что у него из носа пошла кровь.

Дойдя до моего сына, ему он также нанес сильные удары от ноги по голове, так что мой сын упал на землю. Зная, что происходит в части, офицеры никак не реагировали, сержанты продолжали издеваться.

Хотя 12 апреля 2009 года моего сына уже направили в медпункт полка (МПП), где поставили диагноз «пневмония», на его болезнь никакого внимания не обращали, его не лечили. Через три недели у него началось обострение, температура поднялась до 41 градуса, только тогда его отправили в госпиталь.

У моего сына начались головные боли, нарушения сна, появилась неуверенность, нарушена психика. Я обратилась в омскую военную прокуратуру. Там мне объяснили, что есть два варианта: первый — я пишу заявление, после чего моего сына «чморят». Второй — по-хорошему поговорить с полковником. Я поговорила с полковником, сына перевели в МПП. Но отношение к моему сыну кардинально изменилось. Отношение к нему стало еще хуже, прозвали «красным»...

В армейский жаргон слово «красный» попало из тюремного — так называют тех, кого считают стукачами, сотрудничающими с начальством ради более спокойной и защищенной жизни, бывших сотрудников правоохранительных органов или просто людей, желающих жить по правилам, а не по понятиям. Но если в тюрьме «красный» действительно может получить за свое сотрудничество какую-то защиту, то в армии это клеймо означает лишь одно — путь на нижнюю ступень иерархии практически без возможности вернуться, а то и отсроченный смертный приговор.

Спасти Владимира могло только одно: немедленное вынужденное оставление части. Но сам он на это решиться уже не мог.

Из Заявления РОПО «Солдатские матери» в военную прокуратуру ЛенВО от 21.05.2009:

«Как сообщила Дмитриева Елена Васильевна, состояние здоровья Дмитриева В.А. существенно ухудшилось вследствие физического и психологического травмирования, Дмитриев В.А. стал раздражительным, появилось стабильное нарушение сна, отсутствует уверенность в себе, желает покончить жизнь самоубий-

ством. Опасаясь за жизнь сына, Дмитриева Е.В. увезла сына в г. Москву».

Владимир не был способен уже даже бороться за свою собственную жизнь. Ему казалось, что проще покончить с этим кошмаром одним простым усилием.

— Мама выкрала мальчика из части в Омске и повезла домой, в Питер, с пересадкой в Москве, — вспоминает Элла Полякова. — Билет в Омске купила на свой паспорт — поэтому ее и выследили. В Москве прямо на вокзале их поджидали бойцы ОМОНа и местные ВДВ-шники. Сына вместе с мамой взяли в заложники — никаких законных оснований для задержания их не было, потому что в Омске Елена Васильевна написала заявление в прокуратуру — и привезли в знаменитую десантную часть в подмосковной Кубинке.

45-й отдельный гвардейский разведывательный полк ВДВ, расположенный в Кубинке, участвовал во всех боевых действиях последних лет, в которые была вовлечена Россия. Но настоящую славу приобрел после того, как генерал Владимир Шаманов, командующий ВДВ, направил спецназовцев из Кубинки в качестве мафиозных громил на завод «Спорттэк», который находится в сфере бизнес-интересов Шаманова. Два взвода десантников «блокировали» на заводе следователя по особо важным делам — то есть без каких-либо оснований силой не позволили ему провести на заводе обыск (см. «Генерал и Глыба», «Новая газета» № 104 от 21 сентября 2009 года, <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/104/01.html>).

— Маму с сыном продержали в заложниках, под охраной, не меньше недели, — рассказывает Элла Полякова. — В течение этого времени Елена Васильевна часто мне звонила, советовалась, и мы пытались оказать ей помощь: связались с руководством ВДВ. В конце концов нам удалось договориться, что мальчика привезут в Псковскую ВДВ, чтобы затем отправить в госпиталь в Петербурге.

Но в Питер Владимиру пришлось ехать... через Омск: представители части, в которой он служил, приехали в Кубинку быстрее, чем подоспел приказ о переводе от начштаба ВДВ Виноградова. И никакие разумные доводы не могли подействовать на военных: Владимир, и так склонный к самоубийству, снова отправился в

часть, в которой над ним так долго издевались. На сей раз маму брать с собой отказались.

К счастью, приказ о переводе таки добрался до Владимира Дмитриева, и его отправили в Псковскую дивизию ВДВ. Правда, как водится, на обследование военно-врачебной комиссии (ВВК) класть не спешили. А одна десантная часть... не хуже другой.

Из заявления Елены Дмитриевой в РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»:

«Так как мой сын недавно переболел пневмонией, при пробежке у него идет сильная одышка, на что сержант в очередной раз применял к нему физическую силу. Регулярно шли оскорбления и угрозы в его сторону: «Ты красный, тебе до дембеля не дожить».

18 мая 2009 года у моего сына был сильный нервный срыв. Объясняя мне, что больше не может терпеть издевательств, он говорил, что ему страшно идти в часть. Вставая утром, он не знал, проживет ли этот день. В тот же день вечером, когда он вернулся в казарму, сержант нанес моему сыну по голове от ноги несколько ударов, после чего у него начались головные боли, из носа периодически идет кровь».

В Омске у Владимира была попытка суицида, во Пскове он вновь стал думать об этом. Понимая, что сына надо спасать, Елена Васильевна уговорила отца помочь ей. Они приехали в Псков на его машине навестить сына.

— Это один из самых трагических моментов, — рассказывает Элла Полякова. — Мальчику дали увольнительную, они втроем сидели в машине.

«До Питера всего четыре часа, — говорил Владимир. — Поехали, я больше не могу здесь находиться». Елена Дмитриева звонила «Солдатским матерям», там неоднократно подтверждали: езжайте, напишете заявление в прокуратуру и положите сына в госпиталь.

— У отца, видимо, какой-то военный синдром, — объясняет себе Элла Михайловна. — В общем, он отказался ехать. Испугался, наверное.

Испугался? Вот только чего? Уголовной ответственности? Очень маловероятно. Человек с маломальским жизненным опы-

том понимает, что вынужденное оставление части — это не побег из тюрьмы. А может, испугался нарушить правила системы иерархии? Тот, кто раз побывал в армии, если не пытался бороться с этой системой, впитывает ее кожей, всем своим существом — и потом ее же правилами руководствуется в гражданской жизни. Сильный всегда прав! Отец не решился заступиться за флажки даже ради жизни сына.

А значит, Владимир должен был вернуться в ад. Еще на целых две недели — столько времени понадобилось «Солдатским матерям», чтобы вновь «достать» руководство ВДВ. 4 июня 2009-го Владимира положили в госпиталь, к концу месяца комиссовали.

Мама билась за своего сына самоотверженно, героически. Билась, оставшись практически в одиночестве: Владимир не был способен помочь ей в деле собственного спасения, отец отказался совершить поступок. Билась, раз за разом терпя поражение: одна против толпы безразличных, жестоких и агрессивных рабов. Билась без надежды: единственное, что поддерживало ее — это голос в трубке, дающий советы из далекого города. Слишком мало, чтобы воодушевить.

— Мне очень нравилось с ней говорить, — вспоминает Элла Полякова. — Когда она звонила с вопросом или за советом, то всегда поражала меня логичностью и обдуманностью суждений — и это в тех стрессовых ситуациях, в которых она оказывалась!

Люди отличаются друг от друга: одни, когда их загоняют в угол, сдаются на милость победителя, другие начинают изо всех сил сопротивляться. Елена Васильевна — из бойцов. Из ничего, из одного собственного упорства она создала новую жизнь своему сыну.

Но как только давление ослабло — как только она смогла выйти из душного угла на свободный простор — силы для сопротивления иссякли.

В возбуждении уголовного дела по фактам, изложенным в заявлениях Елены Дмитриевой, как водится, отказано: «Проверка не нашла подтверждений». Обжаловать это решение она не стала.

Но существует и другой вид сопротивления. Сопротивление, идущее от ощущения собственной правоты — и неправоты преступников. От желания справедливости.

— Мой сын пошел в армию сам. Думал получить права, отслужить и работать водителем, — уверенно рассказывает **Диана Гаврюкова**, мама **Павла Гаврюкова**. — Мое мнение было, что армия мужчин закаляет. Сейчас я изменила это мнение.

Диана Алексеевна занимает ответственную должность на своей работе, она привыкла к тому, что ее мнение дорогого стоит; она имеет гражданскую позицию и полагает, что с этой позицией должны считаться.

Павел ушел в армию 26 июня 2009 года. Меньше чем через месяц, 17 июля Диана Гаврюкова приехала к своему сыну в войсковую часть № 03051 в Кронштадте, чтобы посмотреть, как он даст воинскую присягу. Но, обнаружив, в каких чудовищных условиях живет ее ребенок, она ни секунды не сомневалась.

— Он сначала ничего не рассказывал, — говорит Диана Алексеевна. — Считает, что мужики должны все в себе таить. Но я поняла на присяге, что что-то не так: он замкнулся в себе, а глаза — как у испуганной лошади.

Мама написала в семь разных инстанций заявление на семи машинописных страницах, подробно описывая все, чему стала свидетелем сама, и что ей удалось вытащить из Павла. Каждый абзац, каждая строчка передают ее невероятное возмущение — и вызывают возмущение у читателя.

Из Заявления Дианы Гаврюковой в военную прокуратуру ЛенВО от 11.08.2009:

«Мой сын столкнулся с бесчеловечным и унижающим достоинство обращением к молодым военнослужащим-новобранцам. «Воспитание» новобранцев возложено на старослужащих срочной службы. В «воспитание» входят изматывающие физические упражнения до полного физического изнеможения, ежедневные наряды по «прополке» травы в лесном массиве части, ежедневное 12-часовое и более маршматическое подметание асфальтового покрытия части, разгон луж и другое. «Воспитание» проходит в течение всего дня, а также в ночное время после отбоя. Отдыхать новобранцу здесь не положено по «Дедовскому Уставу».

<...>

Привезенные мною в день присяги 10 пар носков отобрали деды. Отобрали все: конфеты, мыло с зубной пастой, бритвенные принадлежности и даже туалетную бумагу. В части нет туалетной бумаги, ПОЗОР!

<...>

Пользоваться шампунями в бане могут только старослужащие, я спрашиваю сына, почему? Ответ — нам ЕЩЕ не положено.

<...>

Постоянные умоляющие просьбы сына положить денег на незнакомые мне номера мобильных телефонов, причем суммы небольшие, 250–300 рублей каждый раз, сделать срочные денежные переводы (сделала на 800 рублей). (Копии квитанций прилагаю.)

<...>

Ночная жизнь в части бурлит, спать нашим детям приходится урывками. Кроме изматывающих ночных физических упражнений, старослужащие в 2 часа ночи ежедневно заставляют наших ребят стирать и подшивать воротнички себе и им. Делать это вечером «не положено» по «Дедовскому Уставу».

<...>

Кормят очень плохо. При том, что в части есть своя свиноферма, мяса ребята практически не видят. Зато питание дедов в части на высшем уровне. Раздельное питание: у них отдельный стол.

<...>

После третьего месяца службы происходит ослабление вымогательств, только после того, как будет произведена денежная выплата дедам в размере 4 тысяч рублей (установленный в части тариф) и произведена церемония «посвящения» (12 ударов — разовая порка пряжкой от ремня по голым ягодицам). После этого ты считаешься «свояком», можешь, по «Дедовскому Уставу» растегнуть пуговицу на кителе и расслабить туго затянутый ремень. Можно получать посылки, пользоваться шампунями и туалетной бумагой.

<...>

В части есть еще изгой — молодые солдаты, чьи матери пытались разобратся с беспределом, творящимся в части. С изгоя-

ми по «Дедовскому Уставу» запрещено общаться. Они считаются «низшей кастой». Эта часть сравнима с колонией строгого режима, где вся иерархия выстроена по уголовным «понятиям»!!!

<...>

Мотивировка дедов здесь всегда одна: мы собирали деньги, над нами издевались, наша задача — научить вас, чтобы вы также эту систему применили на практике и передали дальше, как «переходящее Красное знамя».

<...>

И это только часть того, что мы могли с родителями узнать от наших детей. Все рассказывать они нам боятся, с ними на постоянной основе ведутся профилактические «беседы» с применением угроз о запрете докладывать родителям, что творится в части».

В части, где служил Павел, оказалось еще несколько срочников, как и он сам, из города Великие Луки. Он рассказал об этом Диане Алексеевне, и та смогла найти мам этих парней. Сначала их собралось трое, потом пятеро, все написали заявления — примерно об одном и том же. Результатом стало возбуждение уголовных дел против пяти человек.

Чем закончится история, неизвестно, но уверенности и настойчивости Диане Гаврюковой не занимать.

А сын ее, как и еще четверо его великолукских товарищей по несчастью, дослуживают в Пушкине, где условия не в пример лучше.

— Все по Уставу — воинскому, а не «дедовскому», — радуется Диана Алексеевна. — Их прикомандировали туда — теперь уж пушкской дослужат.

Вроде бы все кончилось хорошо? Вот только ничего не кончилось. После двух месяцев кошмара в Кронштадте Павлу явно требуется реабилитация. Он не жалуется: «мужчины все должны держать в себе». Но каждую ночь ходит и разговаривает во сне.

Случай Дианы Гаврюковой и ее четырех товарок — практически уникальный. Редко когда матерям удается объединиться в защиту своих сыновей. Для этого необходимо совпадение сразу нескольких обстоятельств. Во-первых, в один призыв в одну благополучную часть должно попасть сразу несколько человек из

одного небольшого населенного пункта (если город будет большой, матери вряд ли станут искать друг друга). Затем, этот город должен располагаться недалеко от места службы (из Великих Лук в Кронштадт легко можно доехать за день) — тогда все эти матери имеют непосредственную возможность регулярно наблюдать плачевное состояние своих детей, а это необходимое условие для того, чтобы решиться действовать. Наконец, среди них должен быть такой «мотор», как Диана Гаврюкова.

Елена Дмитриева думала лишь об одном — как защитить своего сына, родного ей человека; Диана Гаврюкова же хотела восстановить справедливость, как она ее понимает. Они шли одной дорогой, но к разным целям — поэтому и «финиши» у них разные: Дмитриева добилась, чтобы ее сына, тяжело заболевшего в армии, — комиссовали. А Гаврюкова — хотя ее Павел также переносил заболевания «на ногах», как и Владимир Дмитриев, подвергался жестоким пыткам и подорвал здоровье, добилась того, что было главным для нее — возбуждения уголовных дел. Сын же, по ее представлениям о справедливости, должен служить — но только «по правилам». И будет служить до конца.

Однако обе матери, хоть и такие разные, сходны в одном: сила их духа такова, что они не пасуют перед самыми жуткими опасностями и готовы бороться. Но может ли сопротивляться уничтожающей все человеческое в людях машине тот, кто не наделен столь пламенным даром?

Михаил Агапов служил в той же Псковской дивизии ВДВ, в которой «доживал» свои армейские деньки Владимир Дмитриев — причем в то же самое время.

В отличие от двух предыдущих парней, Агапову ни за что бы не выбраться, если бы он не решился помочь себе сам. Михаил вынужденно оставил часть и сам писал свою Объяснительную записку.

Из Объяснительной Михаила Агапова от 21.08.2009:

«Меня со дня призыва избивали, отбирали деньги, телефоны. Сержант Коротков бил молотком, по шее ремнем. Обещал, если не привезу ему 2000 рублей, выбить зубы.»

После перевода в инженерно-саперную роту начались страшные побои. После избиения в область головы у меня ухудшилась память, в глазах стала появляться рябь, головокружение, тошнота и боязнь высоты. Не давали спать ночами.

Выбил мне зуб младший сержант Удальцов, бил головой об стену, прыгал в берцах мне по спине. Угрожал убить и сказать родителям, что я разбился с парашютом.

Сержанты неоднократно приводили проституток в казарму, строили нас, вновь прибывших, и на их глазах издевались, глумились до утра.

Во время прыжка из самолета ударился головой о борт, на время потерял сознание, после чего стало тяжело дышать, часто тошнит без причины, закладывает уши. В госпитале проверили только «на глаз», сказали: ничего у тебя нет, все нормально.

На данный момент морально подавленное состояние, начал бояться людей. По телу постоянно в течение двух месяцев лезут фурункулы, сводит ноги в коленях».

— Родители, приезжавшие навещать сына, видели его с финглами: бабушка, мама, папа — и лишь сетовали, не догадались его забрать, — возмущается Элла Полякова. — Только когда он сам убежал, они привели его к нам.

21 августа 2009 года Михаил оказался в «Солдатских матерях», в тот же день его успели показать гражданским и военным врачам.

Заключение кандидата медицинских наук Ольги Гордон:

«Декомпенсация тревожной личности, проявляется выраженными аффективными нарушениями (страх, аффективные вспышки, навязчивые мысли). Нуждается в активном лечении у психотерапевта».

Тяжелый день 21 августа шел к концу, Михаил был готов к госпитализации. Но самое интересное только начиналось...

— Около десяти вечера мама мальчика вдруг сказала мне, что у них дома сидят военные! — вспоминает Элла Полякова.

Оказывается, как только Михаил сбежал из части, «поисковая группа» в составе двух офицеров нагрянула к нему домой, в Пе-

тербург. Мать не только открыла им дверь, но и ничего не посмела возразить, когда ей заявили, что в квартире теперь будет засада.

Военные запаслись чипсами и сели перед телевизором, а тем временем маме позвонил сын. Из Пскова он добрался до Плюссы и просил забрать его. Мама выбежала на улицу, схватила такси и поехала за ним. Офицеры ВДВ-шники знали, куда она поехала — и приказали привезти парня к ним в лапы, даже не поднявшись с дивана. «Принесите-ка мне, звери, ваших детушек, я сегодня их за ужином скушаю», — сказал Тараканище. Но мама Михаила Агапова, хоть и задрожала, нашла в себе силы не падать в обморок.

Встретившись с сыном в Плюссе, она наконец решилась пойти наперекор наглости и силе и, созвонившись с отцом (он как раз возвращался из междугородной командировки), привезла сына к правозащитникам.

И вот, в десять вечера 21 августа 2009 года, оказалось, что квартира Агапова оккупирована.

— Мы решили ехать снимать осаду, — рассказывает Элла Михайловна. — Я, отец мальчика и еще один волонтер. Сначала готовили различные ролевые варианты — собирались ломать комедию, что мы родственники из другого города. Но, как только я разобралась в ситуации, поняла: можно действовать. И сразу выложила карты на стол. Представилась, со всеми регалиями, записала их фамилии и спрашиваю: «Вы понимаете, что захватили квартиру? Соображаете, чем это грозит с точки зрения Уголовного кодекса?» Они сразу понурились: «Куда же, — говорят, — мы пойдем, на ночь глядя?» Но, честно говоря, никакой жалости к ним я не испытывала. Предупредила только, чтобы подготовили Мише документы на госпитализацию.

Осада была снята. Правда, потом военные еще предпринимали попытки захватить Агапова, но от них удавалось отбиться. Михаил в конце концов был госпитализирован и комиссован. А его мама стала одним из волонтеров РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»: у нее дома останавливаются иногородние родители, приезжающие, чтобы помочь своим сыновьям.

Если в двух первых историях поведение матерей было в большей степени естественным для них — что отнюдь не умаляет ни их

подвиг, ни перенесенные ими страдания, — то родителям Агапова нужно было еще и преодолеть себя. Поэтому в какой-то мере им пришлось тяжелее, чем Елене Дмитриевой и Диане Гаврюковой.

И закономерным итогом стало то, что, один раз перестроив свое сознание, они в итоге переменили и свою жизнь, свое мировоззрение. Они преодолели свой страх — тот, который не позволил отцу Владимира Дмитриева забрать сына из Псковской дивизии и привезти его в Петербург. Страх, который как раз и культивирует такой могущественный институт, как армия, — страх раба перед своим господином.

Очень важна для них была помощь со стороны — ведь им пришлось переступить через собственные представления о том, что правильно, а что нет. В таких случаях моральная поддержка просто необходима. Но никакие правозащитники не смогли бы помочь Михаилу, если бы родители не решили бороться за него: инициатором сопротивления злу может быть только сам пострадавший, как бы тяжело это ни было.

История семьи Парамоновых перекликается с историей Агаповых — правда, в ней столько трагических поворотов, что ее можно спутать с сюжетом авантюрного романа.

Евгения Парамонова призвали 21 июня 2004 года из Ухты, он отправился служить в пос. Лебяжье Ленинградской области.

— Лебяжье «держали дагестанцы», — рассказывает Евгений. — Говорили, что бандиты платят по 10 тысяч рублей, чтобы попасть в эту часть — и это было неплохое капиталовложение, потому что они легко «отбивали» эти деньги. Они отбирали посылки и денежные переводы, занимались еще бог знает какими темными делами. Офицеры тоже не отставали: требовали взятки за каждый отгул.

Евгений прошел через издевательства и избиения — обычный набор для российского призывника. Выдержал четыре месяца, а потом решил, что с него хватит.

— Я просто вышел за ворота, сел на электричку и поехал домой. Когда добрался до Ухты, решил съездить в Сыктывкар, чтобы написать заявление в военную прокуратуру.

Но на объяснения Евгения никто внимания не обратил: проведенная проверка показала, что «факты подтверждения не нашли».

У бегунка Парамонова не было никакой поддержки, про «Солдатских матерей» он и не слышал — поэтому и отбиться возможности не было.

Ему вменили ст. 337, ч. 1 и 3 УК: «Самовольное оставление части или места службы» и присудили 1 год и 3 месяца условно с испытательным сроком в 1 год.

— Я просил по крайней мере не отправлять меня в ту же часть: меня же там убьют! Мне типа посочувствовали, но, говорят, ничем не можем помочь: Лебяжье — это Внутренние войска, а не Вооруженные силы, так что ты не нам принадлежишь.

И беглый раб отправился назад, к своим «хозяевам». К счастью, поначалу Евгению везло: майор Черепянский поставил его на должность каптерщика, и Парамонов целый месяц практически не покидал своей персональной каморки. Но потом его отправили ни стрельбище в Лемболово, где он встретился со своим бывшим комбатом, майором Алиевым.

— У меня пропал сотовый телефон, который я обнаружил у Алиева. Я потребовал вернуть мобильник, меня избили, сломали нос. И сказали, что я должен достать еще один телефон — потому что Алиев якобы «пострадал» из-за моего бегства. И я решил, что смысла там оставаться нет.

10 июня 2005 года Евгений второй раз сбегает из части и снова возвращается домой. Но там его вскоре находят военные, отвозят в Сыктывкар и сажают на гауптвахту.

— Там я познакомился с капитаном Мозговым. Во время допроса он нашел у меня телефон, хотел отнять — тогда я потребовал опись изъятого. И эту опись я получил — правда, перед этим меня били дубинками минут пятнадцать. Кстати, до сих пор не понимаю, почему в конце концов они ее мне дали.

На этот раз никакого суда не было: из Лебяжьего приехали двое сопровождающих, которые в наручниках доставили Евгения назад в часть в обычном пассажирском поезде.

В Лебяжьем Парамонова поместили в камеру для временно задержанных военнослужащих.

— Вообще-то в ней можно сидеть максимум сутки, потому что там кормежка не предусмотрена. Но меня запихнули туда на месяц. Раз в три дня пацаны из караула давали еду — от себя от-

рывали. Кстати, со мной сидел еще один такой же паренек. Чтоб ходить в туалет, пришлось выломать две двери.

Наконец Евгения выпустили и направили в ту же роту, из которой он дважды бежал. Три месяца он провел в казарме. А потом его неожиданно повезли в военную прокуратуру.

— Меня допрашивал старший лейтенант Сенчук. Сказал, что те три месяца, что я уже служу, я у них значусь в федеральном розыске. И потребовал взятку — сумма дошла до трех тысяч долларов, — чтобы не возбуждать против меня дело. Но я отказался платить, и меня отправили назад в часть.

Позже Евгений лег в госпиталь, где сдружился с одним скользким типом.

— Он украл мобильник, и пострадавшие заявили в милицию. Ему нужно было куда-то деть телефон, и тогда я сказал: «Отдай мне!» Позарился на чужое. Но и получил по заслугам. На допросе он сказал, что это я украл.

Мобильник при обыске палаты нашли в тумбочке Парамонова. Из госпиталя парень отправился в военную прокуратуру.

— Бесплатный адвокат сказал, что, если я заплачу 5 тысяч долларов, то меня «отмажут». Родители решили платить: передали три из них. Две тысячи — адвокату, еще одну — Сенчуку. Но потом сумма начала неожиданно расти. Адвокат сказал, что, раз я был ранее условно осужден и не отгулял испытательный срок, то нужно семь, а потом и десять тысяч, но при этом меня в любом случае ждут два года дисциплинарного батальона.

27 декабря 2005 года Евгений снова сбегает, на сей раз из части при военной прокуратуре на ул. Якубовича в Петербурге. И снова возвращается в Ухту, где наконец обращается за помощью в местный Комитет солдатских матерей.

— Я описывал им все дела по взяткам, и потом они писали в Генпрокуратуру. И на следствии рассказывал об этом. Но «проверка не подтвердила», и в уголовном деле против вымогателей отказали.

При помощи «Солдатских матерей» Евгений наконец-то лег на обследование ВВК в госпиталь в Воркуте, но его не комиссовали.

— У меня нашли язву, но перед окончательным заключением ВВК справка об этом пропала...

За Парамоновым снова приехали конвоиры из Лебяжьего — но на этот раз он сбежал из поезда на станции Ухта. На сей раз, чтобы покончить со службой в армии, он с мамой Лидией отправляется в Петербург, где они обращаются за помощью в РОПО «Солдатские матери». По совету Эллы Поляковой, Евгений обследуется в Институте им. Бехтерева, где у него находят ряд заболеваний, его кладут на ВВК в 442-й госпиталь в Петербурге и... ничего не подтверждают.

— Это был уже август 2006 года. Вместо того чтобы комиссовать, меня взяли под стражу. Сначала сутки на гауптвахте — а потом в «Кресты».

За кражу мобильного (кстати, подельник Шубин в этом деле шел как свидетель) и 6 эпизодов оставления части Парамонову дали 5 лет общего режима.

2 июля 2009 года он освобожден условно-досрочно, отсидев 2 года и 7 месяцев в колонии общего режима.

— Как-то у меня брало интервью финское телевидение, спрашивали, что лучше: служить в армии или сидеть в тюрьме. В армии нас ничему не учили: я ничего не знаю ни по огневой, ни по тактической подготовке. Единственное оружие — лопата, чтобы делать раскопы на территории, да еще травку выщипывали. По-моему, в тюрьме лучше: там больше порядка, больше уважения к человеку со стороны администрации, чем в армии. То есть в какой-то степени мне это пошло на пользу: если хочешь что-то ценить, надо сначала это потерять. С другой стороны, пока я был в тюрьме, умер мой отец... Но вообще-то лучше — ни туда, ни туда не попадать.

Сейчас я рассчитываю жить дальше, работаю у себя в Ухте в «Строймаркете». Хочу перебраться в Петербург, получить высшее юридическое образование, — планирует Евгений. — Мне пришлось столкнуться с ситуацией, оказаться в которой никому не пожелаешь, и приходилось себя защищать. Думаю, что смогу помогать другим людям, попадающим в такую же беду.

Мама Евгения, Лидия Парамонова, как приехала в Петербург в 2006 году, так здесь и осталась: с тех пор она работает в «Солдатских матерях», стала правозащитником. Столкновение с армией изменило их жизнь полностью. И в конце концов, все закончилось не так плохо, как могло бы.

Но вот вопрос: пришлось бы им проходить через все это, если бы они вовремя получили помощь: внимание, поддержку, просто хороший совет?

Комментарий юриста

– **Имели ли право десантники захватывать Дмитриевых? Как можно квалифицировать взятие их «в заложники»?**

– В настоящее время такой порядок предусмотрен ст. 51, 79 Дисциплинарного устава Вооруженных сил РФ.

Ст. 51 гласит: «В целях пресечения дисциплинарного проступка <...> к военнослужащему могут быть применены следующие меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке: доставление; задержание; личный допрос...»

Ст. 79: «При нарушении младшим военнослужащим в присутствии старшего военнослужащего воинской дисциплины старший военнослужащий обязан сделать младшему военнослужащему напоминание и, если оно не возымеет действия, может применить другие установленные общевоинскими уставами меры, вплоть до доставления его в военную комендатуру гарнизона».

Вместе с тем, указанные нормы вступают в коллизию с другими нормативно-правовыми актами, так, сложная юридическая ситуация образуется при оставлении военнослужащим войсковой части в состоянии крайней необходимости, в этом случае оставление войсковой части дисциплинарным проступком не является.

Кроме того, при задержании военнослужащих другими военнослужащими, как правило, в нарушение закона не составляются протоколы о задержании или доставлении, что позволяет признать указанные действия незаконными и подпадающими под ст. 286 УК РФ. То же самое в полной мере касается задержания военнослужащими гражданских лиц.

– **Каковы судебные перспективы дела Гаврюковых?**

– Ожидается вынесение обвинительного приговора, однако следствие всячески препятствует допуску специалистов нашей организации к участию в деле в качестве представителей потерпевших.

– Почему Парамонов получил сроки за б оставлений части, хотя, очевидно, имел на это законные основания — в частности, реальную угрозу жизни и здоровью?

– По поводу его заявления об угрозе жизни и здоровью было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, что является для суда допустимым доказательством отвергнуть объяснения подсудимого о том, что он подвергался насилию.

Глава 4. Содействие

Человеческая психология, а следом за ней и человеческое общество подвержены законам, которые кажутся странными при холодном аналитическом взгляде на них. Например, как объяснить, что два человека, выступающие против армейского беспредела в паре, оказываются втрое, вчетверо сильнее, чем они же, действующие поодиночке? Неужели привыкшим к собственной безнаказанности военным настолько сложнее дать отпор двоим безоружным людям, а не одному? Однако факт этот не раз отмечали «Солдатские матери»: группа поддержки за спиной того, кто добивается соблюдения своих прав, способна оказать на оппонентов просто магический эффект.

Например, посещать военкомат правозащитники советуют призывникам только при поддержке семьи и знакомых, чтобы предотвратить возможные незаконные действия — особенно если ситуация подозрительная или напряженная. В таком случае куда меньше вероятность, что сотрудники комиссариата «потеряют» какую-нибудь важную справку или дадут ложное заключение о состоянии здоровья призывника.

Может показаться, что это из-за возможности дать показания в суде: если факт нарушения закона могут подтвердить двое, а тем более трое свидетелей, заявление выглядит во много раз убедительнее. Но какое значение это имеет при тотальном разложении судебной системы и надзорного аппарата? Не говоря уже о том, что армейские преступники всегда могут организовать показания десятков подвластных им солдат-рабов, которые численно перевесят любые свидетельства правозащитников.

Всепоглощающая ложь — главный принцип, на котором строится коррупционная армейская машина. Ложь — это цемент, соединяющий вместе отдельные сегменты корпорации. Но ложь, словно Тень в одноименной пьесе Шварца, сморщивается и иссыкает, стоит сказать ей: «Знай свое место», — пусть часто лишь на время... И чем больше свидетелей говорят: «А король-то голый!» — тем меньше веры остается у преступников в собственную правоту.

Только самые искусственные обманщики могут продолжать лгать, даже когда свидетелями их лжи становится множество людей.

Почему? Наверное, причина в природе человека. Люди объективно существуют в реальном мире, и поэтому в каком-то смысле являются его заложниками: из-за этого правда и ложь в человеческом споре выступают как неравноценные противники. И это в какой-то мере даже иррационально, потому что слова правды, сказанные физически слабыми и не наделенными властью людьми, могут оказаться сильнее бандитских «понятий» могущественнейшей корпорации — например, такой, какой является российская армия.

Для этого и нужно любой стране гражданское общество: сомневаться, видеть правду позади водопадов лжи и говорить все, как есть! И, как ни странно, даже в России, где на мнение людей власти привыкли не обращать внимания, это действует.

Чудесный пример того, как гражданское общество преодолело иммунную систему корпоративной круговой поруки — история **Дмитрия Федосеева**.

Из статьи «Верховному, про дедовщину» Татьяны Вольтской, сайт радио «Свобода», 28 сентября 2009 года (<http://www.svobodanews.ru/content/article/1838415.html>):

«Дмитрий Федосеев, служивший в Сосновом Бору, в середине сентября попал в местную больницу. Врачи обнаружили у него внутреннее кровоотечение: в селезенке скопилось четыре литра крови. Врачи с трудом спасли ему жизнь, удалив селезенку.

Специалисты уверены, что все эти повреждения — результат избиения. По этому факту возбуждено уголовное дело».

Случай Федосеева получил некоторое освещение в СМИ. Интерес у медиа он вызвал по двум причинам. Во-первых, часть Внутренних войск, в которой был избит Дмитрий, занимается охраной атомной электростанции в Сосновом Бору под Санкт-Петербургом. Из-за того что среди охранников столь важного для безопасности всей Европы объекта процветает дедовщина, чувствуешь себя неуютно...

Во-вторых, необычным оказался путь информации об избении военнослужащего на страницы изданий и даже в эфир 5-го канала и 100ТВ. Толчком для медиа стал сбор подписей в Интернете.

Из Обращения к президенту Дмитрию Медведеву, под которым люди ставили свои подписи, размещенного 25 сентября 2009 года на сайте <http://www.sborgoloso.ru>:

«После того как родители предали огласке это происшествие и написали заявление о возбуждении уголовного дела, на молодого человека и родителей стало оказываться давление: Дмитрия собрались переводить в некий военный госпиталь, в палату к нему стали с завидным постоянством приходить какие-то неизвестные родителям люди. Излишне говорить, что из самой войсковой части никаких сообщений и заявлений о происшествии никуда не поступало!

Событие вызвало большой резонанс, прежде всего в Интернет-форумах Санкт-Петербурга. Характерно, что ни печатные, ни электронные СМИ не проявили какого-либо интереса к произошедшему, пока гневные сообщения не появились на их Интернет-страницах, в других блогах и форумах. Первый же канал проявил себя непостижимым образом: не говоря об освещении вопиющего факта в новостных программах, модератор старательно удаляет всю информацию, оставленную на форуме ОРТ в Интернете. Пользователи, пытавшиеся оставить информацию, «заблокированы до 2032 года». Видимо, столько себе отмерил Первый канал...»

Только в первый день подписной кампании, как сообщает радио «Свобода», было собрано 1300 подписей.

— Меня очень радует, что сбор подписей начался по инициативе обыкновенных граждан, жителей города, — подчеркивает Элла Полякова в интервью «Свободе». — Люди все отчетливее понимают эту жуткую проблему — невероятные страдания мальчишек в армии. И не хотят молчать. Другой вопрос: а стоит ли просить президента о чем-то? Скорее он должен отчитаться, почему в армии такой бардак.

Могучее выступление граждан заставило военных обратить внимание на заявление родителей Дмитрия и возбудить дело.

Но это не значит, что они сразу сдались и «выдали» виновных на справедливый суд.

Из Обращения к президенту:

«Все, кого не оставило равнодушным случившееся с Дмитрием Федосеевым, опасаются, что виновные опять уйдут от наказания, как это случилось с другими мальчиками в России, оставшимися инвалидами или погибшими вследствие неуставных отношений, в том числе в этой же части № 3705 ВВ МВД РФ. Либо будет найден «стрелочник», общественности его бросят как кость, и все опять пойдет своим чередом. И это более всего ужасает, потому что за Дмитрием последуют другие, и конца беспределу не видно!»

Предчувствие не обмануло граждан: «стрелочника» действительно нашли.

Из репортажа «Рамиля Нурджинова принудили к чистосердечному признанию?» от 2 октября 2009 года с сайта телеканала 100ТВ (<http://www.tv100.ru/news/Ramilja-Nurdzhinova-prinudili-k-chistoserdechnomu-priznaniyu-14407/>):

«По заверениям родственников Рамиля Нурджинова — главного и единственного обвиняемого в избиении Дмитрия Федосеева — прежде чем он подписал явку с повинной, его ввели в заблуждение командиры части.

Они воспользовались тем, что Рамиль Нурджинов не знал юридически-процессуальных тонкостей закона и согласился написать чистосердечное признание в совершении преступления.

Альферада Матросова, тетя Рамиля Нурджинова:

“Мы приехали, Рамиль нам говорит, что его заставили написать чистосердечное признание. Какой-то подполковник, по моему, Духов, сказал, если ты не напишешь, я тебя на 2 года посажу. А они говорили, чтобы он написал, что два раза пнул в живот, а они замнут здесь дело”».

Один из комментариев к репортажу на сайте 100ТВ:

«Почему в сюжете не отражено, что сам потерпевший, Дмитрий Федосеев, категорически отрицает участие Рамиля в избиении? Как Рамиль может быть «главным обвиняемым», если Дмитрий сразу же назвал фамилии трех избивавших, и Рамиля среди них не было? В свете этой информации, будь она изложена в сюжете, рассказ тети уже не вызывал бы сомнений...»

— Дмитрий Федосеев категорически отрицает, что мой клиент его избивал, — поясняет адвокат сержанта Нурдинова (в некоторых СМИ — Нурджинов) Марина Носова — один из юристов, сотрудничающих с РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга». — Рамиль заявляет, что подписал признание под давлением, при этом ему обещали, что дело замнут.

К моменту написания книги Дмитрий уже был комиссован и выписался из больницы, а уголовное дело готовилось к передаче в суд. При этом в нем было четверо обвиняемых: помимо Рамиля Нурдинова, — те трое, на которых указал Федосеев. Характерно, что эти трое русские, а Нурдинов, по всей видимости, «подставленный» начальством, — башкир. Как позже увидит читатель, это не случайность; такое проявление ксенофобии встречается и в других делах.

Как бы ни было сильно чудовище, в которое превратилась изъеденная коррупцией российская армия, единственный богатырь, способный сразить его — общественное мнение — набирает силы.

Из Обращения к президенту:

«Нас — в который уже раз — поражает бессовестность, лживость, наглость тех людей, которые сначала попустительствуют тому, чтобы в армии происходили такие страшные, не поддающиеся никакому человеческому пониманию вещи, а потом всячески стараются замести следы, унижая и оскорбляя еще больше и без того убитых горем родственников. Все, чем сопровождаются такие истории, — это просто национальный позор, терпеть который уже нет сил!»

На момент написания книги под обращением подписались почти 8 тысяч человек.

Уровень журналистики в России крайне низок: большая часть средств массовой информации являются по сути органами пропаганды, выполняя государственный или бизнес-заказ. И общество, и властные структуры прекрасно об этом осведомлены.

Таким образом, доверие к СМИ подорвано — чем беззащитнее пользуются преступники. Давно уже публикации в прессе перестали быть основанием для прокурорских проверок и тем более возбуждения уголовных дел, о каких бы чудовищных нарушениях закона ни сообщалось с газетных полос.

Но добросовестные журналисты не считают это поводом для того, чтобы опустить руки; особенно в том, что касается проблем армии. Подписная кампания в поддержку Дмитрия Федосеева — это лишь вершина айсберга растущего общественного возмущения. То, что российские Вооруженные силы являются рассадником коррупции и дедовщины — давно стало общим местом. Поэтому и публикации об очередных армейских мерзостях неизменно вызывают доверие читателя. И — страх перед возможным возмездием у преступников.

6 мая 2008 года в петербургской газете «Мой район» появилась статья Галины Ильиной «Сбежавшего из части солдата везут обратно под конвоем». Она вызвала большой резонанс в обществе, в первую очередь благодаря пронзительным фотографиям Сергея Ермохина, изображающим обычный плацкартный вагон поезда и солдата, пристегнутого наручниками к койке.

Из статьи:

«Александра Белолобского призвали 21 июня 2007 года, несмотря на многочисленные противопоказания. Он — сирота, с младенчества воспитывался у бабушки, для которой после окончания сварочного училища стал единственным кормильцем.

В декабре Саша узнал, что бабушка лежит в больнице — поскользнулась на гололеде и сломала ногу. Еще через месяц пришло письмо от соседей: ногу ампутировали.

Только в середине февраля Саша добился от командования отпуска «по семейным обстоятельствам». Приехав домой в поселок Русско-Высоцкое Ломоносовского района Ленинградской области, — он сразу же стал собирать справки, чтобы комиссоваться и ухаживать за бабушкой.

По словам бабушки Татьяны Кечкеш, «бумаг собрали столько, что в макулатуру меньше сдают». Понадобилась даже справка о том, что Татьяна Аркадьевна не сама «умышленно нанесла себе увечья».

Через месяц солдат вернулся в часть. Как выяснилось, пары справок все же не хватило. Александр сдал документы командованию и стал дожидаться результата. Через месяц, не получив никакого ответа, он самовольно покинул часть...»

16 апреля 2008 года Александр обратился за помощью к «Солдатским матерям». Написал честное заявление обо всем, что было с ним в армии: не только о том, что не дают ухаживать за последним оставшимся у него родным человеком, но и об «особенностях» военной службы, которые успел испытать на себе в войсковой части города Иваново.

Из заявления Александра Белолобского в РОПО «Солдатские матери» от 17.04.2008:

«17 декабря 2007 года началась «сотка» у старослужащих (100 дней до приказа о демобилизации. — А.Б.). После чего, в тот же день старослужащие стали вымогать у меня деньги, это было днем в казарме. Ежедневно вымогали около 200 рублей, а к 27 марта надо было собрать 3000 рублей, под угрозой насилия. Мне приходилось просить своих друзей, чтобы они высылали мне эти деньги. 21 января моя подруга выслала мне мобильный телефон «motorola-7». Но мне пришлось его отдать старослужащим, под угрозой быть избитым. В этот же период старослужащие несколько раз в неделю заставляли меня отжиматься 400 раз подряд в противогазе в помещении сушилки, в дневное время».

В возбуждении уголовного дела прокуратура, как вы догадываетесь, отказала. Но для Белолобского пути назад не было: воз-

вращение в часть после заявления в прокуратуру — это вечный ярлык «красного»...

Гражданские врачи, к которым направили Сашу «Солдатские матери», нашли у него «расстройство адаптации», исключающее возможность армейской службы. Солдата прикомандировали к части в Пушкине, а затем он лег в госпиталь на ВВК.

Из статьи в «Моем районе»:

«Никаких сомнений в том, что после обследования его комиссуют, у Саши не было. Еще утром 6 мая он позвонил бабушке из госпиталя и сказал, что у него все хорошо.

Через несколько часов за ним пришли из Ивановской части — капитан Алексеев и младший сержант Куликов. На Александра надели наручники. В вагоне поезда парня приковали к полке. По словам капитана Алексеева, у него есть указание перевозить Белолобского только таким способом — “потому что он может сбежать”».

— Вскоре после этого Саше таки оформили документы, и он был уволен из армии по причине «необходимости ухода за больным родственником» — есть такая формулировка в законе, — комментирует Элла Полякова. — Думаю, здесь роль сыграли именно публикации в прессе. Они привлекли внимание к этому вопиющему случаю, и военные попытались как можно быстрее избавиться от того, кто стал причиной этого ненужного им внимания.

Преступники добились своего: им удалось избежать наказания. Но Александр Белолобский спасся, и это — заслуга журналистов. Заслуга гражданского общества.

Возможно, когда-нибудь в России идея о личной ответственности каждого гражданина за то зло, что творится в обществе, возобладает. Но пока что чаще всего эта ноша ложится на плечи немногих — тех, кого называют правозащитниками.

— Комиссовать военнослужащего, убежавшего из части из-за издевательств, бывает иногда крайне сложно, — рассказывает сотрудница «Солдатских матерей» Светлана Уткина. — Для этого ему надо пройти ВВК в госпитале, а, чтобы лечь в госпиталь,

нужно направление из части. Если парень напишет заявление в прокуратуру против тех, кто его мучил, его командиры могут начать намеренно тормозить этот процесс. Поэтому иногда мы предлагаем военным сделку: они помогают солдату как можно скорее комиссоваться, а он отказывается от преследования их по закону. Такую схему мы решили опробовать и в случае с **Романом Демьянчиковым**.

Объяснительная Романа Демьянчикова от 15.09.2009:

«Я призвался служить в в/ч 21633 18 июня 2009 года. На курсе молодого бойца на второй день нас начали бить. Меня били в грудь — в «душу», по почкам, печени, по голове, ногам, плечам, по животу, ставили «лося». Когда я попал во второй сводный батальон, первые дни жилось нормально, но потом началось для меня самое страшное: издевательства, унижение человеческого достоинства, избиения, прокачки.

В парке меня били прапорщик Капустин и ряд. Васильев. Снимали на телефон видео, где меня заставляли петь, танцевать, приседать, раскручиваться и бежать.

В начале сентября меня просто подставили: ряд. Васильев взял попользоваться мобильный телефон у мл. серж. Халиулина, и когда мы работали в технопарке, у ряд. Васильева был телефон в кармане. Пришел офицер, майор Симикин, и ряд. Васильев передал телефон мне на «сохранение», чтоб его у него не забрал майор Симикин. А т.к. я лежал под машиной, меня никто не мог обыскать. Уходя из парка, я телефон вернул ряд. Васильеву. На следующий день у ряд. Васильева мобильник украли, и после обыска старослужащие телефон «нашли» у меня в кармане штанов. Штаны лежали у меня на стуле всю ночь и весь день. В парк мы ходили в подменной форме.

После этого мл. серж. Халиулин объявил меня «крысой» и сказал мне, что я ему должен 7500 рублей. Я ответил, что у меня нет таких денег, на что мне сказали, что если я с зарплаты не верну, то меня убьют: повесят и скажут, что повесился сам, или закопают в лесу, и скажут, что убежал в самоволку».

Продолжаем экскурс по армейскому жаргону. Слово «крыса», как и многие другие, пришло из уголовного мира и означает вора,

который крадет у «своих», то есть сокамерников, сослуживцев по казарме — «крысятничает».

«Пробить лося» — распространенная в армии пытка, связанная с унижением. Жертва должна самостоятельно «накинуть лося», то есть крестом сложить руки раскрытыми ладонями вперед у себя на лбу — растопыренные пальцы напоминают лосиные рога, отсюда и название. После этого по ладоням наносится удар: рукой, ногой, табуреткой, прикладом автомата... Такое изощренное избивание, по мысли экзекуторов, не должно оставлять синяков на голове.

— К сожалению, в части, где служил Демьянчиков, большинство офицеров, кроме командира — полковника, оказались немняемыми, — вспоминает Светлана Уткина. — С полковником мы договорились: они привозят документы, мы отказываемся от заявления в прокуратуру, и они самостоятельно разбираются с дедом в своей части. С документами приехали два майора, Симикин и Косоруков. Они приехали в организацию и вели себя абсолютно неадекватно: издевались, хамили, обвиняли нас в том, что мы похитили парня! Я попросила у них показать документы на госпитализацию, чтобы проверить, правильно ли они оформлены — отказались. Как будто они не были заинтересованы в том, чтобы Романа комиссовали, и нарочно добивались, чтобы мы действовали по формальным каналам. Кое-как договорились ехать в госпиталь. Встретились там — Симикин сразу схватил Рому за грудки и поволок куда-то в укромный угол. А его надо видеть — это гора мяса и жира! Орет: «Что ты там наплел?! Ты всех опорочил!» — только матом. Я еле парня оттащила.

— *Как же Вам хватило сил?*

— В таких случаях нужна не физическая сила, а сила возмущения.

Но проблемы только начинались: начальники отделений отказали в госпитализации Демьянчикова, несмотря на предварительные договоренности. От майоров Светлана тоже никакой помощи не дождалась.

— Начмед был в Москве, мы пришли к его заместительнице. Я говорю Косорукову — заходите в кабинет. На что он мне ответил: «Тебе надо — ты иди и ложь! Тебе за это деньги платят». Я поняла, что толка от них не добьюсь, и заявила, что тогда мы лучше обратимся в

ВСО с сообщением о преступлениях, совершавшихся в отношении Ромы в части. На беду поблизости оказался следователь ВСО Синкевич, он услышал наш разговор и отозвал майоров в сторонку..

Из заявления Эллы Поляковой в Генеральную прокуратуру от 18.09.2009:

«В помещении военного госпиталя Демьянчиков Р.Л. был схвачен военнослужащими войсковой части 21633 Симикиным и Косоруковым, которые похитили Демьянчикова Р.Л. с применением насилия и убьели на автомобиле <...> в неизвестном направлении.

Более того, в помещении военного госпиталя присутствовал следователь ВСО по Санкт-Петербургскому гарнизону Синкевич, который не только не противодействовал незаконным действиям Симикина и Косорукова, а, наоборот, поддержал их и сообщил, что РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга» “следует разогнать”».

Сотрудник организации Уткина Светлана Анатольевна также подверглась нападению со стороны военнослужащего Косорукова, который причинил Уткиной С.А. физическую боль, препятствовал Уткиной С.А. свободно передвигаться по помещению военного госпиталя, заломал Уткиной С.А. руки, когда она звонила в ВСО.

Обращаем Ваше внимание на то, что современное уголовно-процессуальное законодательство не разрешает военнослужащим осуществлять меры процессуального принуждения, меры обеспечения в уголовно-процессуальном и административном порядке. Таким образом, в действиях военнослужащих Симикина и Косорукова содержатся признаки преступления, предусмотренного п. «а», ч. 3, ст. 286 УК РФ, т.е. “превышение должностных полномочий с применением насилия”».

— Симикин завернул Роману руку болевым приемом и куда-то потащил, а Косоруков не давал мне за ним погнаться, загородил дверь. Я билась об него — все без толку.. Тут только поняла, как я переоценила свои силы: думала, что справлюсь одна. Больше такой ошибки я не совершу.

Позже Светлана почувствовала, что у нее болит плечо, и зафиксировала травму — у нее обнаружили растяжение связок.

Как Демьянчикова уводили из госпиталя, видело множество людей. Сотрудники больницы, пациенты, навещающие их родственники — в том числе две мамы, обращавшиеся за помощью к «Солдатским матерям».

— Я кричала, подошел ординатор и спросил, что происходит. Косоруков ему ответил: «Не твоё дело!» — и тот просто отстал, — возмущается Светлана Уткина.

В возбуждении уголовных дел «Солдатским матерям» отказали: и по фактам избиения Демьянчикова в части, и по силовому захвату в госпитале — за отсутствием событий преступления. Вот так: то есть просто ничего этого не было.

Но, к счастью, Романа удалось спасти. Из-за нападения на правозащитницу поднялось возмущение в прессе, и похищенный парень даже не попал назад в часть: он переночевал у Косорукова дома и с утра следующего дня был доставлен в госпиталь в Подольске.

И, хотя трудностей было еще немало, в конце концов ему удалось комиссоваться.

Последняя история этой части книги — одна из самых страшных и одновременно обнадеживающих из всех, что я встречал в макабрическом архиве «Солдатских матерей».

— Я всегда думала, что сын служил нормально, — вспоминает Надежда Николаевна, мама **Николая Смирнова**. — Я от него ни разу не слышала о каких-то проблемах, дедовщине. Я ездила к нему в часть, и никаких подозрений у меня не возникало. Только просил много сала и сладостей. Сладости он сам любит, а вот сало — я думала, может быть, требовали офицеры? Да еще деньги просил класть на чужие телефоны, но нечасто. А сейчас вспоминаю, как он звонил, и голос у него был какой-то не такой. «Что-то случилось?» — спрашиваю. «Ничего, — отвечает, — просто соскучился по дому...» К сожалению, сейчас он ничего мне рассказать не может. Ничего не помнит. Два месяца в коме.

Потом по-другому оценила мама и то, что у Николая «сломался» новый мобильный телефон, вскоре после того, как она его привезла. 23 февраля 2008 года сын позвонил и попросил другой, причем не абы какой, а назвал конкретную модель, аж за 17 тысяч —

его нужно было выслать на незнакомый адрес, откуда мобильник должны были «передать ему». Но таких денег у Смирновой, жившей в городе Ухта Республики Коми и зарабатывавшей 14 тысяч, взять было неоткуда...

— 8 марта я проснулась в ужасе: ребенок не поздравил меня с праздником! Обычно в 6—8 утра всегда звонил с поздравлением, — плачет Надежда Николаевна. — Я ушла на работу, и тут в обед звонок. Увидела, что незнакомый номер, и сразу плохо стало, нехорошее предчувствие.

Из заявления Надежды Смирновой «Солдатским матерям» от 04.04.2008:

«При прохождении воинской службы мой сын получил открытую черепно-мозговую травму. Что случилось на самом деле, мы не знаем. 8 марта нам позвонил полковник Гордеев и сказал, что сына сбила машина. И сразу добавил: вы же понимаете, эту машину не найдут».

Не помня себя, мать на следующий день в 5 утра выехала в Архангельск. Как рассказывали ей военные, сын якобы здоровым вышел из части, чтобы купить себе и сослуживцам сладостей к чаю вечером 7 марта. Буквально через минуту после этого на КПП постучала женщина и спросила — не их ли солдат лежит на дороге. Тогда, как уверяют военные, они предположили, что парня сбила машина.

Но Надежда Николаевна не торопится верить в эту версию. Во-первых, если это была машина — почему ее не стали искать? Почему не искали свидетелей? Ведь можно было, например, пустить бегущую строку на ТВ — но военные ограничились одним объявлением из двух строк где-то в недрах толстой местной газеты.

Во-вторых, врач, проводивший судмедэкспертизу, работал с историей болезни, а на самого Николая не подумал даже взглянуть. Но и при этом на вопрос, мог ли это быть автомобиль, ответил: ничего не могу утверждать, удар тупым плоским предметом...

— Я говорила с ребятами в части, которые с ним вместе служили. Все рассказывают одно и то же, как заведенные. У меня оста-

лось впечатление, что они боятся. Думаю, если бы кто-то из них рассказал правду, мог получить то же самое, что и Коля.

В-третьих, перед самым происшествием Смирнов отстоял сутки в карауле. Только сменившись — в 5 вечера — он сам вызвался идти в магазин?..

— Следователь говорил мне, что он на моей стороне. Он по опыту знает, что в ДТП всегда страдают ноги. А у Коли ни единой ссадины на всем теле, кроме дыры в голове. Да и потом все врачи мне говорили, что, если человека сбивает машина, всегда переломаны руки-ноги.

Военные из части высказывали предположение, что солдата мог сбить лесовоз с торчащим чуть в сторону бревном. Или его сданыло зеркалом легковушки — но для этого высоченному солдату пришлось бы нагнуться над дорогой.

— Кто-то — уже не помню, кто — говорил мне, что он слишком ровно лежал на дороге. Как будто его вынесли и положили на проезжей части — чтобы была возможность списать на ДТП...

Не будем забывать и о неожиданной потребности Смирнова в телефоне стоимостью 17 тысяч рублей, появившейся незадолго до трагедии. Если предположить, что мобильник был нужен не самому Николаю, а вымогателям, то следом за отказом откупиться дорогой игрушкой могло логично последовать «наказание».

Вскоре лежащего в коме рядового Смирнова вместе с мамой на самолете перевезли из Архангельска в Петербург, в 442-й госпиталь. Николая положили в реанимацию — и маму пускали к нему лишь на пять минут в день.

— Я пробилась к одному командиру в штабе на Дворцовой площади, он сделал мне разрешение находиться при сыне хоть 24 часа в сутки. И, наконец осмотрев его в спокойной обстановке, я пришла в ужас: он был весь в пролежнях, которые врачи и не думали обрабатывать!

Каждый день Надежда мыла своего сына, разрабатывала ему руки и ноги, разговаривала с ним. Врачи же не давали и 1% за то, что Николай выживет. Доказывали матери, что его мозг практически мертв; от всего мозга действующей осталась крошечная точка. Может, поэтому и относились к нему, как к мертвому?

— Один раз я вышла за лекарством — мне плохо с сердцем стало — и увидела, вернувшись, что он задыхается, весь синий, — до сих пор не может сдержать возмущения Надежда Николаевна. — Оказалось, ему закрыли вставленную в горло трубку! Я начала возмущаться, говорить, что это покушение на жизнь человека — но, пока бегала к начмеду, трубку заменили, и сказали, что это у меня «съехала крыша».

В мае Николай неожиданно очнулся — вышел из комы. Хотя не говорил, никого не узнавал, практически ни на что не реагировал, не шевелился.

— Я продолжала с ним заниматься, хотя врачи меня уверяли, что он «овощ». И в начале июня я почувствовала, что он узнает меня. А 15 июня, в День святой Троицы, он впервые шевельнул рукой! И, хотя это видел лежавший на соседней койке солдат, врачи не поверили мне: решили, что у меня галлюцинации.

После истории с перекрытой трубкой мама решила во что бы то ни стало перевезти Колю в госпиталь им. Бурденко, в Москву.

— В этом мне очень помогли «Солдатские матери». Без них мне бы не справиться. Не знаю, что было бы с Колей, останься мы в 442-м...

А добиваться перевода пришлось долго: он состоялся только в конце августа.

— Перед самым отъездом Коля взял из моей руки шарик. Я говорю: возьми — он протянул руку и взял. На сей раз это видели медсестры. Но врачи... опять не поверили! Решили, что теперь уже и у сестер «глюки».

В госпитале им. Бурденко Николая сразу положили в общую палату, и врач даже удивился — зачем человека столько времени держали в реанимации, если ему нужно восстанавливаться? Срочно двигаться: садиться, чистить зубы! И в середине сентября парень уже делал первые шаги от кровати до окна. А 1 октября, в свой день рождения, смог сам сесть в коляску.

Николаю пришлось всему учиться заново: учиться ходить, держать ложку, говорить. Через полтора года после травмы, зимой 2009–2010 годов, он уже заново научился читать. Правда, до сих пор не мог выписаться: ему нужна была операция по пересадке трахеи.

— От трубки у него прямо в горле образовался пролежень, — говорит мама. — Эти трубки надо часто менять, чего не делали в 442-м госпитале.

Между тем Николай Смирнов продолжает вспоминать. Он уже вспомнил детство, вспомнил свою жизнь дома перед отправкой в армию в 2006 году. Так что, может быть, вернутся к нему и более поздние воспоминания. А до тех пор уголовное дело не закрыто — и ждет своих героев.

К моменту написания книги Надежда Николаевна уже больше полутора лет живет вместе с сыном в госпиталях; ее новая работа — ухаживать за ним и учить его, поэтому времени зарабатывать деньги у нее нет.

— «Солдатские матери» рассказали о нас журналистам, и после первой же публикации нам стали помогать. Присылают переводы, вещи, кладут деньги на телефон. Иногда просто приносят еду прямо к проходной госпиталя — абсолютно незнакомые люди. Один мужчина специально купил для Коли противопролежневый матрас, который очень пригодился вначале, еще нам подарили компьютер, на котором мы играем в развивающие игры. А в Колин день рождения пришли телеграммы и больше ста СМС с поздравлениями! Отдельное спасибо хочу сказать здешним врачам.

Надежда Николаевна практически все сделала сама. Своей самоотверженной заботой, своим рвением и настойчивостью она подарила сыну новую жизнь. Если бывают на свете подвиги, то это точно один из них.

Все, что требовалось Надежде — лишь немного содействия. И общество с радостью ей помогло — не только отдельные журналисты или «отщепенцы»-правозащитники — всем миром.

Историю Николая Смирнова можно рассматривать аллегорически. Российская армия сейчас лежит в коме, практически при смерти, изъеденная пролежнями дедовщины и коррупции. Но ее еще можно спасти, если те, у кого есть «доступ к телу» этого полутрупа, проявят хоть десятую часть того рвения, с которым спасала жизнь своего сына Надежда Николаевна. И у них есть, к кому обратиться за содействием в этом — гражданское общество России давно созрело и готово помочь.

Комментарий юриста

— Как часто в своей деятельности вы подвергаетесь опасности? Есть ли какие-то правила обеспечения безопасности?

— Опасности подвергаемся не часто, и правил никаких особо нет. Единственное — используем видеокамеры, диктофоны и прочие техсредства. Хотя иногда ощущается давление со стороны властных структур; в частности, пару раз военные врывались в помещение организации, искали у нас вынужденно оставивших часть солдат, но вреда не причиняли.

Кроме того, однажды на сотрудницу организации напали около военной прокуратуры № 53. Ей повредили руки, когда безуспешно пытались силой забрать парня, которого она вела в прокуратуру.

— Как вам удается хотя бы изредка добиваться исполнения законов при существующем коррупционном давлении, при повсеместной круговой поруке? Как получается, что на ваши запросы отвечают — и вы можете, скажем, перевести человека в госпиталь им. Бурденко? Или прикомандировать к другой части? Заставить комиссовать больного?

— Мы используем все законные возможности, придумываем новые варианты, нам очень помогают средства массовой информации. Государственные органы очень восприимчивы к сообщениям в СМИ. На наши заявления реакция обычно бывает очень быстрой, быстрее, чем на заявления граждан. К нашим заявлениям относятся внимательно, так как, как правило, они обоснованы и подлежат удовлетворению. В 2007 году, когда Рому Рудакова не хотели переводить в госпиталь им. Бурденко, сотрудники организации встали в пикет у 442 ОВКГ и были задержаны милицией, но были оправданы. В итоге Рудакова тогда перевели в московский госпиталь.

Часть 2. Паноптикум

*Смерть-то, оказывается, груба. Да еще и грязна.
Она приходит с целым мешком отвратительных инструментов.*
«Обыкновенное чудо», Евгений Шварц

Глава 5. Ксенофобия

Античные мудрецы, вторя библейским пророкам, наставляли своих сограждан: бойтесь нравственного разложения, оно приводит общество к самым отвратительным порокам. В России армия — наверное, самый разложившийся институт, хуже даже, чем ГУФСИН (Государственное управление федеральной службы исполнения наказаний): во всяком случае, нередко те, кому довелось побывать и в Вооруженных силах, и в местах заключения, уверяют, что в тюрьме или на зоне им жилось легче. Потому и обрастает армия самыми мерзкими из человеконенавистнических пороков, заражая ими все общество.

Две чеченские войны, сейчас перерастающие в третью — ингушскую, — глубоко заразили Россию ксенофобией. И сильнейшим проводником, раз за разом вливающим яд расизма в умы людей, стала именно армия. Дело тут не только в ветеранах боевых действий, чья психика подчас изуродована страшнейшими синдромами. В основе ненависти к непохожим лежит все тот же рабовладельческий принцип межличностных взаимоотношений, который требует от людей поиска все новых и новых поводов для унижения ближнего. А чуть более темный цвет кожи, необычный нос, непонятные привычки и традиции — «основания» для дискриминации ничуть не хуже, чем любые другие.

Именно за свою внешность стал жертвой дедовщины **Виктор Каллагов**, призванный в мае 2009 года из Владикавказа, Северная Осетия.

*Из Объяснения Виктора Каллагова, данного им 01.10.2009
ВСО СК при прокуратуре Петербургского гарнизона:*

«В каютерке старшина Фурсов нанес мне один удар кулаком правой руки в область носа, вследствие чего я упал, старшина продолжал наносить мне удары руками по голове не менее шести раз, после чего взял железную кочергу и нанес не менее трех ударов в область туловища. За медицинской помощью я не обращаюсь, т.к. старшина мне это запретил. Во время избиения старшина высказывался в мою сторону нецензурной бранью и словами, унижающими мое личное достоинство и вероисповедание».

— Виктор — интеллигентный мальчик из приличной семьи, служил в Гатчине, это под Петербургом, — рассказывает Элла Полякова. — Оголтелый прапорщик его угнетал, кричал: «Убирайся к своим мусульманам, режьте там друг другу горла».

Из объяснения, данного 02.10.2009 Михаилом Каллаговым, отцом Виктора Каллагова:

«Сын также мне рассказал, что в процессе избиения старшина Фурцев оскорбил его национальное достоинство, также Фурцев оскорбительно высказался по поводу мусульманского вероисповедания, хотя мой сын крещеный христианин, видимо, прапорщик полагал, что сын у меня мусульманин».

В российской армии служит немало исповедующих ислам, и они часто становятся объектами гонений якобы за свою «неправильную» веру. Но история Виктора как никакая другая показывает, что вероисповедание или национальность вовсе не являются истинными причинами ненависти: Каллагов не раз говорил своим мучителям, что он христианин. Однако для них это не имело никакого значения, потому что били и унижали они от желания бить и унижать. Виктора назначили «мусульманином» так же, как других жертв назначали «красными» или «крысами». Этот ярлык не имеет никакого отношения к вероисповеданию, как «крыса» — к воровству, а «красный» — к предательству.

Из заявления «Солдатским матерям» Алевтины Новиковой, тети Виктора Каллагова от 21.09. 2009:

«Фурсов ударил его в лицо, затем повалил на пол и продолжал бить ногами. В результате побоев Виктор получил перелом челюсти. Два дня его не отправляли в госпиталь. Когда стало ясно, что без медицинской (хирургической) помощи все же обойтись, то перед отправлением в госпиталь племяннику порекомендовали держать язык за зубами и говорить, что упал и нечаянно сломал челюсть».

Сначала парень поддался угрозам. Но когда об истинных причинах попадания в госпиталь узнали родственники, получив от них поддержку, согласился написать правду — потому что только правда могла помочь ему спастись от дальнейших истязаний.

Из Объяснения Виктора Калагова:

«Примерно 12 или 13 сентября ко мне в палату пришел старшина и, угрожая физической расправой и будущими проблемами в части, заставил меня написать объяснительную, в которой он заставил меня написать неправильную информацию по факту получения травмы. Испугавшись, я выполнил его приказ».

В госпитале Калагова комиссовали. Но вряд ли это можно назвать хэппи-эндом.

— Виктора всё это сломало — уезжал отсюда никакой. У него был дядя, известный в Костроме журналист. Узнав о том, что происходит с его племянником, он умер. Мальчик еще и эту вину на себя взял, — считает Элла Полякова. — Мы предлагали родителям провести его через реабилитацию, но они отказались. И — все осталось безнаказанным...

В армиях атлантического типа о душевном состоянии военнослужащих должны заботиться профессиональные сержанты. В армии СССР за моральным климатом в коллективе должны были следить замполиты, сочетавшие эту задачу с другими, первостепенными: пропагандой и наблюдением за неблагонадежными в идеологическом смысле солдатами. В современной российской армии, лишенной сержантов в западном понимании, несмотря на формальное существование офицеров, отвечающих за «воспита-

тельную работу», реально эта функция возложена на дедовщину. Между тем, дедовщина как институт не способна решать эту задачу, особенно когда в воинском коллективе возникают настоящие сложности.

Одной из таких сложностей являются давние межнациональные конфликты. Взаимная осетино-ингушская неприязнь, тихо тлевшая в советские годы, расцвела пышным цветом в 2000-х годах, когда в похищениях, пытках и убийствах ингушей стали действовать сотрудники ФСБ и милиционеров из Северной Осетии. Этот узел противоречий не мог миновать армию.

Когда Дени Тепс, глава вайнахской диаспоры в Петербурге, получил сообщение, что у парня из тейпа Кадыровых, проходящего службу в Выборге, начались серьезные неприятности с начальством, он обратился за помощью к Элле Поляковой. Вместе они поехали в часть.

— Оказалось, что в часть, где было несколько офицеров-осетин, пришли служить солдаты-ингуши, оставалось только бросить спичку, — объясняет Элла Полякова. — Офицеры пытались сначала отвадить нас, говоря, что срочники просто «не хотят служить, и поэтому занимаются членовредительством». Но мы добились того, что нам дали поговорить с самими солдатами.

Ингуши рассказали, что между ними и осетинами возник конфликт, который офицеры предложили разрешить необычным способом: вместо привычных избиений, рядовые должны были сами выпить хлорки. Их госпитализируют и вылечат — офицеры же обещали после такой экзекуции считать конфликт исчерпанным.

— Они не знали, что есть статья за «членовредительство», — сокрушенно говорит Элла Михайловна. — В результате не только попали в госпиталь, но и оказались под угрозой отправиться в дисбат. Вообще адекватного понимания того, куда они попали, у этих ребят не было. В армию они шли, потому что «это круто», и потому что в этом они видели шанс выбраться из бедных сел. Один пошел «за своего брата», другой — несмотря на серьезную травму: у него рука не поднималась.

Уголовного преследования, благодаря вмешательству правозащитников, парням удалось избежать. Но никаких выводов из си-

туации никто делать не собирался. К такому крайне деликатному предмету, как межнациональные отношения, нужен подход старательный, бережный. В российской же армии никакого подхода нет вообще: несмотря на формальное существование «психологического тестирования», людей просто кидают в общий котел, не разбирая и не интересуясь ни ими самими, ни их проблемами, и даже не смотрят, кто «выплывет», а кто нет.

В результате непрерывных войн и невнятной внутренней политики Кавказский регион России в экономическом и социальном плане стал даже более отсталым, чем обычная российская глубинка. Люди живут в основном в селах, где нет ни работы, ни медицинского обслуживания, а зачастую и школ. Единственный пример относительно благополучной жизни, который молодые люди видят перед своими глазами — это силовики. Милиционеры и сотрудники ФСБ получают регулярно зарплату, да еще могут неплохо наживаться благодаря коррупции. То же можно сказать и об армейских офицерах; но и рядовые, с их точки зрения, живут не так уж плохо: имеют хоть какое-то занятие, пусть мизерное, но жалование, а главное — перспективы, ведь только отслужившие в армии получают реальный шанс устроиться в силовые структуры.

Такая извращенная социальная среда даже создает необычные для России коррупционные предпосылки. В большей части страны, особенно в крупных городах, призывники стараются избежать службы в армии, чтобы не терять зря время в казарме и не превращаться в рабское «мясо»; на этом «спросе» основано коррупционное «предложение»: практически в каждом военкомате можно дать взятку, чтобы не попасть под призыв.

Однако на Кавказе ситуация выглядит с точностью до наоборот. Например, в Дагестане является привычной ситуация, когда молодой человек платит взятку за то, чтобы пойти в армию — например, в случае, если у него обнаруживают какое-либо исключительное призыв заболевание.

Военная или милицейская карьера стала для многих молодых дагестанцев самым привычным и престижным жизненным планом. Однако, как отмечают сами дагестанцы, все чаще на пути этих карьерных устремлений неведомо откуда возникают препятствия: например, муж и жена — оба полковники милиции, жало-

вались, что никак не могут добиться поступления своего сына в кадетский корпус, причем без каких-либо логичных оснований. Так как подобные истории всплывают все чаще, среди дагестанцев распространилось мнение, что это — следствие негласного распоряжения. Мол, для того, чтобы жители республики имели поменьше военного опыта — в том случае, если она вдруг станет следующей «горячей точкой».

Какими бы острыми ни были межнациональные противоречия среди народов Кавказа, самым значительным проявлением ксенофобии в России является расизм, исходящий от тех, кто называет себя «представителями титульной нации». Расистские традиции имеют в этой стране глубокие корни, хотя во время оно главным объектом ненависти были евреи.

Сейчас антисемитизм является скорее «приправой» к «основному блюду» — презрительному отношению к выходцам с Кавказа и из Средней Азии, а следом за ними — и ко всем, кто отличается формой лица, вероисповеданием или речью. Это «кушанье» разлито по внутренностям российского общества толстым слоем, и всем обитателям седьмой части суши приходится есть его большой ложкой.

Дагестанцу **Валихану** очень не повезло. В армию он сам хотел — даже оставил на время престижный московский вуз, чтобы, как принято на родине, отслужить. Без сучка и задоринки пройдя 3,5-месячный курс молодого бойца, на распределении он узнал, что попадет в артиллерийский полк.

— Земляки мне сразу говорят: тебя посадят, — вспоминает Валихан, — потому что было известно, что там командир — расист.

Проблемы начались сразу же. На третий день Валихан получил первое замечание по службе. Ему и девяти другим дагестанцам домой отправлялись письма, описывающие, какие плохие солдаты из них получились, как они не подчиняются дисциплине и вообще не хотят служить.

Валихану приходилось регулярно посещать кабинет полковника:

— Я вообще не терплю оскорблений. Ислам запрещает оскорблять. Но в части офицеры солдат постоянно оскорбляли, причем матом. И считалось, что если сносишь оскорбления — ты хороший

солдат, а если нет — то плохой. И если я начинал спорить: «Зачем так говоришь?» — меня отправляли к полковнику на разговор.

Разговоры, как вспоминает Валихан, носили характер откровенно расистский.

— Он постоянно говорил, что раз я дагестанец, то я на стороне чеченских боевиков и террористов. Я пытался объяснить, что эти террористы захватывали роддом в Дагестане, где мои родственницы лежали — как я могу быть на их стороне?! Но в ответ слышал лишь новые оскорбления. И не только наедине: он не стеснялся поносить нерусских и на построении перед всем полком.

Кавказцам не повышали звания — хотя в других частях почти всегда есть дагестанцы-сержанты, которых выделяют именно из-за их желания служить и взвешенного, серьезного подхода к этой работе. Хотя иногда это приводит к другой крайности: способные крепко объединиться, чаще всего хорошо физически развитые (многие дагестанцы с детства занимаются боевыми видами спорта), иные из них соблазняются возможностью легкой наживы в условиях дедовщины и становятся во главе «пищевой цепочки», вымогая деньги у других солдат, избивая и издеваясь. В стране, пропитанной расизмом, эти реальные факты были многократно раздуты слухами до размеров эпидемии: мол, нет спасенья от «частей, которые держат дагестанцы». При том, что части, которые точно так же, а то и хуже «держат» те, кто причисляет себя к другим национальностям, никто даже не думает посчитать.

В конце концов в части произошел инцидент: русский по национальности младший сержант подрался с рядовым дагестанцем. Ни один из них не получил серьезных повреждений, но было возбуждено уголовное дело.

— Так постоянно бывало: если русский с русским друг другу зубы повыбивали из-за какой-нибудь ерунды — на это никто и внимания не обратит, но стоило кавказцу с русским сцепиться — это криминал! — вспоминает Валихан. — Из десяти дагестанцев в части за год семерых посадили.

Через несколько недель Валихана вызвали к следователю, у которого он увидел уже готовое уголовное дело: якобы младшего сержанта избивали впятером, все пятеро — дагестанцы, в числе которых был и Валихан.

— Я сказал, что ничего этого не было, но следователь сказал, что посадил уже двадцать таких, как я, и меня посадит. Продолжая служить в той же части, я поговорил и с младшим сержантом, и с еще десятью солдатами, которые указаны в деле как свидетели. Все сказали, что на них нажали офицеры: если бы стали упрямиться, самим было бы худо.

Дагестанец, реально подравшийся с сержантом, написал признательные показания: взял вину на себя, просил не наказывать других. Но его просьбе не вняли.

Очень скоро состоялся суд: четверых из пяти обвиняемых посадили. Валихан ударился в бега.

— Первым делом мы обратились в прокуратуру в Дагестане, — рассказывает дядя Валихана, Руслан. — Рассказали все, как есть, и его не задержали: у прокурора у самого есть родственник, которого точно так же подставили. Это совсем не редкое дело.

С тех пор прошло уже два года (к моменту написания книги). Валихану удалось разыскать бывшего младшего сержанта, уже уволенного из армии, и тот согласился дать новые, правдивые показания. Когда все необходимые бумаги будут собраны, беглец собирается обратиться в Генеральную прокуратуру.

Кандидат медицинских наук Ольга Гордон поставила Валихану диагноз: «Реакция на ситуацию, проявляющаяся тревожно-депрессивным состоянием».

— Я очень устал так жить, — признается парень. — Не могу нормально работать, не могу учиться. За что — ведь я ничего не сделал!

Говорят, что у зла нет национальности: вину одного человека нельзя перекладывать на породивший его народ. Точно так же у зла нет и религии: человек, совершающий преступления во имя христианства или ислама, отрекается от них.

Но жертвы преступлений нередко оказываются носителями веры. И оскорбление религиозных чувств подчас бывает для них страшнее любых издевательств.

Светлана Роменская, сестра **Ровшана Гусейнова**, узнала, что ее брат лежит в 442-м госпитале, когда ей позвонил незнакомый солдат по имени Арсений. Ровшан разрывал на полоски листы бума-

ги и писал на них телефоны родственников. Эти записки он давал каждому, кого встречал на психиатрическом отделении, где его держали. До тех пор, пока он встретил Арсения, прошло две недели.

— Он был обколот лекарствами, — рассказывает Светлана Роменская. — Плохо помнил, как попал в госпиталь.

Собирать сведения пришлось по крупицам, тем более что вряд ли Ровшан сам мечтал о возвращении воспоминаний.

Свидетелем того, как его привезли в госпиталь, стал рядовой Артем Дога.

Из заявления Артема Доги от 20.07.2009:

«Ровшана привезли в отделение под воздействием лекарств. Через пятнадцать минут сделали повторный укол. В отделении с ним находился сослуживец Семен. Он рассказал, что Ровшана довели до такого состояния два дембеля».

Про двух дембелей Гусейнов помнил.

— Они заставляли его мыть туалет — не в наряде, а просто чтобы поиздеваться, — возмущается Светлана. — Брат отказался, и тогда они сказали, что сделают его наркоманом. Заставили принять таблетку — от этого у него, видимо, и начался приступ, и его забрали психиатры.

Из Волгограда приехала мама Ровшана, обратились к «Солдатским матерям», и те помогли написать заявление в прокуратуру. Не только о двух дембелях, но и о других издевательствах. Поводом для них стали религиозные чувства парня — и сильнее любых избиений задела его история с талисманом.

— Будучи мусульманином, он носил амулет, освященный в Мекке. Эта вещь имела для него огромное значение... — объясняет сестра. — Лейтенант Растегаев заставил его порвать амулет и растоптать. Это очень сильно на него подействовало — он чувствовал, что совершил страшный грех. Просил, чтобы его отпустили в мечеть — замолить грех. Конечно же, ему не разрешили. А потом лейтенант рассказал матери, что заподозрил, будто Ровшан «токсикоманит», время от времени прикладывая ладанку к лицу!

Если даже предположить, что дело здесь не в простом желании унижить, и «токсикоманская» версия имеет право на существо-

вание — что должно твориться в части, где командир на пустом месте винит солдат в употреблении наркотиков? Чтобы, увидев что-то новое, чего раньше не видел, подозревать в первую очередь наркоманию?

Из ответа военной прокуратуры Выборгского гарнизона:

«В ходе проверки установлено, что неуставных взаимоотношений, а также вымогательств денежных средств к матросу Гусейнову Р.Т. не применялось. Последнее подтверждается совокупностью полученных объяснений от военнослужащих указанной части, в том числе непосредственно командира роты старшего лейтенанта Растегаева А.В., которые помимо прочего пояснили, что за время прохождения службы Гусейнов ни с кем не общался и произвел впечатление замкнутого человека, что в последующем заключением военно-врачебной комиссии было обусловлено имеющимся заболеванием — «Шизофрения, параноидная форма».

— Из ответа получается, что шизофрения была у него до призыва в армию! — изумлена Светлана. — Хотя он не только всю жизнь был абсолютно нормальным, но и сейчас нормален.

Ровшана комиссовали с диагнозом «шизофрения». Как только его перестали колоть лекарствами, все признаки «сумасшествия» моментально пропали. Но следы от армейской службы остались.

К сожалению, к правозащитникам солдаты, пострадавшие от расистского отношения, обращаются крайне редко. Жертвам пока что просто не знакома такая практика. Из-за этого реальные масштабы преступлений на почве расизма в армии скрыты от внимания общества.

Комментарий юриста

— **Действительно ли так сложно привлечь к уголовной ответственности преступников на почве расовой или религиозной ненависти в армии? С чем это связано?**

— Действительно сложно. Это связано с общей тенденцией со стороны правоохранительных органов не замечать расового или национального мотива в преступлениях, сюда добавляется

нежелание военных следователей работать и добывать доказательства.

— **Есть ли у Валихана шанс вернуть себе доброе имя?**

— На мой взгляд, у него есть только одна реальная возможность снизить для себя негативные последствия — уехать домой, и тогда никакого уголовного преследования против него не будет. Восстановить доброе имя в рамках нашей системы будет невозможно.

Глава 6. Карательная психиатрия

Использование психиатрии в целях подавления является в России давней и недоброй традицией. Началось с того, что в послесталинские, относительно «травоядные» времена, советские руководители находились под пристальным наблюдением западных СМИ и правозащитников. Из-за этого карать несогласных привычными методами: расстрелами и тюремными сроками — не всегда было приемлемо.

На помощь быстро пришла психиатрия с очень удобной логикой: если человеку не нравится жить в «лучшей в мире стране», если он находит в ней какие-то «мнимые» недостатки — его нужно не наказывать, а лечить! Правда, такое «лечение», состоявшее из сплошных пыток, оказывалось для жертв страшнее любой тюрьмы. Был даже изобретен специальный диагноз: «вялотекущая шизофрения», — поставить который, следуя описанным «симптомам», можно любому человеку, включая каждого из психиатров.

После падения советского режима психиатрическая система претерпела еще меньше изменений, чем армия. На сегодняшний день это абсолютно закрытый от общественного контроля конгломерат учреждений, способный в любой момент вернуть прежнюю практику насильственной госпитализации противников режима.

Доказательством этого служат факты из уголовных дел: психиатры в силу своего привилегированного положения нередко становятся участниками криминальных и коррупционных схем. Например, с их помощью устраиваются недобровольные госпитализации одиноких беззащитных людей ради отъема их жилплощади. Распространена также постановка фальшивых диагнозов преступникам, что позволяет им уйти от ответственности.

В связке же с армейскими преступниками сервильные психиатры выполняют всю ту же старую роль, что и в советские времена: на «лечение» отправляют солдат, которые доставляют слишком много беспокойства дедам или коррумпированным офицерам.

История военной службы **Бориса Иванова** поначалу мало отличалась от тех, что были рассказаны в этой книге ранее.

Из Объяснительной Бориса Иванова от 28.09.2009:

«Я вынужденно оставил часть из-за давления со стороны офицеров и неуставных взаимоотношений. Я не выдержал, убежал. Около месяца скрывался у друга, дома не появлялся, так как знал, что будут искать. Меня вычислили, привезли в часть и пристегнули наручниками к батарее. Командир капитан Власов бил меня спинкой от стула. Просидел я так пару дней. Когда за мной перестали наблюдать, я отстегнул наручники и убежал. Поймали меня за Псковом и привезли в часть. Пристегнули — и началось все с начала. Просидел около недели пристегнутый наручниками к батарее в канцелярии».

Борис вышел из повиновения: обычные меры контроля рабов — страх, избиения — на него уже не действовали. Стоит ослабить контроль, и он снова убежит — и его мучители это прекрасно понимали.

Но нельзя же вечно держать его пристегнутым наручниками? Слишком хлопотно. Значит, надо как-то от него избавиться... Причем так, чтобы не понести за уже совершенные преступления ответственности.

Из Объяснительной Бориса Иванова от 28.09.2009:

«Меня сводили к психологу, после чего хотели посадить в клетку, как обезьяну на показ, но отправили в психиатрическую больницу «Богданово» на принудительное лечение».

Чем не выход? Если после госпитализации Иванов и начнет на что-то жаловаться, все его слова можно будет списать на «сумасшествие»!

Из Объяснительной Бориса Иванова от 25.09.2009:

«Я был отправлен в психиатрическую больницу «Богданово» на принудительное лечение командиром подразделения капитаном Волковым. При поступлении ничего не подписывал, права мне не разъясняли. После поступления положили в надзорную палату, привязали к кровати на два часа. После разговора с врачом отвязали. Кормили таблетками, проверяли, чтобы были выпиты».

С надзорной палаты не переводили, на прогулку не выводили. Две недели пролежал в «Богданово», после чего меня забрали в подразделение».

Понять логику действий психиатров сейчас трудно. Тем более что разьяснять свои действия больному они нужным не посчитали — как это обычно бывает в психиатрических заведениях. Что такого сказал Борис врачу, что его отвязали от койки? Какие таблетки ему давали и зачем? На эти вопросы, видимо, ни он, ни мы никогда не получим ответа.

Но одно мы знаем точно: что бы ни рассказывал Борис психиатрам, они смотрели на его истории сквозь пальцы. О том, чтобы написать на основании его заявлений обращение в прокуратуру, и речи не было.

По истечении двух недель дело было сделано: солдату поставили диагноз, который позволял и впредь не обращать внимания на его слова. Бориса вернули в часть, где он, по его словам, еще двое суток просидел пристегнутым к батарее, а потом отправили в Петербург в 442-й госпиталь, чтоб комиссовать.

План сработал: тем, кто издевался над Борисом Ивановым, удалось избавиться и от него самого, и от возможного наказания за содеянное.

Владимир Иванов сам рвался в армию — ему хотелось служить.

— Первый месяц я провел в роте вновь прибывшего пополнения — там все было отлично, — вспоминает он. — Но потом меня распределили в третью роту. Через неделю я должен был сделать свой второй прыжок с парашютом. Но на аэродромном поле я почувствовал тошноту и головокружение и сказал об этом старшему борта. Меня отстранили от прыжка. После этого несколько человек резко изменили ко мне отношение.

Владимир стал получать оскорбления и побои.

— Один раз кто-то не закрыл дверь в кубрик, деды сказали, что это я. Заставили снять двери с петель и таскать ее по «взлетке». Я позвал на помощь парня, который платил деньги, чтобы его не трогали, — потому что одному было дверь не поднять. И мы ее подтащили. Деды при этом били табуреткой и издевались.

Из объяснения Владимира Иванова от 23.06.2009:

«Ночью, когда все спали, Кантеев (узнал по голосу) и еще несколько человек, которых я не смог распознать, зашли в кубрик, вытащили меня в коридор, оттащили в душ, включили холодную воду и избили ногами. Удары наносили по бокам. Потом они ушли. Я лежал на полу. Потом вернулся в кубрик».

В конце концов Владимир убежал.

— Кантеев сказал, чтобы я «родил» ему 500 рублей. Назначил срок — до 16.00. До этого рядовой Габбасов рассказал мне, что его сильно избили в душе, сломали ногу за то, что не нашел денег. В 15.45, поняв, что денег мне не достать, я понял, что единственный способ избежать избиения был уйти из части, что я и решил сделать.

Так началась долгая история мытарств солдата Иванова. Месяц он прожил у брата в Петербурге, за это время обратился к «Солдатским матерям» и написал заявление в прокуратуру. Его удалось положить в 442-й госпиталь

Из Справки № 433 от 02.07.2009, выданной для предъявления в страховую организацию Военно-врачебной комиссией 442-го госпиталя:

«Иванов Владимир действительно в период прохождения военной службы 20 июня 2009 г. получил увечье легкое.

Закрытая черепно-мозговая травма. Сотрясение головного мозга. Закрытый перелом поперечного отростка первого поясничного позвонка справа с незначительным смещением отломков».

Несмотря на наличие этого документа и невыносимые боли в спине, на которые жаловался Владимир, врачи... ничего у него не нашли.

— Один раз мы решили убраться в палате, я пошел за совком — и вдруг вижу, стоит Стариков, начмед нашего батальона из Пскова. Я понял, что меня будут забирать в мою часть — и ушел. «Гражданку» мне ребята вынесли.

Владимир снова обратился к «Солдатским матерям», и им удалось второй раз положить его в госпиталь. Но врачи... снова ничего не нашли! И на сей раз после выписки парню не удалось избежать отправки назад в часть.

— Когда приехал, ротный капитан Кириллов стал душить меня в кубрике. Но его оттащили. Я понял, что так жить не смогу, и снова убежал.

Теперь отсутствие Владимира обнаружили быстро, и поймали его уже через три часа.

— Меня привезли назад и вызвали психолога. Я написал тест, по которому получил четвертую степень суицидности; это самая последняя. Предложили обследоваться в гражданском центре во Пскове. Я согласился.

«Гражданским центром» оказалась психиатрическая больница № 1 им. Богданова.

— Я там десять дней пролежал. Кормили таблетками — какими, не говорили. От них как будто под ногами все плывет, в голове мутнеет. Мозг отключается. Я звонил Элле Михайловне и Светлане Уткиной, они приезжали меня навестить.

Из заявления «Солдатских матерей» в военную прокуратуру ЛенВО от 08.09.2009:

*«Нашей организации стало известно, что военнослужащий в/ч 24538 **Иванов Владимир** Андреевич был помещен в психиатрический стационар Псковской областной психиатрической больницы №1 «Богданово» на обследование командованием войсковой части.*

Иванов В.А. не нуждался в экстренном оказании медицинской помощи и мог пройти обследование в психиатрическом отделении 442-го госпиталя.

В результате Иванов В.А. находился в ПОПБ №1 «Богданово» в отсутствие для этого законных оснований, подвергся в этом медицинском учреждении лечению, в котором не нуждался».

На основании диагноза, поставленного в «Богданово», Иванов был положен на психиатрическое отделение 442-го госпиталя, где его спокойно комиссовали.

— Тридцать семь дней курорта за решеткой, — вспоминает Владимир. — Меня вообще никак не обследовали, ничего со мной не делали, никак не лечили и в итоге комиссовали.

И вновь задача была выполнена: от несговорчивого (побег — это ведь попытка сопротивления) солдата избавились, и сделано это было по безопасной психиатрической статье. Об увечье, нанесенном Владимиру, теперь можно было преспокойно забыть. Что значит — ничего не было, и никто не виноват.

Несмотря на это, правозащитники не оставляют надежды на то, что когда-нибудь правосудие восторжествует.

Из заявления «Солдатских матерей» в Военное следственное управление по ЛенВО от 08.09.2009:

«Нашей организации стало известно, что по заявлению военнослужащего в/ч 24538 Иванова Владимира Андреевича следователем ВСО по Псковскому гарнизону вынесено постановление об отказе в возбуждении дела в отношении военнослужащих Кантеева Д.Н., Аветисяна О.А., Антонюка С.В.

Вместе с тем в организации имеется справка № 433 о том, что 20 июня 2009 года Иванов В.А. получил закрытую ЧМТ, сотрясение головного мозга, закрытый перелом поперечного отростка первого поясничного позвонка. Как неоднократно утверждал Иванов В.А., указанный выше вред здоровью был им получен в результате преступных посягательств со стороны сослуживцев.

По мнению организации, следователь ВСО вынес необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Просим запросить материалы в ВСУ по ЛенВО, изучить их, проверить обоснованность решения, вынесенного следователем ВСО по Псковскому гарнизону».

Владимир Иванов живет в Петербурге, помогает «Солдатским матерям» в качестве волонтера и не собирается спускать свое дело на тормозах.

После избиений и издевательств, которым подвергаются солдаты в российской армии, многим из них действительно требуется психологическая реабилитация. На практике же вместо комплексного лечения они получают лишь таблетки или уколы, которые даются им ради усмирения, а не выздоровления.

Михаил Беспалов вскоре после призыва попал в госпиталь. Выписавшись из него, сразу превратился в изгоя.

— После госпиталя я не мог бегать, так как были проблемы с сердцем. Но никто не обращал на это внимания, а на жалобы говорили: «косишь», — рассказал Михаил. — Контрактники и деды стали издеваться, бить. Заставляли сидеть всю ночь и топить печку. Не считали за человека.

Не выдержав издевательств, Михаил решил покончить с собой. Возле туалета порезал вены лезвием одноразовой бритвы. Сослуживцы, обнаружив это, отвели его в медпункт. После того как кровь остановили, солдата отправили к психологу, в другую часть.

— Сопровождал меня и еще одного заболевшего, Андрея Новикова, контрактник. Он потратил все выделенные ему на дорогу деньги — тысячу рублей — на продукты и алкоголь. В результате добирались мы 3–4 дня, и за все это время я съел только две порции лапши быстрого приготовления.

Наконец, Михаила увидел психолог. Помимо отвратительного морального состояния, он обнаружил у парня на пятках язвы, появившиеся в результате побоев. Определив, что дальше служить Беспалов не может, психолог написал ему направление в 442-й госпиталь. То же решение было принято и в отношении Новикова. Но предстояло еще собрать другие документы. На это ушел месяц...

Начать с того, что парней сразу же сняли с довольствия — и целый месяц они, находясь в части, ели, что Бог пошлет: в столовой им еды не давали.

— Сержант по имени Рома и кличке «Рыжий», находясь в нетрезвом состоянии, заставлял нас делать уборку в помещении, не давал нам спать. Он говорил: «Я могу прийти в любой момент, и если приду, а вы спите — вам хана», — вспоминает Беспалов. — Мы спали по 2–3 часа в сутки. Сержант отобрал у меня банковскую карту, заставил сказать код и снял с нее деньги — 400 рублей.

В итоге Михаил совершил вторую попытку суицида: ему выдали четыре упаковки таблеток от туберкулеза, поскольку рядом с ним находился больной с открытой формой этого заболевания. Их нужно было принимать по одной три раза в день. Михаил выпил сразу тридцать.

Семь дней парень пролежал в коме, и пришел в себя в 442-м госпитале — видимо, самоубийство было единственным способом таки попасть туда.

Два месяца Михаила продержали на психиатрическом отделении: попытка самоубийства — это ведь проблемы психики. И то, что под этими проблемами лежит реальное основание, никого, как водится, не заинтересовало. В конце концов его комиссовали по психиатрическому диагнозу.

Никакой реабилитации он так и не получил. Как никто не получил и никакого наказания за все, что перенес солдат.

Антон Русинов убежал из части, не выдержав избиений и «прокачек»: бесконечных упражнений, стояния на голове и т.п. Его поймали.

Из Объяснительной Антона Русинова от 29.09.2009:

«Мне сразу связали руки ремнем. Когда привезли обратно в часть, побрили брови, побрили голову, намазали всю голову зеленкой, надели наручники, которые были пристегнуты к гире, бронжилет и каску. Меня стали унижать, избивать стали на следующий день. Замкомроты приказал мне сказать комбатальона, что я убежал из-за девушки, а не из-за дедовщины. 2 августа 2009 года я убежал второй раз».

Антон снова поймали, и на сей раз ему пришлось куда хуже.

Из Объяснительной Антона Русинова от 29.09.2009:

«С меня сняли одежду и хотели изнасиловать саперной лопаткой. Это хотел сделать ст. лейтенант Канаиш. Меня опять измазали в зеленке, а на теле написали: «Я преступник». Когда привезли в дивизию, меня избил комроты штык-ножом по голове. У меня был синяк под глазом, синяки на голове. Снова побрили брови, голову, надели наручники с гирей».

Седьмого августа Антон попытался покончить с собой. Он выжил; его отправили к психологу, где парень не стал скрывать ничего из того, что с ним случилось.

Из Объяснительной Антона Русина от 29.09.2009:

«Когда были готовы все документы для отправки меня в 442-й госпиталь, ст. лейтенант Канаши стал читать мою медкнижку, и когда увидел, что я рассказал врачам правду, он избил меня. Сразу после этого меня отвели к подполковнику Яковлеву, и после разговора с ним меня отправили в психиатрическую больницу «Богданово».

«Карманные» психиатры позволяют армейским преступникам скрывать правду вдвойне эффективно. С одной стороны, все, что рассказывает психиатру жертва, можно посчитать бредом его больной фантазии — и тем самым избавить преступника от уголовного преследования.

С другой стороны, чем более ужасные вещи рассказывает пострадавший, тем больше оснований у психиатра назвать его сумасшедшим! Главный принцип карательной психиатрии — считать человека больным именно потому, что он рассказывает все, что было на самом деле.

Так поступали советские психиатры с диссидентами: если человек говорил, что в СССР не соблюдается конституция, это объявлялось явным признаком бреда и мании. Те же основания можно использовать сейчас для выгораживания дедов. Тебя били? Издевались? Разрисовали зеленкой? Ах, даже грозили изнасиловать саперной лопаткой?! Ну-ну...

И не дай бог «пациенту» возмутиться из-за того, что ему не верят! Это будет первейшим доказательством его «неадекватности». То есть сумасшествия.

Антон Русин продержали в Псковской психиатрической больнице № 1 три с половиной недели: кололи, заставляли пить таблетки. После этого с готовым диагнозом отправили в 442-й госпиталь, где Антон был комиссован.

Все четыре истории, собранные в этой главе, произошли в Псковской дивизии ВДВ. Это не значит, что подобные психиатрические злоупотребления в армии ограничиваются этой частью. Но такой поток однотипных случаев из одной и той же части не мог не обратить на себя внимания правозащитников.

Из заявления РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга» в Главное военное следственное управление от 30.09.2009:

«Организация считает, что вышеуказанные военнослужащие: Борис Иванов, Владимир Иванов, Антон Русинов — были помещены в психиатрический стационар незаконно, действия виновных должностных лиц содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 128 Уголовного кодекса РФ: «Незаконное помещение лица в психиатрический стационар с использованием служебного положения».

Важно отметить, что все указанные военнослужащие в войсковых частях стали жертвами преступлений со стороны сослуживцев и непосредственных начальников, проверки по их сообщениям о преступлении были проведены неэффективно, в нарушение процессуальных обязанностей Российской Федерации по ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Наша организация выражает обеспокоенность возможным восстановлением советского явления «карательной психиатрии» в Вооруженных силах России, т.е. принудительного психиатрического лечения военнослужащих в ответ на их обращения в правоохранительные органы за защитой своих прав».

Комментарий юриста

— Как можно с точки зрения УК квалифицировать случаи ухода преступников от ответственности за счет фабрикации психиатрических диагнозов пострадавшим?

— Это служебный подлог, ст. 292 УК РФ. «Внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности». Повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, это деяние наказывается штрафом в размере от ста до пятисот тысяч рублей либо лишением свободы на срок до четырех лет.

— Встречались ли в вашей правозащитной практике реальные примеры того, чтобы факт сговора армейских преступников и психиатров был вскрыт и задокументирован? Чтобы виновные понесли наказание?

— Нет.

Глава 7. Южная Осетия

Российско-грузинская война вокруг конфликта в Южной Осетии стала ужасной трагедией, все последствия которой для народов, населяющих эти страны, вряд ли можно будет оценить в ближайшее время. Для вдумчивого анализа этих событий потребуются годы.

Но естественным образом именно война смогла проявить глубину разложения российской армии: как ее низкую боеспособность и плохую управляемость, так и невозможность мобилизовать усилия — то есть избавиться от коррупции и дедовщины — даже на самый короткий срок, даже в условиях боевых действий.

Весь мир смог увидеть и услышать о том, во что превратилась военная машина России, после того как из занятой российскими войсками Южной Осетии побежали солдаты — побежали к «врагу», к грузинам, в надежде найти защиту от творящегося в армии беспредела. Александр Глухов, Дмитрий Артемьев, Виталий Хрипун — это вершина айсберга, скрывающего чудовищные преступления военного руководства против своих же солдат, якобы выполняющих миротворческую миссию на территории другого государства.

Из статьи «Я не предатель» Ольги Аленовой, журнал «Коммерсантъ Власть», № 29 (832) от 27.07.2009:

«— Сержант Валеев через день был дежурным по роте. И все время то качал, то бил. Качал — ну отжиматься заставлял, — вспоминает Дмитрий Артемьев. — Каждую ночь мы в наряды ходили, по три часа спали, а он через день ходил.

— И как он тебя бил?

— По-разному. Автоматом, руками, ногами.

— А ты кому-то об этом говорил?

— Да им наплевать на нас. А если скажешь, после этого все будут бить. Если жалуешься, то еще хуже. В армии так всегда — найдут одного и бьют».

Информация о том, что творилось в Южной Осетии в первые полгода-год после войны, стекалась к правозащитникам из разных каналов. Это были анонимные телефонные звонки из частных, письма по электронной почте, а также вполне официально оформленные заявления — как от тех, кто уже уволился из рядов Вооруженных сил, так и от тех, кто еще пребывал в Южной Осетии.

Заявлений и обращений были десятки, при этом многие из них — коллективные. Таким образом, реальные масштабы бедствия, охватившего солдат, находящихся на территории другого государства, трудно вообразить.

23 ноября 2008 года к «Солдатским матерям» обратились родители **Александра Иконникова**.

Александр был призван в ВС РФ 24 мая 2008 года из Мурманска и проходил службу в Ленинградской области. 17 ноября его отпустили, как нам сказали, в Адлер. До настоящего времени его местоположение неизвестно. 22 ноября был телефонный звонок от него с телефона Абхазии. В разговоре он не мог сообщить ни номер части, ни населенный пункт. Разговор вызвал у нас тревогу. Средства связи, которые у него были, отобрали.

Просим оказать помощь в розыске нашего сына, установить его настоящее местонахождение (адрес, куда можно приехать) и телефон, по которому с ним можно связаться.

Слова подобраны нарочито сухие, канцелярские, «как надо в заявлении» — но тревогу за ними видно неподдельную. Сына увезли. Куда-то, где, возможно, идет война. Но куда именно? Надолго ли? Почему с ним нельзя связаться? Может, ему каждую минуту грозит опасность? Может, он уже...

Правозащитники попытались помочь: сразу же направили обращения с просьбой «установить местонахождение» в Главную военную прокуратуру и командованию Ленинградского военного округа, где Иконников служил до отправки на Кавказ, попытались что-то выяснить у коллег.

Первый ответ пришел только через два месяца.

Ответ из Штаба ЛенВО от 22.01.2009, за подписью начальника мобилизационного управления Александра Ионова:

«Иконников Александр Сергеевич после окончания обучения в войсковой части 63237 п. Черная речка был направлен в войсковую часть 09332 (354340 г. Сочи А-340 МС-Ш 09332), где в настоящее время проходит военную службу».

Представьте себя на месте измученных неизвестностью родителей, получивших этот ответ. Сочи? Почему Сочи? Так он в России или в Абхазии?

Немного успокоившись, наверное, можно было догадаться, что цифры и буквы в скобках — это не реальный адрес, где находится Александр, а почтовый адрес части. Хорошо, теперь можно хотя бы попробовать ему написать. Но будет ли ответ? И когда? Уж во всяком случае «установить местонахождение», как просили правозащитники, этот ответ не помог.

Позже Александр нашел возможность снова связаться с родителями: попросил у кого-то из сослуживцев мобильный телефон и позвонил. Рассказал, что действительно находится в Абхазии. Тогда «Солдатские матери» написали в прокуратуру новое заявление, с требованием пояснить, можно ли посылать солдата-срочника в горячую точку.

Из ответа Министерства обороны России от 02.03.2009:

«Ваше обращение по вопросу законности прохождения военной службы рядовым Иконниковым Александром Сергеевичем в в/ч 09332 (г. Гадаута, Республика Абхазия) рассмотрено.

Сообщаю Вам, что указанный военнослужащий по окончании подготовки по военно-учетной специальности был направлен для дальнейшего прохождения службы в в/ч 09332.

Российские воинские части могут дислоцироваться как на территории своего государства, так и вне ее. Поэтому ограничение перевода к новому месту службы в пределах Вооруженных сил не означает ограничения такого перевода пределами территории РФ».

Теперь военные, по крайней мере, не скрывают, что в/ч 09332 расквартирована не в Сочи, а в Абхазии. Так зачем было скрывать

это раньше? Почему родители не имели возможности узнать, где держат их сына? Неужели только через четыре месяца эта страшная военная тайна перестала быть тайной?

Ответ прост: никто и не думал озаботиться переживаниями каких-то там родителей. А ведь в такой ситуации оказались все близкие солдат, отправленных в Абхазию и Южную Осетию.

Информация о том, что солдаты срочной службы участвовали в боевых действиях, а также находились в Южной Осетии после окончания войны, поступала из многих источников, и стало очевидно, что это не исключительные случаи, а рядовая практика. Такая новость очень обеспокоила правозащитников.

Из интервью с двумя российскими солдатами, служившими по контракту в Ахалгорском (Ленингорском) районе Республики Южная Осетия (взято сотрудником ПЦ «Мемориал» Екатериной Сокирянской и представителем Интернет-СМИ «Кавказский узел» Григорием Шведовым 21 ноября 2008 г.):

«— Больше половины убитых во время войны — срочники. Если среднестатистический батальон взять, из девяти взводов один будет укомплектован контрактниками, остальные — все срочники. Некоторые срочники по полгода до войны отслужили, некоторые — меньше. Они иногда по своим стреляли, никто толком не знал, что надо делать. Связи не было, непонятно, что происходило. Срочники вообще не знали, что делать».

Нахождение призывников на войне противоречило не только здравому смыслу, но и закону. В соответствии с п. 3 Указа Президента № 419 от 2 апреля 1993 г., «комплектование воинских частей Вооруженных сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований, находящихся за пределами Российской Федерации, военнослужащими по призыву с 1 апреля 1993 г. осуществлять **только на добровольной основе**».

Однако в армии этот указ трактовали по-своему; вернее, вообще никак не трактовали, предпочтя о нем «забыть».

Из письма РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга» из Штаба Северо-Кавказского военного округа от 09.04.2009:

«В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1366 от 15.10.1999. военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, могут быть направлены для выполнения задач в условиях вооруженных конфликтов (для участия в боевых действиях) после прохождения ими военной службы в течение не менее шести месяцев и после подготовки по военно-учетным специальностям.

Время выполнения ими задач на территории Южной Осетии, согласно ст. 2 приказа Министерства обороны Российской Федерации № 440 от 20.08.2008 «О дополнительных мерах по усилению социальной защиты военнослужащих, участвующих в выполнении задач по обеспечению безопасности и защите граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Южной Осетии и Абхазии», будет засчитано в их трудовой стаж для назначения пенсии: 1 месяц военной службы за 3 месяца, других льгот не предусмотрено».

— Постфактум Дмитрий Медведев издал указ, отменивший пункт 3 ельцинского указа 1993 года, и теперь нахождение срочников за границей стало законным, — комментирует Элла Полякова. — Но это случилось только 30 сентября 2009 года, а обратной силы этот документ не имеет.

Прокуратура формально пожурела Минобороны за «мелкое» нарушение предписанием, которое никто и не подумал выполнять.

Из материала «Военная прокуратура РФ попеняла руководству Вооруженных сил за солдат-срочников, убитых во время боевых действий в ЮО» от 03.09.2008, 16:57, с сайта Ньюс.Ру.Ком (<http://www.newsru.com/russia/03sep2008/sro4niki.html>):

«Военная прокуратура внесла представление командованию Вооруженных сил РФ в связи с привлечением солдат-срочников к конфликту в Южной Осетии. Об этом сообщил в среду в ходе видеомоста из столицы Южной Осетии главный военный прокурор РФ Сергей Фридинский, передает ИТАР-ТАСС.

«Мы не прошли мимо этого вопроса и направили командованию представление Главной военной прокуратуры о нарушении закона в этой части. Всех призывников возвращают, и, я думаю, не сегодня-завтра их не останется в зоне бывшего конфликта», — сказал главный военный прокурор РФ Сергей Фридинский.

По его словам, «злого умысла никакого не было, поскольку военные части вводились в Южную Осетию из полевых условий, где проводились тактические учения». «Это ничего не оправдывает, но есть такой факт, что обстоятельства сложились таким образом», — добавил главный военный прокурор.

Несмотря на слова Фридинского, срочники в Южной Осетии находятся до сих пор. «Обстоятельства сложились таким образом» — идеальное объяснение для любого должностного преступления. То есть — никто не виноват.

Из статьи (Газета «Коммерсантъ», № 158 (3975) от 04.09.2008):

«В Минобороны РФ вчера не стали отрицать, что солдаты срочной службы принимали участие в боевых действиях. «Представление Главной военной прокуратуры нами получено. Нам предстоит проработать вопрос и разобраться, правомерны ли приведенные там данные, а потом дать ответ», — сообщили «Коммерсанту» в пресс-службе ведомства.

“Прокурорское представление в данном случае — формальный документ. Он не грозит должностным лицам ничем серьезным, — считает член экспертного совета при уполномоченном по правам человека РФ Сергей Кривенко. — Главная военная прокуратура в этом случае просто обозначила свое участие, потому что глупо замалчивать очевидное”».

Таким образом, массовое нарушение закона осталось абсолютно безнаказанным. Что вовсе не странно: в случае поиска виновных ниточка потянулась бы к высшему руководству страны.

Положение солдат, которые находились в Южной Осетии минимум первые полгода после войны, иначе как бедственным не назовешь.

Солдат (в/ч 66431) рассказал правозащитникам, что в августе его часть одной из первых вошла в Цхинвали. Непонятно по какой причине, впереди танков двигалась слабовооруженная колонна минометных установок. Все они были уничтожены огнем грузинских войск, при этом экипажи успели покинуть машины.

— Мальчик говорил, что после этого к ним приехал полковник и был страшно возмущен: «Ваши машины взорваны — так почему вы живы?!» — вспоминает Элла Полякова.

В кабинах сгоревших установок осталось все обмундирование солдат — и большинство из них следующие несколько месяцев ходили в одних гимнастерках. Спать приходилось под открытым небом, в спальных мешках. К холоду добавилось и полуголодное состояние.

— Солдаты рассказывают, что, при нормативной загрузке 240 банок тушенки на подразделение, закладывается всего 100. При этом в продуктовых магазинах Цхинвали основным товаром является эта самая тушенка, — поясняет Элла Полякова.

В других частях жизнь была немногим лучше. Особенно это касалось Ахалгорского (Ленингорского) района, отделенного от Цхинвали, Джавы и Рокского тоннеля — центра Южной Осетии — горной грядой: зимой 2008–09 годов доставлять в Ленингори продукты через перевал было очень сложно.

Местные же жители, в основном грузины, снабжение получали с противоположной стороны границы: от Ленингори до Тбилиси идет хорошая ровная дорога длиной всего 20 км. Несомненно, именно поэтому российское командование считало удержание контроля над Ахалгорским плацдармом первостепенной задачей...

Из интервью с двумя российскими солдатами, взятого Екатериной Сокирянской и Григорием Шведовым 21 ноября 2008 г.:

«— Наш батальон завезли сюда, в Ленингорье, в октябре поставили на высоту близ селения Мосабруни, у границы с Грузией.

Вместе с офицером нас сейчас 14 человек. Живем в палатке, недавно ее поставили. Одну печку нам дали, вторую сами сделали. Сами сено принесли, устроили себе лежки. Кроватей нет. До этого и палатки не было, спали в окопах, под бушлатами.

— В Гори мы еще на склад обмундирования попали. Там грузинские миротворцы стояли. Мы себе забрали удобную натовскую обувь. Вот у меня берцы натовские — очень удобные. А то наши все порвались, кто в чем ходил, покупали обувь, некоторые в кроссовках бегали.

— С подвозом продовольствия — проблемы. Когда сюда выдвигались, сутки не ели. Через неделю после того, как нас здесь поставили, кончилось продовольствие. Сказали: «Бензина нет, чтобы привезти вам еду». Не знаем, правда это или нет, но три дня продовольствия не было. Сами ходили в села, искали продукты.

— Здесь живут нормальные люди, грузины, помогли нам, чем могли.

— Потом один раз в сутки привозили еду, обычно в час ночи. Потом наладилось, вроде бы нормально какое-то время было с продуктами, потом опять три дня не было еды. За последний месяц неделю точно не было никакого продовольствия.

— Два раза сюда приезжали медички. Но у них ни лекарств, ничего нет. Врачей сейчас военных нет, нам уже сказали, что, если что, — будут в гражданские больницы возить.

— Сейчас уже начинает холодать, ребята стали заболеть. Кое-кого отправили в увольнение по болезни. Я подавал рапорт об увольнении, но командир не подписывает. «Нет, — говорит, — у меня людей, не могу тебя уволить. Надо до весны продержаться».

Поскольку мы — застава, и оплату понизили. Раз в год мы имеем право на отпуск, еще ни разу не были, отпуска тоже не подписывают».

Конечно, оказавшись в таких условиях, многие солдаты мечтали выбраться из Южной Осетии — тем более что нередко они имели для этого все основания.

Из статьи «Забывтый батальон — 2» («Новая газета в Петербурге», № 89 за 2008 г.):

«По имеющимся у правозащитников сведениям, значительное число российских солдат в Южной Осетии — срочники, у которых уже подошло время демобилизации. Но их не торопят увольнять со службы и отправлять домой.

19 ноября к «Солдатским матерям» пришло письмо, написанное матерью военнослужащего. Вот его текст (приводится с сокращениями):

“Наш сын 14 мая 2007 года призван в армию, попал в саперно-инженерные войска. Призыв на 1,5 года. 8 сентября 2008 г. в составе группы около 60 человек был командирован в Южную Осетию предположительно на 1,5–2 месяца. Им сказали, что до срока демобилизации они вернутся. Отпуск он не брал. Контракт не подписывал, только командировочное удостоверение. В Осетии были попытки агитации на заключение контракта. Ребята все как один отказались, а их там уже около 20 человек дембелей. Им угрожали, что они по сроку службы уже дембеля, и находятся там незаконно, и не смогут без проблем покинуть Осетию. Весь объем заданных работ был выполнен к началу ноября. Числа 4–5 ноября колонной тронулись в сторону Владикавказа. В районе перевала Рокский их остановили и дали еще задание, которое по объему работ не успеть сделать и к концу декабря. У ребят угнетенное настроение, долгая дорога к дому получается”».

Не увольнять из армии дембелей — это перебор даже с точки зрения большинства российского населения, согласного терпеть все остальные «тяготы» службы, вроде дедовщины.

На все эти нарушения правозащитники непрерывно жаловались в военную прокуратуру, в Министерство обороны и другие инстанции.

Из ответа военной прокуратуры Северо-Кавказского округа от 14.01.2009 РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга»:

«В ходе прокурорских проверок, проведенных в том числе в октябре — декабре 2008 г., выявлялись отдельные факты нарушения порядка предоставления отпусков, несвоевременного увольнения с военной службы военнослужащих по призыву, недостатки в обеспечении вещевым и денежным довольствием, в связи с чем военным прокурором в адрес правомочного командования осуществлено прокурорское реагирование.

Командованием выявленные в ходе прокурорских проверок нарушения закона устранены.

Кроме того, сообщают, что сроки прохождения военной службы по призыву определены в ст. 38 Федерального закона РФ № 53-ФЗ

от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе» и не могут быть увеличены в зависимости от места прохождения военной службы».

Из этого ответа нельзя понять, какие именно нарушения и в отношении кого прокуратура позволила себе заметить — а потому и проверить, «восстановлены» ли «нарушенные права» или нет, не представилось возможным. Но то, что «выявлялись отдельные факты нарушения» — это уже большой прогресс!

Чаще всего солдаты обращались к правозащитникам с просьбой помочь им получить заработанные деньги. К «Солдатским матерям» поступили десятки заявлений, многие из них коллективные, с рассказами о попытках разными способами обмануть тех, кто служил в Южной Осетии.

Всего набралось, ни много ни мало, пять таких способов.

1. Солдатам не выплачивали денежное довольствие в Южной Осетии.
2. Их не приравнивали к участникам боевых действий (этот статус дает многочисленные льготы).
3. Им не выплачивали деньги за боевые действия.
4. Не выплачивали деньги за нахождение на территории другого государства (командировочные).
5. Не ставили в военном билете отметки о нахождении в Южной Осетии: без такой отметки доказать, что ты там был, будет очень сложно.

В архиве «Солдатских матерей Петербурга» хранится уникальный документ, как нельзя лучше иллюстрирующий ситуацию. Он настолько показателен, что я решил привести его здесь почти полностью.

Заявление группы военнослужащих в/ч 66431 (693-й мотострелковый полк), 58-я армия, город Владикавказ, в адрес «Солдатских матерей»; без даты:

«После окончания Грузино-Южно-Осетинского конфликта, а простыми словами говоря, войны, наша часть была оставлена в

городе Цхинвал на постоянной основе. По телевизору, с больших трибун обещали хорошо платить, даже в долларах (по 54\$ в сутки), что, признаться, порой грело душу, когда мы по колено сидели в грязи и, не переставая, копали окопы, дабы укрепить признанную Россией независимость Южной Осетии. В конце концов, Постановлением Правительства РФ № 587 от 12 августа 2008 года была определена выплата суточных в иностранной валюте. Но до конца 2008 года обещанных суточных мы так и не дождались.

К тому же, согласно закону РФ № 4328-1 от 21.01.2003 и приказу министра обороны РФ № 9 от 04.01.1996 нам полагались к выплате оклады по воинским должностям и по воинским званиям в двойном размере, так как мы выполняли задачи в зоне вооруженного конфликта. Но об этом, мягко говоря, умалчивалось. Соответственно, данные выплаты не были произведены.

Военнослужащим по призыву также полагались те же самые выплаты, что и контрактникам, хотя, в принципе, за границей срочников быть не должно. Но все бремя войны в Южной Осетии легло на их плечи. Об этом и говорят потери среди военнослужащих срочной службы. Исходя из этого, факт присутствия солдат-срочников в зоне конфликта неоспорим, о чем официальные источники МО предпочитали умалчивать, а в некоторых случаях пытались этот факт опровергнуть.

На построении полка заместитель командующего СКВО генерал-лейтенант Вербицкий неоднократно объявлял, что за каждые сутки нахождения в Южной Осетии нам начисляется по 54\$ суточных, поэтому за такие деньги мы должны работать день и ночь (что мы в принципе и делали). С офицеров потребовал солдатам довести это под личную роспись, и командирам подразделений составить данные списки о доведении.

В январе 2009 года к нашей всеобщей радости наконец-то выплатили долгожданные суточные с 8 по 25 августа именно по 54\$, что дало еще одну надежду на последующие выплаты: что обещания старшего командования — не пустые слова.

Кстати, срочников уже обманули, а некоторые контрактники уволились, так и не получив долгожданных суточных. Перед увольнением командование пообещало все перечислить на адреса и счета увольняемых, которые те оставляли в финчасти.

Далее наступило затишье в выплатах, и 25 февраля 2009 года с выходом Постановления Правительства РФ стало окончательно ясно, что нас все-таки обманули, во что так не хотелось верить. Согласно этому постановлению Южная Осетия не является зоной вооруженного конфликта каким-то образом с 26 августа 2008 года. Хотя закон, ухудшающий положение граждан, не может иметь обратной силы (статья 55 Конституции РФ), а данное постановление вступило в силу 2 марта 2009 года. Согласно этому постановлению зоны конфликта не существует, а раз ее нет, то и нет двойных окладов. В этой части нас тоже обманули, как и солдат срочной службы. Очень удобно — какая хорошая экономия бюджетных средств!

В итоге в конце апреля 2009 года, согласно телеграмме Министерства обороны, нам начали выплачивать почему-то по 16 долларов, ссылаясь на 169-е постановление правительства, хотя единственный пункт, урезающий размер суточных до 30%, — это пункт 8 Постановления Правительства № 812 — к нам неприменим, поскольку (цитата из решения Владикавказского гарнизонного военного суда): «...Пункт 8, регламентирующий выплаты военнослужащим суточных в иностранной валюте в размере 30% от установленной нормы, **применению не подлежит**, поскольку распространяется только на военнослужащих, направленных в служебные командировки в иностранные государства для выполнения задач по поддержанию мира в зонах вооруженных конфликтов». Впрочем, это единственное положительное решение Владикавказского гарнизонного суда в итоге было обжаловано в Ростовском суде и отменено. После этого все иски, связанные с выплатой суточных в размере 54\$, не были удовлетворены.

Так же получается с «полевыми». Согласно Постановлению Правительства № 762 от 14.12.2005 и приказу министра обороны РФ № 406 от 24.06.2008, нам положены полевые в размере 1,5 установленной нормы (150 рублей в сутки). Данная выплата также не производилась».

Обвинения серьезные. Что же ответило на них военное руководство?

Из ответа финансово-экономического управления Северо-Кавказского военного округа РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга» от 26.12.2008:

«Выплата из расчета 54 доллара США в сутки производилась с 8 по 25 августа 2008 г. включительно.

В соответствии с телеграммой начальника Генштаба ВС РФ № 182/1/1/1482 в связи с признанием в качестве суверенных и независимых государств Республики Абхазия и Республики Южная Осетия министр обороны РФ приказал прекратить с 26 августа 2008 г. выплаты суточных в иностранной валюте.

Размеры и порядок выплаты суточных в иностранной валюте с 26 августа 2008 г. будут доведены дополнительно.

На момент подготовки ответа размеры и порядок выплаты суточных в иностранной валюте с 26 августа 2008 г. не определен».

Первое, что бросается в глаза: 26 декабря военное руководство еще не решило, сколько они будут платить солдатам, начиная с 26 августа! Три месяца парни вкалывают на строительстве дорог и укрепленных пунктов, при этом, как известно из многочисленных источников (в том числе приведенного выше письма военнослужащих), на построениях командиры рассказывали о «пятидесяти четырех долларах» еще в октябре и ноябре. Или заместитель командующего СКВО генерал-лейтенант Вербицкий не знал о телеграмме Генштаба?

Получается так: вы работайте, не жалея сил, а сколько вам заплатить... это мы сами позже решим!

Интересным выглядит и повод, использованный, чтобы прекратить выплаты: Абхазию и Южную Осетию признали независимыми государствами. Какая разница, на территории *какого именно* независимого государства находится командированный солдат (если действительно считать эти две исконно грузинские территории независимыми от России)? Почему за суверенную Абхазию можно платить меньше, чем за суверенную Грузию?

Невыплата ветеранам конфликта денег — под любым предлогом — ничто иное, как прямой обман военнослужащих со стороны государства. Не напоминает ли это неуставные отношения?

И если саму Российскую Федерацию можно считать «дедом» по отношению к своим солдатам — то что же ждать от офицеров, работающих на это государство? От оказавшихся более сильными и наглыми старослужащих?

Кстати, дедовщина всюду процветала и в горячих точках, и даже во время боевых действий. Наибольшую известность получила история **Андрея Конинина** — потому что сам Андрей и его отец, **Геннадий Арсентьевич**, не побоялись открыто выступить в защиту своих прав.

Из заявления Андрея Конинина в ВСО прокуратуры Петербурга от 21.11.2008:

«Я был вынужден оставить часть из-за постоянных избиений, издевательств, вымогательства денежных средств и фактической угрозы жизни со стороны офицерского состава из-за написания мною жалобы в прокуратуру о фактах издевательств офицеров над солдатами.

Так, в августе месяце 2008 года мне ударом в лицо был сломан нос. В сентябре месяце моему сослуживцу офицер сломал челюсть. После установки скоб на челюсти в гражданской поликлинике больной боец был отправлен на заставу, хотя он экстренно нуждался в медпомощи. Обратиться с жалобой к кому-либо из руководства части не было смысла из-за всеобщего покрывательства неуставных отношений между офицерами и солдатами. В то же самое время у нас были изъяты все документы, включая военные билеты, и мы не имели возможности выйти за пределы части для обращения за помощью. В результате я был вынужден сообщить родителям о ситуации в части и просить их помощи. По приезду отца дополнительно выяснилось, что в моем личном деле находится сфальсифицированный неизвестными лицами контракт, который я не подписывал и ни разу не видел. Отец добился предоставления мне отпуска, и у меня появилась возможность покинуть воинскую часть и обратиться за помощью в медицинские учреждения для обследования моего резко ухудшившегося здоровья».

— История уникальная, — рассказывает Элла Полякова. — Таких отцов, как Конинин, поискать! Узнав, что у сына проблемы

в армии, он сам тут же поехал в Южную Осетию. Не побоялся, нашел Андрея и вывез его оттуда. А потом действовал так быстро и грамотно, что против мальчика даже не было возбуждено уголовное дело.

Из заявления Геннадия Конинина, отца Андрея Конинина, в ВСО прокуратуры по СПб от 25.12.2008:

«Лично мне позвонил лейтенант Арчаков, главный «герой» части (тот, который, по словам Андрея Конинина, сломал ему нос, а его сослуживицу челюсть. — А.Б.), и заявил, что моему сыну несдобровать, и за него, избличенного, обязательно мой сын заплатит, если не от самого Арчакова, то от его друзей.

Также мой сынок контракт не подписывал, а он на данный момент прослужил 2,5 года.

В результате пыток состояние здоровья моего сына серьезно ухудшилось: он стал раздражительным, потерял интерес к жизни и своей судьбе. Плохо спит, жалуется на постоянные головные боли; ночами вскрикивает и разговаривает на темы войны. Стал замкнутым, необщительным».

Андрей был комиссован по состоянию здоровья и 3 марта 2009 года уволен со службы. Несмотря на препоны, долго старался восстановить справедливость и наказать виновных.

Из ответа военной прокуратуры, расквартированной в Цхинвали, РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга» от 15.05.2009:

«В ходе проверки информация о применении лейтенантом Арчаковым Р.А. насилия к Коннину А.Г. своего подтверждения не нашла. При этом был установлен факт избиения Арчаковым своего подчиненного рядового Купреева В.А. (солдата, у которого была сломана челюсть. — А.Б.).

Уголовное дело по данному факту 18 февраля 2009 года рассмотрено Владикавказским гарнизонным военным судом. Арчаков Р.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 рублей».

Жалкие пятьдесят тысяч за сломанную челюсть — и Арчаков не только не пробыл ни дня в тюрьме, но даже не был уволен со службы! Конечно, российской армии ведь нужны такие решительные офицеры...

Отдельного внимания заслуживает и история с поддельным контрактом. Несмотря на неоднократные заявления Андрея о том, что он ничего подобного не подписывал, возможность фальсификации прокуратура не заинтересовала.

Из письма военной прокуратуры, расквартированной в Цхинвали, Геннадью Конинину от 29.12.2008:

«Проверкой, проведенной в в/ч 66431, установлено, что контракт о прохождении военной службы с рядовым указанной части Конининым А.Г. заключен на законных основаниях, на основании его рапорта, в связи с чем оснований для прокурорского реагирования не имеется».

Надо ли говорить, что «проверка» проводилась настолько секретно, что сам Андрей о ней ничего не знал: его не опросили, не взяли у него образцы почерка, чтобы сравнить с текстом «рапорта» и подписью под «контрактом».

Колоссальный обман, с которым столкнулись российские военнослужащие в Южной Осетии, показал истинное лицо российской армии. Несмотря на могучую пропаганду, практически ни один солдат, вернувшийся с той войны, не испытал ничего, кроме разочарования — в своих лучших устремлениях, в своих иллюзиях, в своих командирах.

Комментарий юриста

— **Есть ли какая-либо законная возможность не увольнять из армии дембелей, чей срок службы официально закончился? Например, в связи с нахождением в зоне боевых действий?**

— Военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, за исключением случаев, когда:

– находится под следствием, и при этом должна быть официально избрана мера пресечения в виде наблюдения командования войсковой части; находится на стационарном лечении;

– военнослужащий женского пола находится в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком;

– военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, по его желанию остается в воинской части до дня отправки транспортного средства, осуществляющего индивидуальную или организованную перевозку военнослужащих, увольняемых в запас;

– военнослужащий участвует в походах кораблей;

– военнослужащий находится в плену, в положении заложника или интернированного;

– военнослужащий безвестно отсутствует — до признания его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим.

Это исчерпывающий список оснований.

– Почему многие контрактники сталкивались с невозможностью расторгнуть контракт? Связано ли это с особенностью самих контрактов или с нахождением в Южной Осетии?

– В принципе оснований расторгнуть контракт в связи с желанием военнослужащего не так много. Достаточно сложно доказать нарушения условий контракта со стороны командования, что является основанием для его расторжения. Для этого надо обратиться к командованию с требованием расторгнуть контракт, например, в связи с невыплатой довольствия в полном объеме, необеспечением жильем и пр. После чего получить письменный отказ, с которым обратиться в суд. Большинство контрактников не имеют физических, материальных ресурсов и тем более юридического образования, чтобы совершить указанные действия. Рапорты часто не рассматриваются вообще, тем более письменные ответы на них не даются.

Есть еще возможность уволиться по здоровью либо «при наличии уважительной причины по заключению аттестационной комиссии», что остается всегда только на усмотрение аттестационной комиссии части, суда.

– Существует ли какое-либо законное основание не давать солдатам очередные отпуска?

– В каждой войсковой части должен быть график отпусков, в соответствии с которым военнослужащие должны уходить в отпуск. Если этого графика нет или он не исполняется, это, безусловно, является нарушением закона.

– **Интересовалась ли прокуратура многочисленными нарушениями прав военнослужащих в Южной Осетии?**

– Да, у нас были даже положительные ответы. Однако они были лишь о том, что прокуратура внесла представление — и все. Наказания никто не понес.

Глава 8. Офицеры

Большинство современных армий мира первоначально сформировались в условиях феодализма и до сих пор имеют многие черты общества, построенного на феодальных принципах. Это — деление личного состава на «низший» (солдаты-простолюдины) и «высший» (офицеры-дворяне) классы. Это подчинение приказам — даже в том случае, если оно может привести к смерти исполнителя. И, наконец, это достойное вознаграждение за верную службу — во всяком случае, что касается высшего офицерского класса. Раньше короли одаривали преданных им дворян землями. Теперь щедрые государства не стесняются поощрять своих офицеров домами или квартирами.

Однако российская армия не выдерживает проверки даже на феодальное устройство.

Российские законы сулят тем, кто решает служить в армии по контракту, большие привилегии. Одна из них — право на получение квартиры после двадцати лет службы. А в случае, если контрактник уходит не по своей воле: из-за состояния здоровья или сокращения — для этого достаточно прослужить всего десять.

Ст. 15, п. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» № 76-ФЗ от 27.05.1998:

«Военнослужащим при увольнении с военной службы по состоянию здоровья при общей продолжительности военной службы 10 лет и более предоставляются жилые помещения по выбору указанных граждан: в собственность бесплатно или по договору социального найма».

Но, оказывается, такое право для большинства из них существует лишь на бумаге.

Дмитрий Медведев поступил в Военно-транспортный университет Железнодорожных войск в 1995 году — и с этого времени считался находящимся на службе в армии; кончил вуз в 2000 году,

после чего заключил контракт и служил в части Военных сообщений. В 2004 году Дмитрий встал в очередь на получение служебного жилья, а до тех пор проживал в съемной квартире, оплачиваемой государством. А в октябре 2007 года признан ограниченно годным к военной службе.

Будучи в наивной уверенности, что вот-вот получит-таки долгожданную квартиру (что тут лукавить — именно возможность обзавестись собственным жильем влечет многих и многих тянуть армейскую лямку), капитан Медведев подал рапорт на увольнение по состоянию здоровья. Но... получил отказ!

Командование требовало, чтобы перед увольнением он подписал согласие на «оставление в списках на получение жилья». Это значит, что вместо квартиры он получал номер в очереди на эту квартиру.

Подписывать такую безумную бумагу Дмитрий не собирался — и обратился в суд с требованием наконец-то уволить его, чтобы не осталось никаких оснований лишать его жилья.

Из решения Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 27.05.2008:

«Суд приходит к выводу о том, что Медведев как военнослужащий, признанный ВВК ограниченно годным к военной службе и изъявивший желание досрочно уволиться по состоянию здоровья, имеет право на увольнение по данному основанию.

*Вместе с тем, реализация этого права возможна **только при наличии согласия военнослужащего на увольнение без предоставления жилья**, поскольку п. 1 ст. 23 ФЗ РФ «О статусе военнослужащих» содержит прямой запрет на увольнение военнослужащих, <...> не обеспеченных на момент увольнения жильем. При этом никакие нормативные правовые акты не предусматривают возможности издания приказа об увольнении таких военнослужащих без их согласия на увольнение без обеспечения жильем».*

Интересно, что суд в своем решении не совсем точно цитирует закон. Отмеченная мной фраза звучит в п. 1 ст. 23 несколько иначе: «...**Без их согласия** не могут быть уволены с военной службы без предоставления им жилых помещений». Оговорка «без их

согласия» по идее должна расширять права военнослужащих. Но суд фактически делает отказ от квартиры необходимым условием увольнения!

Кассация на это решение тоже ничего не дала — и тогда Дмитрий решил пойти с другого конца. Он подал иск с требованием обязать жилищную комиссию обеспечить его жильем во внеочередном порядке. Однако суд вновь отказал тёзке президента России!

Из Определения Ленинградского окружного военного суда от 16.06.2008:

*«Заявитель, хотя и изъявил желание уволиться с военной службы, однако такого согласия на увольнение без предоставления ему жилого помещения не дал. Поэтому Медведев **не является военнослужащим, увольняемым с военной службы**. В связи с этим законных оснований для выделения ему в настоящее время жилья во внеочередном порядке не имеется».*

— Получается замкнутый круг! Нельзя уволить, не дав квартиру, и нельзя дать квартиру, пока он не станет увольняемым, — комментирует Константин Маркин, адвокат капитана Медведева. — Таким образом, у человека остается один выход: согласиться на увольнение с включением в список очередников. Между прочим, во многих частях такое согласие воспринимают как вовсе отказ от каких-либо жилищных требований!

Адвокат Маркин сверился с практикой подобных дел в Европейском суде по правам человека и выяснил, что Страсбург считает права контрактника нарушенными только после того, как тот уволился со службы и начинает нести убытки. Поэтому адвокат посоветовал Дмитрию все же подписать согласие на «оставление в списках на получение жилья»; однако параллельно капитан Медведев составил заявление о том, что это согласие не является отказом от жилья вообще!

Дмитрия тут же уволили из армии — в течение трех дней. Случай в армии небывалый, так как увольнение по закону проходит в два этапа: сначала издается приказ, а потом в исполнение его военнослужащий исключается из списков части. Иногда эта процедура может занять несколько месяцев...

Что же это за «список очередников», в котором согласился «остаться» Дмитрий? Был ли у него шанс получить квартиру, ведь в очереди он стоял аж с 2004 года? Оказалось, что был — вполне призрачный.

По российским законам, контрактники делятся на две группы: заключившие контракт до либо после 1 января 1998 года (правда, есть еще и третья группа — те, кто заключил контракт после 2005 года; но о них мы говорить не будем, потому что ни один из них пока не отслужил 10 лет). Разница между ними существенная.

Военные из первой группы имеют право на получение жилья по договору социального найма (его, при желании, можно приватизировать) в порядке очереди, а если, после увольнения со службы, очередь еще не подошла, государство оплачивает им съемное жилье.

Военные из второй группы должны обеспечиваться служебным жильем на период службы, а по окончании ее это жилье освобождают — но имеют право поселиться в любом городе страны по своему выбору — и получить в нем квартиру в собственность. Именно к этой группе относится Дмитрий Медведев.

Вообще-то второй вариант намного цивилизованней: военные, покидающие службу, не остаются навечно в военном городке, как было раньше, а сами выбирают себе место жительства. Кроме того, им не нужно стоять ни в какой очереди, ведь жилье они получают «при увольнении», то есть сразу — через договор о «переуступке права».

Вот только составители законов не приняли во внимание один маленький нюанс: жилья-то в России вечно не хватает... А из-за этого, как часто бывает, закон, созданный в пользу военнослужащих, обернулся против них же!

Во-первых, тем, кто увольняется со службы, никакого жилья добровольно никто не даст — чтобы получить его, приходится долго отстаивать свои права в суде, а потом еще бороться за исполнение судебных решений.

Естественно, большая часть военнослужащих судиться не готова, и вместо квартир получает место в списке. Причем, что характерно, при увольнении они попадают в самый конец этого списка, сколько бы лет до этого ни отслужили! Ведь «право на получение

жилья они получают при увольнении» — значит, с этого момента и встают в очередь. На практике это означает, что въехать в свой дом им не придется еще много лет; если вообще когда-либо придется. (Военнослужащие из первой группы, заключившие контракт до 1998 года, встают в эту очередь задолго до увольнения, что дает многим из них шанс таки получить ключи от своей квартиры при жизни; однако здесь тоже есть подводные камни, о которых — ниже.)

Кроме того, военнослужащие из второй группы даже не получают компенсации за поднаем жилья. Казус заключается в том, что законодатель не предполагал, что такие военнослужащие — уволенные, но не получившие квартиру — вообще будут существовать. Они ведь должны были получать жилье «при увольнении»! А то, что они есть, и составляют подавляющее большинство уволенных, ничего не меняет: в законе про них ни слова ни сказано, а значит, и денег за поднаем они не получают.

Так и Дмитрий Медведев уже три года, вместе с женой и ребенком, снимает комнату в Петербурге, за которую платит из своего кармана — имея при этом право на отдельную квартиру.

Между тем, судебная эпопея капитана Медведева продолжается. При помощи Константина Маркина он потребовал передать ему квартиру в собственность. На сей раз у суда не было возможности пользоваться отговорками: 1 февраля 2010 года Петербургский гарнизонный суд своим решением обязал Министерство обороны дать Медведеву квартиру в собственность «в установленном законом порядке».

— Не исключено, что нам придется обжаловать и это решение, потому что законодатель до сих пор не установил такого порядка, — отмечает Константин Маркин. — Мы даже не можем начать исполнительное производство! Видимо, придется в кассации требовать у суда прописать порядок передачи квартиры в собственность: прецеденты подобных решений уже есть, и это вовсе не сложно. Но, к сожалению, в России не прецедентное право, поэтому каждый суд волен решать так, как ему заблагорассудится.

Кроме того, в 2009 году Медведев при поддержке Маркина обратился в Европейский суд по правам человека. По их мнению, права Дмитрия были нарушены минимум тремя способами: вме-

шатательством в личную жизнь, дискриминацией через лишение имущества, а также несправедливым судебным разбирательством. Дело принято к производству, ему был присвоен номер, адвокат выслал в Страсбург необходимые документы.

— Сейчас ждем, когда назначат дату рассмотрения, — говорит Константин.

Вообще, по словам адвоката, львиная доля дел, разбираемых сейчас военными судами, аналогичны описанному выше.

— Только у меня больше двадцати таких дел, со всей России, — комментирует Маркин. — В последний раз, будучи в суде, я наблюдал аншлаг: из примерно тридцати разбирательств только три были посвящены другим проблемам, остальные — об увольнении или предоставлении квартиры.

Такой наплыв, конечно же, связан с армейской реформой: многочисленные сокращения воинских частей привели к тому, что тысячи офицеров были уволены практически одновременно — и теперь, по закону, им обязаны предоставить жилье. А так как жилья нет, используются всевозможные махинации, чтобы обмануть людей.

— Большинство все же соглашается на увольнение «с оставлением в списке очередников», — поясняет Константин Маркин. — Однако есть негласное распоряжение: любыми способами сокращать эти списки. И людей начинают исключать оттуда по всевозможным основаниям, а иногда и вовсе без оснований. Просто издается приказ: исключить. Самое страшное, что на обжалование такого решения у человека есть всего три месяца, потому что военные суды рассматривают такой иск, как «оспаривание действий». В гражданском суде по аналогичным делам было бы три года. При этом человека могут даже не поставить в известность о том, что он исключен из очереди. Правда, по закону, актуальный список очередников должен всегда висеть в части на доске объявлений — но ведь уволенные из армии не так часто посещают свою бывшую часть. Так что человек может узнать о том, что его выкинули из очереди намного позже — когда ему не остается уже никаких законных способов отстаивать свои права.

С точки зрения УК РФ, описанные действия могли бы рассматриваться как «мошенничество на доверии». Но почему-то не рассматриваются...

Конечно, на столь удобренном беззаконием поле прекрасно процветает коррупция. Подвинуть кого-то в очереди вперед или назад ради получения взятки или просто из-за личных взаимоотношений — здесь нет ничего трудного. Тем более что доказать это практически невозможно.

— Каким бы громким ни был скандал из-за нарушений в распределении жилья, до суда эти дела доходят лишь в том случае, если столкнулись интересы двух достаточно сильных боссов, — считает Константин Маркин. — В противном случае доказать ничего не удастся.

Прекрасный пример использования служебного положения для решения личных вопросов представляет собой история капитана третьего ранга **Дмитрия Иванова**. Он посвятил службе 23 года. Сначала ходил на военных кораблях, потом преподавал в Кронштадтском морском кадетском корпусе (КМКК). Но, как оказалось, не заслужил и однокомнатной квартиры.

Как считает капитан Иванов, его противостояние с руководством КМКК началось в 2003 году.

— Моему мужу приказали подделать аттестат одного отчисляемого кадета, — рассказывает жена Дмитрия Наталья, которая в семье Ивановых взяла на себя большую часть бремени по борьбе с ветряными мельницами российского правосудия. — Он должен был переправить двойки на тройки и еще характеристику «написать положительную», как ему указал в резолюции командир 1-й роты Александр Тимофеев. Такие указания не могли быть даны без ведома двух людей: начальника отдела кадров капитана второго ранга Александра Каматёсова и заместителя начальника учебного отдела подполковника Виктора Уренцева. Муж отказался им подчиниться, и этим нажил себе врагов.

Однако до поры до времени проблем у капитана Иванова не возникало. В 2005-м его представили к награде (медаль «За отличие в военной службе» 1-й степени), охарактеризовав как «исполнительного и дисциплинированного военнослужащего...» (и еще много хороших слов).

В сентябре 2006-го во время аттестации дали заключение: «Занимаемой должности соответствует» и выдвинули на повышение.

Однако уже через месяц Дмитрий Иванов начинает резко «деградировать»: 9 октября Каматёсов отчитывает за неопрятность, Иванову приказывают пройти тест на алкоголь. Алкоголя в крови капитана не обнаружилось, зато обнаружилось, что его почему-то с неснятыми швами выписали из госпиталя после хирургической операции на голове и что нуждается Дмитрий Иванов не в нагонях, а в дополнительных пяти сутках отдыха.

Еще через месяц подполковник Виктор Уренцев, начальник учебного отдела КМКК, подает на капитана Иванова рапорт: на замечание о неудовлетворительном состоянии кадетов «Иванов Д.П. ответил с издевкой, что он... (плохой) офицер и вообще псих, и ему нужно лечиться. После чего начал демонстративно размахивать у меня перед лицом руками, а потом табуретом, повторяя, что он псих, но направления в соответствующее заведение ему не дают. Он с трудом себя контролировал, а нижняя губа сильно тряслась...». В ответном рапорте капитан Иванов удивляется, почему, обнаружив столь неадекватное и даже опасное для окружающих поведение офицера-воспитателя, подполковник Уренцев никаких действий не предпринял, а оставил его с детьми еще на сутки дежурить по роте. В итоге никакого продолжения конфликт не имел.

Следующий инцидент не заставил себя долго ждать. Руководство КМКК обвинило Дмитрия Иванова в том, что он заставил кадета М. мыть свою машину. Административное расследование проводил кадровик Каматёсов. В итоге Иванова «предупредили о неполном служебном соответствии». Несмотря на то что через два дня после происшествия кадет М. написал в рапорте: «20.03.07 меня вызвал кап. 2-го ранга Каматёсов к себе в кабинет, сказал писать рапорт по поводу того, как кап. 3-го ранга Иванов Д.П. якобы заставлял меня мыть машину, при этом начал диктовать мне каждое слово».

В сентябре 2007-го у Иванова кончился срок контракта; продлевать его не видели смысла ни сам Иванов, ни руководство КМКК (капитан не раз просил о переводе в другую часть, но его не давали; такие запросы упираются в отдел кадров, которым, как вы помните, руководит Александр Каматёсов...).

Напоследок из Иванова чуть было не сделали сумасшедшего. Несмотря на заключение военно-врачебной комиссии: «категория «А», годен к военной службе», в которую входил и психиатр («жалоб нет... без психоза, эмоционально адекватен...»), — в представлении к увольнению Дмитрия Иванова написано, что обследоваться у психиатра он отказался. Вообще представление это рисует капитана Иванова как человека крайне неприятного — непонятно даже, как решились держать на службе, да еще при детях, человека, который «на критику и замечания реагирует болезненно, начинает кричать, размахивать руками, швыряться вещами, себя не контролирует».

Особенно занятно выглядят утверждения: «С детьми контакта нет, авторитетом и уважением у них не пользуется. Полностью исчерпал себя как офицер-воспитатель». Странно, что при этом сами учащиеся отзываются о капитане Иванове несколько иначе: «Хороший офицер и замечательный человек», «пример любому», «человек с большой буквы». Тридцать четыре кадета из учебной роты Дмитрия Иванова через месяц после его увольнения согласились пройти опрос у психолога КМКК Галины Терновской. Сто процентов опрошенных посчитали, что капитан Иванов «имеет авторитет в их глазах», «умеет выслушать и понять», хорошо эрудирован и т. д. и т. п. Но, в конце концов, это же дети — откуда им знать, кто для них на самом деле авторитет?

Как же умудрился капитан Иванов всего за год из блестящего командира превратиться в «скандального, недисциплинированного, безответственного военнослужащего, дискредитирующего звание офицера»?

Злые языки утверждают, что дело здесь не в самом капитане, а в президентской программе «15+15», по которой для обеспечения офицеров жильем в 2006 и 2007 годах выделялось по 15 миллиардов рублей.

Надо сказать, что программа эта и вообще-то вызывает много вопросов в аспекте коррупции: в январе 2009 года в Москве застрелился генерал-полковник Виктор Власов, курировавший программу «15+15». Причину самоубийства связывают в первую очередь с профессиональной деятельностью генерала.

И судя по тому, как реализовывалась эта программа в КМКК, нельзя сказать, что отчаянный поступок Виктора Власова был обосновательным.

Например, не удается даже толком выяснить, сколько и каких квартир было выделено на кадетский корпус. В ответе из ведомства погибшего генерала на запрос Натальи Ивановой их шесть: три трехкомнатных, одна двухкомнатная и две наиболее востребованных — однокомнатных, каковая полагается и капитану Иванову. Однако в справке-докладе начальника кадетского корпуса Николая Довбежко их пять: две однокомнатных исчезли, зато добавилась одна двухкомнатная! Эти сведения перекочевали и в ответ военной прокуратуры: «Квартир, которые по своим характеристикам могли бы быть предоставлены вашему супругу (т. е. однокомнатных. — А.Б.), на распределение в КМКК не поступало».

При этом в протоколе заседания жилищно-бытовой комиссии КМКК от 10.07.2007 встречается уже третий вариант квартирного набора: две трехкомнатных, две двухкомнатных и однокомнатная.

Из статьи «Кронштадтский мятеж» («Новая газета в Петербурге», № 42 от 16–18 июня 2009 года):

«30 декабря 2007 г. начальник КМКК, капитан 1-го ранга Николай Довбежко уволил капитана Иванова из Вооруженных сил без его согласия, не обеспечив при этом жильем, что, по мнению Дмитрия Петровича, является нарушением целого ряда законов, разобраться с которыми он рассчитывает через суд.

Через суд же надеются выяснить Ивановы и обстоятельства получения квартиры подполковником Виктором Уренцевым. Очередность получения жилья военными определяется в соответствии с выслугой лет. В списке очередников от 2006 года у Уренцева выслуга 28 лет (что довольно странно при указанной здесь же дате поступления на службу — 1985 год). А через год в аналогичном списке выслуга Виктора Юрьевича вновь сократилась до 21 года! Правда, для жилищной ситуации подполковника это уже не имело большого значения, ведь, как указано в том же списке, он был «снят с учета, получив трехкомнатную квартиру в Пушкине». По мнению Ивановых, повлияла ли эта «путаница» в вы-

службе лет на получение господином Уренцевым квартиры, также должен установить суд».

Приписать к выслуге 7 лет, чтобы передвинуть человека в списке — что может быть проще? Особенно при том, что такое досадное упущение всегда можно оправдать «опиской».

Публикация в «Новой», а также вмешательство аппарата советника председателя Совета Федерации, к которому обратились Ивановы, позволили быстро решить жилищный вопрос капитана: для него тут же отыскалась однокомнатная квартира. В результате столь удачного стечения обстоятельств желание Ивановых засудить руководство Кадетского корпуса довольно скоро сошло на нет. И кто возьмется упрекнуть их в этом? В конце концов, расследование должностных преступлений — задача прокуратуры, а не частных лиц. Однако прокуратура, как вы понимаете, газетной статьей ничуть не заинтересовалась.

Итак, российская армия не выдерживает проверки даже на феодальное устройство: вместо достойного вознаграждения за труды, которым многие военные фактически посвятили всю свою жизнь, государство всячески пытается обмануть офицеров, служивших ему верой и правдой. Такое отношение к людям свойственно не феодальным королевствам, а скорее диктатурам «восточного» типа.

Жизнь одного человека, каковы бы ни были его заслуги, ничего не значит; его достоинство ничего не стоит. Российская армия в очередной раз подтверждает: основной принцип ее внутреннего устройства — рабовладение.

Комментарий юриста

— Есть ли возможность изменить ситуацию с распределением жилья контрактникам, изменив российские законы? Что именно нужно для этого сделать?

— Основная проблема в том, что жилья строят недостаточно, поэтому военнослужащие вынуждены долго ждать. Решения о распределении жилья принимаются жилищной комиссией и согласуются с квартирно-эксплуатационной частью. Возможно,

если этот вопрос передать гражданским службам, то ситуация может улучшиться. Но в этом я не уверен, так как этот вопрос подробно нами не изучался.

— **Как нужно поступать по закону, если в законе написано: «Предоставить жилье при увольнении», — а жилья в наличии просто нет?**

— Военнослужащий не исключается из списков части до обеспечения жильем. В случае его увольнения без обеспечения и без его согласия он вправе в течение трех месяцев обратиться в суд.

— **Есть ли законная возможность привлечь к ответственности офицеров, «мухлюющих» со списками очередников на получение жилья?**

— Только посредством стандартной процедуры: пострадавший вправе обратиться в суд, также этими вопросами может заниматься прокуратура. Но эффективность данного пути вызывает значительные сомнения.

Заключение

Об аховом положении армии в России говорят давно и много. Говорят политики, ученые, журналисты. Но по-настоящему масштабы бедствия способны представить лишь правозащитники — это к ним бегут солдаты, к ним идут за помощью офицеры, из их архивов черпают информацию журналисты, политики и ученые.

И именно правозащитники дают возможность каждой конкретной жертве спасти свое здоровье, достоинство и жизнь. О том, что такое работа армейского правозащитника, о том, есть ли у гражданского общества шанс изменить ситуацию, рассказывает **Элла Михайловна Полякова**, председатель Российской общественной правозащитной организации «Солдатские матери Петербурга».

— **В чем в основном заключается ваша работа?**

— В первую очередь это просвещение людей. Моя задача сделать так, чтобы они осознали свои фундаментальные гражданские права, чтобы почувствовали, что их достоинство имеет ценность, что у каждого есть гражданская ответственность. Два раза в неделю мы проводим Школу прав человека, где рассказываем желающим, как именно защитить свои права, но главное — пытаемся донести до людей, что эти права у них действительно есть.

Я вижу, что российское общество имеет все необходимые демократические механизмы, чтобы прийти из тоталитарного в цивилизованное состояние. Но это возможно только через цепочку: гражданин — гражданское общество — эволюция страны. И именно просвещение людей, которые до сих пор считают себя абсолютно бесправными, а значит, и полностью безответственными, способно сделать из них граждан.

— **Почему в таком случае вы занимаетесь не только и не столько просвещением, сколько армейскими проблемами?**

— Это особенность нашей организации, идущая из ее истории.

В начале 1990-х годов я занималась многими проблемами: выборы, социальные дела — и армия была не первой в этом списке.

Но потом я начала ездить по горячим точкам страны: была на выборах во время войны в Нагорном Карабахе; наблюдателем на референдуме в Тбилиси — и увидела, как готовится война: вопросы нарочно были поставлены так, чтобы столкнуть армян и грузин; ездила в Цхинвали во время войны в Южной Осетии в 1992 году. Там я увидела, что значит война для разваливающейся советской империи...

В газете «Экспресс-хроника» Александра Подрабиника как-то была напечатана карикатура: карта СССР и громадный спрут, раскинувший щупальца на все республики. А после распада Союза каждое щупальце превратилось в отдельного маленького осьминога. Когда империя разваливается, лучший способ, чтобы отвлечь внимание людей от тех, на ком лежит ответственность за все сотворенные и творимые преступления, — устраивать войны.

Я была активной участницей событий в Прибалтике, наш Петросовет был тогда демократическим, и мы организовали координационные пункты по связям парламентов, чтоб противостоять преступлениям советской армии. Парламенты Латвии, Эстонии, Литвы, Петербурга и Москвы — мы поднимали общественность, когда танки пошли на спящий Вильнюс.

В Союзе не было адекватной информации о том, что там происходило, из телевизора лилась пропаганда: мол, «фашисты взяли власть». И у нас не было никаких контактов с солдатами, которые там стояли.

Мы пытались распространять информацию в Петербурге: возили прибалтийские газеты, один раз с Юлей Кондратьевой организовали пикет у Казанского собора. Это было после событий 13 января 1991 года, танки уже прошли, люди погибли. Мы взяли с собой литовский флаг, раздавали газеты и разговаривали с прохожими, рассказывали о ситуации, стали приглашать их писать письма солдатам — чтобы они не убивали мирных людей в Литве. Письма были очень хорошие.

Мы откопировали их в вильнюсском парламенте... но сами литовцы не решились их раздавать солдатам: и сказали, что могут только перекинуть мешок через забор части, потому что подходить боялись.

Мы с Юлей доехали до границы северного военного городка. На стенах надписи: «Стой, стрелять буду». Литовцы сказали, что

дальше не пойдут, а мы пошли. Сказали на КПП, что приехали из Ленинграда, что хотим передать письма. Солдаты были в основном из Средней Азии и плохо понимали по-русски; конечно, это было нарочно сделано. И кормили их, как на убой; я видела, как один ел гигантский кусок торта.

Вышел дежурный офицер — ничего не понял. Что за дамочки, и чего они хотят? Но мы настойчивые, уговорили провести нас к командующему.

У командующего сидел представитель Горбачева. Мы рассказали, что мы из Ленинграда, что мы правозащитники — что не хотим, чтобы люди убивали друг друга. Хотим объяснить им, что есть на самом деле. И поняли, что командующий, Владимир Усхопчик, все прекрасно знает.

Слушали нас с недоумением, но письма взяли. Не знаю, какая была их дальнейшая судьба, но на меня это посещение сильно повлияло. Мы впервые попали внутрь воинской части — в СССР они всегда были закрыты, как райкомы партии. И хотя я все детство провела в военных городках, но в тот момент смотрела на это уже совсем другими глазами.

На обратном пути к КПП нас сопровождал офицер из Белоруссии. Он сказал, что абсолютно никакой информации о том, что происходит в Литве, у них нет: им показывали фильм, объяснявший, что город захватили фашисты. Выходя на улицы, они были очень напуганы. И литовцы их, естественно, тоже боялись. А это очень опасная ситуация...

Этот же офицер рассказал мне, что участвовал в событиях в Вильнюсе. Сказал, что армия не была вооружена, но из-за их спин стреляли спецназовцы из «Альфы» — таким образом армию подставили.

Еще рассказывал, что был на Кавказе. Там все понятно и не страшно: ты стреляешь — в тебя стреляют. А тут, в Прибалтике — идешь, и ты вооружен — а те, против кого ты идешь... молятся. И это было для него жутко. Тогда поняла, что обезоружить можно бесстрашием, молитвой.

Потом мы с Юлей поехали к телецентру — он был захвачен, вокруг стояли БТРы. Люди подходили с цветами к месту убийств... Многие были с синяками под глазами: когда тяжелые танки шли по городу, их накрыло звуковой волной.

В телецентр вели два подхода-«стекляшки». И там, за стеклом, сидел солдат с автоматом. Я подошла и постучала в это окно, он открыл. А кругом полно литовцев, они с удивлением и опаской на это смотрели.

Я говорю: «Мы приехали из Ленинграда; вот тебе сигареты, вот газеты», мы начинаем разговаривать — он отвечает... Но тут появился офицер, обликом похожий на гориллу. Схватил мальчишку и утащил куда-то. Кто-то заплакал, увидев это. А потом появились двое солдат — забили окно досками.

Я подняла глаза вверх — а другие окна были завешены плащ-палатками — и увидела, что кто-то отодвинул плащ-палатку и рукой помахал.

И тогда я начала понимать, кто это такой — солдат в армии. Бесправный винтик, но с автоматом. И поняла, как важно решать проблему демилитаризации страны, чтобы что-то изменилось. Мы, граждане, — мы уже увидели, как надо жить, куда надо двигаться. А там — другая система, и она тащит нас назад, в прошлое. И это надо менять. Тогда мы учредили организацию.

Был еще один сюжет, когда началась война в Чечне в 1994 году. Мы все тогда не понимали, что происходит. Узнали о войне, только когда один парень позвонил в организацию. Он сказал, что его друг сбежал: его перевезли из Ладоги в Каменку, переодели в другую форму и выписали карандашом бумаги. Он понял, что его собираются куда-то отправить, и убежал. Так отправляли в Чечню.

В Каменке было два батальона, которые имели право участвовать в миротворческих миссиях, и перед войной туда стали свозить ребят из других частей, быстро переписывать документы — и с собаками, под дулом автоматов загоняли в Громово, в самолеты, отправляли в Чечню. Других также сажали в поезд — говорили, что отправляют «на целину».

Сбежавший парень был психически нездоров, увидел эту посадку в Громово — и испугался. А «психически здоровые» — все пошли на убой.

Узнав обо всем этом, мы договорились с журналистами НТВ — и на их машине поехали в Каменку. И вот, на КПП части увидели жуткую картину. Родители прощались со своими детьми, пичка-

ли их едой, — при этом все уже знали, что происходит в Грозном, сколько там погибло солдат. Мы говорили им: забирайте своих сыновей! Увозите их отсюда! Вы не обязаны отправлять их на смерть.

Но от нас отмахивались, как от мух. В тот момент я вспомнила одну новеллу из своей юности. Мы уходили от «совка» целыми семьями в байдарочные походы, где жили, как хотели. И вот в одном походе, на Волге, раз услышали такой звук, от которого волосы встают дыбом. Мы все побежали и увидели: поваленное дерево, и под ним лежит змея, перед которой — очередь орущих лягушек. И на наших глазах змея одну схватила и принялась глотать. Заглотила — а затем следующая лягушка сама прыгнула к ней в пасть. Очередь продвигается вперед и продолжает в ужасе орать...

Никогда эти люди не были свободными, никогда не знали, что такое чувствовать себя свободным.

Но ресурс есть, его просто надо включить. Поэтому главное — просвещение людей.

То, что это правильно, я убедилась в 1998 году, когда была приглашена в Париж на пятидесятилетие Декларации прав человека. Был большой праздник, собрали правозащитников со всего мира. Во дворце Шайо внучка Элеоноры Рузвельт рассказала, как разрабатывалась Декларация, и как трудно было заставить чиновников признать, что человек главнее чиновника. Кстати, меня назвали Эллой в честь Элеоноры Рузвельт.

Там был обзор по правам человека со всего мира. Я узнала, какие ужасы происходят в Африке, в Азии, в Латинской Америке, и что при этом там работают правозащитники. И стало стыдно за нас: я поняла, что в России тоже можно прекрасно работать. Конечно, не стоит ждать быстрого результата, но важен процесс, движение. Это был очень серьезный стимул, чтобы по-иному взглянуть на нашу деятельность. Когда я вернулась, мы стали больший упор делать именно на просветительскую программу. К сожалению, больше этим в России никто не занимается.

Есть такое американское слово empowerment, его не так просто перевести на русский — оно означает обретение силы, силы духа. Человек привык к себе одному: к себе безвольному, привыкшему

подчиняться — а должен стать другим, свободным. Ребята, которые вышли из рабства, — у них уже глаза другие. Мы все время видим, как меняются люди на наших глазах.

Однажды у нас была одна мама, Валечка, маленькая, скромненькая. Она послушно все делала по нашему сценарию, чтобы спасти сына, пошла с группой поддержки в выборгский военкомат. И эта женщина — послушная, покорная Валечка, когда ее сына попытался увести двухметрового роста военком Байдаров — она взревела, выросла до потолка, схватила своего Мишку и ушла. А военком бежал за ней вслед, пытался что-то говорить, уговаривать... И в тот же день дал мальчику военный билет. Вот этот процесс, чтобы человек распрямился, встал — мы все время пытаемся запустить. И таких историй очень много.

Тоталитарная система питается страхом людей, и именно бесстрашие может ее обезоружить. Я поняла предел своего страха в 1991 году, когда шахтеры пригласили нас на съезд в Донбассе. Мы сказали, что хотим спуститься в шахту.

Понятно, что шахта была неглубокая, показательная — но нам хватило. После того как спустишься, нужно еще ползти до забоя по узкому штреку. Это дыра в земле, 50 см в диаметре. Мы поползли... В этом штреке — ад. Температура градусов 40, пыль такая, что ничего не видно, только белки глаз и зубы голых мужиков... Там я поняла, что бояться — нечего. Мы уже на дне этой пропасти, и хуже уже не будет.

И там же я осознала, как действует бесчеловечная государственная машина. Вот молодой парень в армии — его ломают. В деревню он возвращаться не хочет. Его ловят вербовщики на вокзале, напаивают, обещают золотые горы. Он подписывает контракт и едет на шахту. Потом женится, пьет и в 40 лет умирает.

Когда люди крутятся в этом колесе, получается, что молодые мужчины — это группа, исключенная из общества. У них нет прав, потому что за ними охотятся, их бьют, им не оказывают медицинской помощи. В результате этого террора они становятся деструкторами общества, разрушают семьи, а ведь они — будущее этого общества.

Но если вернуть эту исключенную группу назад, в социум, Россию ждет небывалый экономический скачок — как было в США после освобождения рабов.

— **Есть ли какие-то реальные результаты вашей работы, изменения?**

— Во-первых, это живые спасенные мальчики. Нами защищено уже больше десяти тысяч человек. Но вытянуть их из рабства — это одно, а сделать гражданами — совсем другое.

Поэтому я не жду быстрых результатов. Их и не может быть.

Просвещение затруднено коррупцией. Люди предпочитают заплатить взятку, чем идти по пути отстаивания своих прав. Не понимая, что они остаются в прошлом, обесценивают своих сыновей, платя дань, чтобы те не шли в армию.

Раньше к нам на занятия в правозащитной школе приходило по двести человек; сейчас, дай Бог, двадцать. Но это нормальный процесс — люди должны сами выбрать, что им нужно. И то меньшинство, которое идет по этому трудному пути — они залог будущего.

— **Как относятся к вам сами военные?**

— Когда мы начинали, отношение было очень плохое. Иначе, чем «агентами Запада», не называли. Непрерывно поминали, что мы существуем на западные гранты. Но мы никогда от этого и не отказывались: на деньги Запада мы спасаем жизни российских солдат и пропагандируем российские законы. Мы идем четко по пути соблюдения закона, воспитывая не уклонистов или дезертиров, а защитников своих прав. И делаем это бескорыстно — со своих «клиентов» мы ничего не берем.

Именно это помогло изменить отношение к нам у многих военных. Один прокурор, сейчас он уже уволился, как-то сказал мне: «Всегда считал вас врагами, но в конце концов понял, что мы друзья». Когда увидел, что наша методика работы с «бегунками» — теми, кто вынужденно оставил часть — основана только на законе; и когда убедился, что мы не вымогаем у них денег.

Мы стали делать более открытыми воинские части. Свет, который зажигается в людях, когда они стараются не унижать других, когда помогают более слабым — он создает другое пространство, где они чувствуют себя в безопасности и начинают открываться.

Таких мест в России мало. Военные это тоже чувствуют, приходят и говорят: как у вас хорошо! Мы входим в закрытые системы, потому что считаем: где нарушаются права человека, там не место государственным тайнам. И какой-то частью души, которая есть у каждого, и у военных тоже, они понимают, что мы правы. И именно это приносит результат.

Однако изменения стали итогом длительного процесса, и сначала мы очень сильно воевали. Против меня лично пытались возбудить два уголовных дела за содействие в сокрытии дезертира. Но все это у них не прошло. Потому что мы используем методiku Владимира Буковского, о которой он пишет в книге «И возвращается ветер». Чувствуя себя в неволе, надо хотеть быть свободным. И — писать правду, всем-всем-всем, кому только в голову придет. В тоталитарной системе, особенно военной, принято унижать и ни во что не ставить тех, кто ниже, но там очень боятся старших.

Получая раз за разом тычки сверху, они научились, что рот нам не заткнуть.

А потом в прокуратуре увидели, что парень рассказывает нам то, чего они не знают. Потому что прокуратура со сталинских времен не умеет в жертве видеть жертву. Там привыкли только обвинять. Но видят, что мы-то — можем, и уже понимают, что с нами надо сотрудничать. Осознают, что им самим часто выгодна наша организация.

— **Можно ли рассчитывать на помощь военных в изменении ситуации?**

— К сожалению, тех, кто хочет изменений к лучшему, — их очень мало. Хотя есть отдельные энтузиасты, но, как правило, ослепленные иллюзиями.

Как и милиция, и медицина, армия — это полумертвый институт. Они должны держаться на доверии людей, а когда люди перестают им доверять, надо создавать новые институты. Это эволюционный путь, ведущий в другое, демократическое состояние. И в армии это тоже происходит, хоть и с ужасным скрипом.

— **Может быть, стоит всех уволить и нанять новых людей? Говорят, Саакашвили проделал это с грузинской милицией и ему удалось победить коррупцию.**

— Может быть. Но Россия — слишком большая страна, и быстро такую реформу в ней провести нельзя. А медленно... это будет страшно. Мы этого не хотим, поэтому, как дятлы, долбим: нужен отказ от призывной системы комплектования.

После войны с Грузией всем стало очевидно, что дела в армии совсем плохи. И в самой армии есть люди, которые это понимают. Но там же укрепились и коррупция, и желание приватизировать лакомую собственность. А мы-то — все о своем, о защите прав человека в армии... Поэтому нам далеко не со всеми по пути.

Один полковник меня спросил: «Понимаете ли вы, что, устроив скандал в Каменке, наверняка действуете в чьих-то личных интересах?» Допускаю, что кто-то не прочь нас использовать. Но мы стоим на защите прав человека. Нам надо каждого сделать достойным, уважаемым. И это важнее.

— В какую сторону, по-вашему, будет развиваться ситуация: с вами будут все больше сотрудничать или, наоборот, пытаться раздавить?

— Только что выиграла суд против военных: на нас и газету «Псковская губерния» подали заявление о клевете. Но, несмотря на это, мы договорились с самой дивизией, псковской ВДВ, о сотрудничестве. То же самое — с Каменкой и с прокуратурой.

Недавно у нас была встреча с окружным прокурором ЛенВО, генералом Игорем Ивановичем Лебедем. В январе 2010 года он устроил специальное совещание, на котором мы рассказали обо всех проблемах, о нашем видении ситуации. И Игорь Иванович попросил своего помощника бывать у нас регулярно. Три раза в неделю мы даем ему задание, и он защищает права пострадавших военнослужащих.

До этого у нас тоже были контакты, но чтобы так постоянно — это в первый раз!

Наше влияние стало настолько явным, что мы вмешиваемся в кадровую политику. Нам приписывают снятие руководства Каменки — а значит, нас начинают бояться.

Кроме того, мы еще работаем экспертами в проектах на федеральном уровне. Был проект «Гражданин и армия», и многие организации делали доклады, которые спускались сверху на командование, на прокуратуру, губернатора. Когда мы узнаем о престу-

плении, мы сопровождаем пострадавшего человека и параллельно вносим его историю в доклад.

— **Если военные действительно сотрудничают с вами из страха, получается, их взаимодействие с вами абсолютно неискренне?**

— Конечно, это вынужденное. Кроме очень редких исключений.

Если с каким-то солдатом что-то случается, мы иногда можем предложить прокурору или командиру части: помогите нам коммиссовать его, и тогда мы не будем раздувать скандал, а вы сможете сами наказать виновных. Хотя, конечно, делаем это далеко не во всех ситуациях.

Военных очень волнует, чтобы мы не сообщали в прессу! Они панически боятся гласности, потому что начальники прочитают. Следят за каждым нашим словом.

Но параллельно не устают устраивать на нас наезды. Недавно в Пскове мы провели школу прав человека — теперь проблемы с прокуратурой у директора библиотеки, где мы ее проводили, у местного Совета солдатских матерей.

Еще один процесс против нас идет по иску следователя Юрия Томея. Мы не нарушили никакого закона, но суд может принять любое решение... А ведь денежные иски — это очень серьезное давление, которое может привести к закрытию организации.

Но мы играем в эти игры. После конфликта в Каменке, перед Новым 2010 годом, к нам приходил заместитель начальника штаба ЛенВО генерал-майор Александр Ионов, да еще и с Федором Сараевым, начальником отдела призыва и подготовки граждан к военной службе управления штаба ЛенВО. Конечно, пришли они не по своей воле. Оба любят говорить прессе, что мы такие-сякие, Сараев несколько раз заявлял, что «Солдатские матери» разрушают армию на деньги Запада...

И вот они здесь. Сараев был никакой совершенно, сидел молчал. Он бы нас с удовольствием съел. А Ионов — более простодушный человек, хотя и для него был шок прийти к нам в организацию. Разговор состоялся такой: я, мол, с вами поиграю — но вы ничего не решаете.

Мы взяли у него номер телефона, я иногда звоню, и он помогает. Нам много-то и не надо.

Они сейчас больше всего боятся нашего влияния, источник которого не понимают. Не понимают, как мы оказываемся на совещании Министерства обороны. Не понимают, кто мы такие.

— **Есть ли надежда, что армию реформируют сверху?**

— Нет. Что-то изменится, только когда нарастет гражданское общество. Будет появляться все больше и больше людей, имеющих собственное достоинство, и в какой-то момент количество перейдет в качество. А для этого нужно просвещение, образование. Поэтому главный для нас — институт семьи, а армия — второстепенный.

— **Война будет?**

— Я недавно прочитала, что «искандеры» поставлены в ЛенВО. Это значит, что армию готовят к войне с Европой, с НАТО.

Сейчас в военном ведомстве борются две силы. Одна, более трезвая, осознает, что реально, а что нет. А вторая — реакционная, совмещенная с коррупционной — хочет устроить войну. Потому что война — это нажива.

Военная концепция до 2020 года, которую подписал Путин, она достаточно страшная. И полностью ставит крест на военной реформе: до 20-го года будет призывная система. К тому же идут разговоры о том, чтобы военные получали информацию о человеке от самого его рождения. Это означает тотальный контроль над гражданским населением, это регресс. Но силенок на то, чтобы это проверить, у них, мне кажется, маловато.

Самое ужасное, что военные в огромной своей массе живут вне реальности, они не умеют думать, это типичные дезадаптанты. Такие люди очень опасны.

Будет ли война? Сейчас в армии копится «пушечное мясо», опять подняли план призыва. Казармы наполняют больными, судимыми — чтобы подчинить мужское сознание, изгнать из него живую мысль. Чтобы солдаты бездумно исполняли преступные приказы — и чтоб можно было направлять это стадо куда угодно.

Людям активно навязывают образ врага. Но все же не думаю, что в обществе он сформирован, общество в целом уже другое.

Сейчас многое зависит от нас: от правозащитников, от гражданского общества. Ведь пока неизвестно, куда повернется страна. А военные — они тоже смотрят на нас и ждут, что мы будем делать.

Приложения

Сколько нужно солдат, чтобы тысячу генералов прокормить?

Виталий Иванович Цымбал, заведующий лабораторией военной экономики Института экономики переходного периода, доктор технических наук, профессор

— Я человек с военно-инженерным прошлым. Служил в строевых частях, потом занимался вооруженческими научными проблемами. В докторской диссертации на военно-техническую тему вышел ещё и на экономические показатели в оценке вооружений. Закончил военную службу в ЦНИИ МО в должности начальника управления оперативно-тактических вооружений. В 1990 году ушел из ВС, когда осознал, что все разваливается, а в развале не хотел участвовать. Поработал профессором кафедры экономико-математических методов в управлении. А затем в исследовательской деятельности увлёкся военно-экономическими проблемами.

В конце 1998 года в ИЭПП появилась наша лаборатория военной экономики, хотя Институт существует аж с 1990 года. Он разрабатывал рекомендации по переходу к рыночной экономике, но целых 7 лет обходил при этом стороной вопросы армии. А это в такой милитаризованной стране, как СССР, а потом — в такой насыщенной военными людьми стране, как Россия, с их сильнейшим влиянием, на мой взгляд, было неправильно. Многие рекомендации Института потому и не были реализованы, что базировались на классических учебниках по рыночной экономике, не учитывая военной специфики страны. Ведь в учебниках сказано, что часть бюджета просто отчисляется на нужды армии — и все! Такой примитивный подход во многом определил неудачи реформ.

— **Насколько эффективна российская армия? Отвечает ли она современным вызовам?**

— Российская армия неэффективна, поэтому сейчас в ней идут радикальные изменения.

Что касается второй части вопроса, то я не сторонник того взгляда, что все, что делается странами, как и людьми, — делается в ответ на вызовы. Это глупый подход: альпинисты поднимаются в горы не потому, что есть какой-то вызов. Им хочется проверить себя, что-то познать. Так и государство развивает свою армию не обязательно в ответ на вызовы, классический пример этого — США. Они действуют отнюдь не только в ответ на угрозы со стороны. Более того, они придумывают угрозы, чтобы загрузить свой ВПК.

В России, как и в любой другой стране, есть устремления политических сил: амбиции лидеров политической элиты, есть массовые представления в народе, например, футбольные болельщики кричат: «Россия, вперед!» и т.д. Это желание двигаться вперед — один из факторов того, что россиянам хочется иметь армию не хуже, чем у других.

Но, конечно, есть и вызовы в виде военных угроз, как извне, так и внутренних. Внутренние возникают, в частности, оттого, что развитие Вооруженных сил идет не так, как хочется народу. Народ не хочет, скажем так, в большинстве семей, чтобы молодые люди уходили в армию, от которой проку мало, а ущерб вполне просчитываемый: просто умножим срок службы на среднемесячную зарплату — это недополученный доход. Плюс, по сравнению с тем, кто не пошел, срочник теряет в карьерном росте, в совершенствовании профессии: целый год потерян, а для тех, кто поступал в желаемый вуз, не прошёл по конкурсу и был призван, потеряны два года.

— **Разве армия не может быть ступенью в карьерном росте? Ведь есть даже профессии, куда не берут без опыта армейской службы.**

— Их не так много, и неизбежные потери здесь гораздо очевиднее возможных преимуществ.

— **А как же всё-таки обстоит дело с военными угрозами?**

— Перед российской армией стоит несколько задач. Первая — это парировать все возможные угрозы, начиная от глобальной ядерной войны и кончая малыми, вроде войны в Южной Осетии — и она худо-бедно ей отвечает. И ответит при развязывании любой войны, мобилизуя все силы. Однако есть еще задачи **мирного времени**, это: боевое дежурство ВВС и флота — для того, чтобы не

было проникновения на нашу территорию; плюс стратегическое сдерживание: надо иметь оружие и демонстрировать его возможности — что оно не на бумаге только существует, а в натуре живьем есть. Чтобы решать эти задачи, нужны только профессионалы. Вот этим требованиям российская армия не отвечает абсолютно.

Что касается РВСН — основы сил ядерного сдерживания — там большинство личного состава профессионалы. Этот вид Вооруженных сил в основном соответствует своему назначению. Гораздо хуже обстоит дело с ВМФ: атомные лодки быстро выходят из строя. Сейчас предпринимаются усилия по восстановлению этого потенциала. Но, по крайней мере, и на подводных лодках, и на надводных кораблях матросы и офицеры — контрактники. У ВВС дела хуже: здесь не являются профессионалами все механики, которые обслуживают самолеты на земле.

А вот Сухопутные войска абсолютно не решают задачи мирного времени в смысле сдерживания. Я думаю, что расчет Саакашвили был на это — что неповоротливая армия не сможет воспрепятствовать захвату Рокского тоннеля, и можно будет выдавить из Южной Осетии и Абхазии граждан РФ.

После августа 2008-го Медведев и решил подписать документ о «новом облике» ВС РФ. Хотя, по-моему, Вооружённым силам скорее нужно новое содержание.

— **К чему приведет эта реформа?**

— Суть изменений такова. До последнего времени господствовала идеология мобилизационной армии. Это значит, что имелось большое количество воинских частей, в которых находились лишь офицеры, прапорщики, очень мало солдат и техника. В случае войны надеялись призвать всех, кто прошел срочную службу, — и иметь большое количество укомплектованных воинских частей. Обычно такое развертывание занимает месяц или больше.

В 2008 году от этой идеологии наконец отказались полностью: в современных условиях иметь месяц на развертывание Вооруженных сил абсолютно нереально. Нужны силы, которые реагируют в течение суток. А значит, нужны солдаты, которые живут рядом со средствами вооружённой борьбы, в казармах или в общежитиях, в военных городках, должна быть исправная техника, которую регулярно проверяют, и должны быть средства для

переброски таких мобильных воинских частей туда, где имеется угроза.

Поэтому вместо громоздких дивизий начали создавать вдвое меньшие бригады, которые можно быстро перебросить на опасное направление.

Срок перехода на новую структуру армии был обозначен как 1 декабря 2009 года.

Дело идет успешно, бригады созданы и укомплектованы, они готовы выступить через час после команды. Правда, остается второй вопрос — кроме боеготовности, есть понятие боеспособности...

По идее, солдаты в этих частях должны после объявления опасного положения быть готовы к участию в военных действиях. Однако сейчас, к сожалению, с ложной ссылкой на нехватку средств они комплектуются по призыву.

Ситуация иллюстрируется таким примером. В октябре 2009 года прошла серия учений и проверок военных частей по всей стране: офицеры готовили подчиненных, те продемонстрировали свои навыки на учениях и на зачетных мероприятиях по проверке. Официального документа нет, но есть утечка информации в СМИ, что результаты проверок такие: в тех воинских соединениях, которые укомплектованы срочниками, больше половины в/ч получили оценку 3. То есть мы имеем армию постоянно готовых подняться по тревоге, но небоготовых троечников. Более того, сейчас идет волна смены: люди, которые худо-бедно подготовились на полигонах и в учениях, из армии уходят, на их место приходят новые, и цикл начинается снова. Там, где была зарегистрирована боеготовность в три балла, к Новому году она опустится до двух баллов.

Следующий момент, вызывающий тревогу: армия в результате реформы сокращается незначительно. Был 1 млн 100 тыс. — к 2012 году или даже позже будет 1 млн. Причем если раньше у нас было 350 тыс. офицеров, значительная часть которых находилась в тех самых частях сокращенного состава, то сейчас их останется всего 150 тыс., остальных выгоняют из армии.

А для сохранения миллионной численности предполагается... набрать большее количество военнослужащих по призыву! Го-

ворят, что хотелось бы по контракту — но денег нет. Однако это лишь отговорка.

По боеспособности человек, который служит по призыву 1 год, менее эффективен, чем профессионал, который прослужил 3–5 лет, в 3 раза. Поэтому, если мы хотим иметь армию с той же боеспособностью, что сейчас, то можно смело сократить численность войск до 500–600 тыс. вместо миллиона, но укомплектовать их контрактниками.

Сейчас солдат и сержантов — контрактников — всего 170 тыс. Плюс к ним остающиеся 150 тыс. офицеров. Возможно, останется некоторое количество прапорщиков, из которых хотят сделать профессионалов-контрактников. В любом случае количество людей, попавших в армию по призыву, составит более 600 тыс. человек. Вот к чему приводит попытка сохранить численность армии.

А ведь нам нужны хорошо подготовленные профессионалы именно на нижнем уровне войсковой иерархии, на самом нижнем этаже нужны спецы, владеющие компьютерными технологиями, современными средствами связи и позиционирования типа GPS (ГЛОНАСС). Неумехи и недотепы не нужны в армии.

— Почему же армейское руководство пытается сохранить численность?

— Причин несколько. Первая и главная: коррупционные структуры заинтересованы в призыве как таковом. Это медики, которые могут предоставить противоправную отсрочку, юристы, которые могут оказывать услуги по уходу от службы по юридическим показаниям. Были работники военкоматов — теперь офицеров из них тоже увольняют, но на их место придут гражданские люди, которые, не исключено, будут готовы предоставлять те же «услуги».

Можно оценить коррупциогенный потенциал. В призывном контингенте лиц, которые ранее получали отсрочку, порядка 100 тыс. человек молодых отцов, имеющих ребенка от 0 до 3 лет. Сейчас их призывают, а жене на время службы мужа выдают компенсацию. Средняя зарплата по стране — порядка 17–18 тыс. руб. в месяц; компенсация — 6,5 тыс. Разница, как мы видим, существенная. Перед гражданином встает вопрос: потерять на время службы 13 тыс. руб. в месяц и возможность

находиться с женой и ребенком — или «поделиться с коррупционерами», заплатить им деньги и получить противоправную отсрочку?

Получается, что если он, условно говоря, половину годов отдать за отсрочку, то: 6 тыс. руб. умножить на 12 месяцев — это 2–2,5 тыс. долларов. Такую сумму человек теоретически готов отдать за избавление от службы. Говорят, что средняя взятка колеблется как раз в этом диапазоне.

Вторая причина: существует условный «норматив» количества генералов в ВС, а именно 1 генерал на 1000 военнослужащих. Значит, при миллионной армии можно иметь 1000 генералов, если же армию сократить в половину — то и половину генеральских должностей придется сократить. Значит, военному руководству выгоднее иметь большую армию и мириться с тем, что она не очень боеготова — но руководить ею.

Кстати, если уж мы затронули тему отсрочек: особенно обидно, что они отменены для людей, которые работают на оборонных предприятиях. Эта бронь очень спасала, ведь на предприятиях ВПК не хватает не только конструкторов, но и станочников. Толковый фрезеровщик или сварщик подчас нужнее инженера. Например, многие изделия авиатехники титановые, а чтобы сварить что-то из титана, нужна специальная камера, надо надевать скафандры. Это уникальное производство.

— Насколько тяжелым экономическим бременем является армия на сегодняшний день?

— Общая сумма денег на национальную оборону, выделяемая из бюджета, — это около 1 триллиона руб. в год. На 2010 год — 1 трлн 200 млрд. Кроме того, часть военных расходов прячется в других статьях бюджета. Расходы на военный спорт идут по разделу «физкультура и спорт», на военную медицину — в статье «на здравоохранение». Даже телеканал «Звезда» получает деньги от Минобороны, но они проходят по разделу «культура». Но даже если не учитывать эту часть расходов, все равно это около 3% валового внутреннего продукта.

Достаточно ли этого? Поясню на примере. Если в семье муж, жена и ребенок, муж и жена работают и получают на двоих 36 тыс. руб. в месяц — это нормально для непривлекательной жизни. Но если они захо-

тят ходить в казино... даже смешно говорить. Кто-то считает, что это нормально, кто-то — что нет.

Так же и с ВС — важно, не сколько денег, а куда идет этот триллион? Часть денег идет на содержание ВС, часть — на закупку вооружения и военной техники. И в настоящее время тот уровень содержания, который достается офицерам и тем более рядовым, выглядит крайне несправедливым, с точки зрения расхода общественных средств на нужды граждан. Срочник, например, получает около 500 руб. в месяц.

Несправедливо еще и то, что большинство военнослужащих в нашей рыночной стране — это дети рабочих, крестьян и бедной части служащих — и этот оброк ложится именно на наименее обеспеченные семьи. Это вызывает не явно выраженный, смутный протест, негативное отношение. Раньше люди хотели, используя службу в армии, уехать из глубинки в город — но сейчас экономический ущерб для семей от службы явный, а этот фактор имеет все меньшее значение, так как найти хорошую работу в той же Москве, приехав из глубинки, очень проблематично.

Если вместо 600–700 тыс. призывников содержать в армии порядка 300 тыс. контрактников (по эффективности этого числа будет достаточно для армии) и дать им довольствие выше средней зарплаты по стране, то к нынешним расходам на содержание надо добавить всего 65 млрд рублей. Их даже не надо добавлять к тому 1 трлн 200 млрд, что будут выделены на 2010 год, достаточно лишь перераспределить деньги внутри бюджета.

Как получено число 65 млрд? Дважды заказывались опросы ВЦИОМу, в формулировке вопросника участвовала и наша лаборатория. Анкетировались только лица призывного возраста. Среди прочих, был и такой простой вопрос: «За какую сумму вы пошли бы служить по контракту?» Опросы проводились в разные годы, данные анализировались с учетом инфляции, и результаты получились разными в рублях, но постоянными в относительном выражении: денежное довольствие контрактника должно быть на 20% выше средней зарплаты по стране (сейчас, когда зарплата равна 17 тыс., это около 20 тыс.). Тогда желающих служить окажется вдвое больше, чем нужно для набора — этого будет достаточно, чтобы проводить конкурсный отбор.

— Как справиться с проблемой использования рабского труда в армии?

— Есть только один способ ее преодолеть: во время нахождения на службе солдат и его командиры должны быть настолько загружены решением боевых задач мирного времени, чтобы командир не мог направить кого-то на другие работы — просто из риска быть уволенным за невыполнение должностных полномочий.

Люди, находящиеся в армии, должны не просто «сидеть в готовности» — есть масса задач, которые они могли бы и должны решать. Сейчас ВВС охраняют воздушное пространство, ВМС отвечают за порядок на прилегающих акваториях, и только Сухопутные войска ни за что не отвечают — у них нет постоянных задач мирного времени. Порядок в городах, по идее, обеспечивают Внутренние войска, а на остальной территории — никто. Можно готовить подрывы газопроводов, теракты на железной дороге...

Сухопутные войска либо сидят в казарме, либо ведут учебные стрельбы на полигоне. Можно было бы, например, поручить им охрану лесных угодий, коммуникаций и т.п. — но для этого нужна политическая воля.

— Сколько времени и средств потребуют реформы? Насколько реально в итоге получить эффективную армию?

— В 2001 году мы выдвигали предложение: сократить призыв до 6 месяцев и, главное, изменить его предназначение — не для службы, а только для обучения, чтобы впоследствии было из кого набирать контрактников. Проходить обучение можно по месту жительства, чтобы получить военную специальность. Учебу в обязательном порядке пройдут физически крепкие молодые люди мужского пола, женщины — по желанию. Те, кто учится в этот момент в университете, получают образование на военной кафедре — заметьте, идет не только подготовка офицеров запаса, а просто обучение военному делу. По результатам учебы, если человек понравится, ему предлагают идти в армию.

Егор Тимурович Гайдар в 2001 году направил Путину экономические расчеты. Путин поручил Медведеву — тогда он был замруководителя администрации Президента — тот разослал предложение всем силовикам, они прислали отзывы на наши экономические обоснования. Отзывы были во многих случаях сдержанно

негативные, что понятно — так как ущемлялись интересы тех, кто наживается на призыве.

Чтобы обрисовать ситуацию с реализацией предложений, скажу, что в то же самое время наш институт предложил использовать плоскую налоговую шкалу — чтобы все граждане России, независимо от доходов, платили налог 13% (эта идея возникла, потому что при прогрессивной шкале бизнес научился мастерски уходить от налогов, скрывая высокие доходы).

Предложение о налогах было поддержано лоббистами. А вот предложение по армии, в котором были заинтересованы бедные семьи, — муржится до сих пор. Его некому пролоббировать.

В 2002 году вышел указ президента, утвердивший «Основы государственной политики в области военного строительства». Там наша идея была записана такими словами: призыв сохранить для подготовки, а на боевое дежурство брать контрактников. Вроде бы началась реализация, но началась уродливо. Вместо 6 месяцев для обучения сделали год, в который входила короткая учеба и служба в частях. Таким образом, по смыслу предложение было полностью извращено.

— Станет ли уменьшение численного состава армии до 500–600 тыс. препятствием для охраны сверхпротяженных границ России?

— Начнем с размеров территории. Сопоставимые страны — США и Канада. Разница в том, что у США сфера интересов — весь земной шар, поэтому практически на всех континентах у них есть военные базы, и несколько сотен тысяч человек служат за пределами страны. Если бы они формулировали задачу по-другому, как защиту собственной территории — им бы хватило 500–700 тыс. солдат, вместо нынешних 1,5 млн регулярных войск и ещё около 1 млн платного резерва. В Канаде же, не загрузившей себя глобальными амбициями, в регулярных войсках служат 64 тыс. человек. И в оплачиваемом резерве около 60 тыс.

Для нашей страны, с учетом того, что угроза глобальной войны исчисляется долями процента, а локальной — единицами процентов, если будут созданы новые средства переброски войск, то есть усилена мобильность армии, — 500–600 тыс. военнослужащих будет достаточно.

Более того, у нас есть не заморский, а собственный пример. Российские пограничники, находящиеся сейчас под руководством ФСБ, полностью реализовали нашу идею комплектования. Они организовали несколько центров подготовки контрактников, куда берут тех, кто отслужил в армии, в итоге у них не осталось ни одного срочника (последнего уволили в 2008 году), и численность войск сократилась. Они добились этого, повышая привлекательность пограничной службы и создавая конкуренцию.

Вторая часть реформы Пограничных войск — использование современных технических средств. Пограничники больше не «сидят в засадах», они сосредоточены в локальных базах, откуда готовы быстро переброситься в ту точку, где техсредствами будет обнаружено нарушение границы.

— **Каково состояние технической базы армии, российского ВПК?**

— Что касается РВСН — там ежегодно вводятся в строй порядка 10 обновленных ракетных комплексов. Более или менее поддерживаются Воздушно-десантные войска — у них есть техника, которая может эффективно использоваться десантниками на поле боя.

А у остальных ситуация плохая, обновление идет крайне медленно, и простой способ вложения денег для переоснащения Вооруженных сил не подходит, так как он особенно коррупциогенен.

Беда в том, что ВПК отделен от экономики забором секретности. Никакого вневедомственного и тем более общественного контроля нет. Это особенно обидно, потому что организовать такой контроль не так уж сложно. Ведь выделенные деньги не расходятся по сотням тысяч человек, как денежное довольствие. Они попадают в руки «узкого круга ограниченных лиц». Если деньги выделяются, например, на постройку нового авианосца, то контролировать нужно действия лишь нескольких людей, которые являются распорядителями и получателями бюджетных средств, в руках которых сконцентрированы все полномочия. Иначе, если чиновник получил «откат» за то, что он кому-то дал контракт, то он не имеет возможности предъявлять жесткие требования, когда принимает продукцию. И в итоге вместо собственно продукции мы получаем объяснение, почему то-то и то-то не смогли сделать. Ведь всегда можно назвать массу причин.

Вот почему сейчас Путин и Медведев «прозрели»: мотаются по предприятиям ВПК в поисках причин происходящего. За последние пару лет они удвоили количество расходуемых денег и не получили приращения поступлений — просто цены тоже удвоились!

Возьмем для примера сферу ВВС. Официальных данных нет, но по сведениям, которые просачиваются, исправных самолетов у нас порядка 20% от тех, что числятся. Международный институт стратегических исследований, выпускающий справочник «Милитари бэланс», считает, что это порядка 1,7 тыс. самолётов — всех, включая старые, учебные и т.д.

Вообще в российском парке самолетов очень много старья. Сейчас наши военачальники гордятся тем, что в 2010 году будет закуплено порядка 40 новых самолетов. Но это, главным образом, самолеты МиГ-29, которые Алжир отказался покупать у нас в связи с несоответствием летно-технических характеристик машин их алжирским требованиям.

МиГ-29 — это достаточно хороший самолет, но, тем не менее, хуже лучших самолетов американского, французского или шведского производства.

Самое совершенное из того, что мы производим — СУ-30МКИ. Последнее «И» означает «Индия» — потому что именно для экспорта в эту страну мы их делаем. Или они сами их делают по лицензии.

У нас уже много лет количество самолетов, которые производятся на экспорт, в несколько раз превышает то, что мы делаем для себя.

Индусы устраивали условные воздушные бои реальных самолетов, и в них наши СУ-30 неизменно побеждали машины всех других стран. Поэтому индусы решили закупать их именно у нас. Однако сказать, что мы могли бы делать такие же самолеты для себя, нельзя: дело в том, что электронику и программное обеспечение для бортовых компьютеров они либо сами делают, либо покупают у Израиля.

У нас есть новейший СУ-35 — он, кажется, еще лучше, и «мозги» мы для него вроде бы сами делаем. Если будет хотя бы 10–20 этих самолетов — появится возможность оценить их применительно к условиям боевого использования.

Что касается флота, то сейчас большое внимание привлекла возможность покупки французского вертолетоносца «Мистраль». Пока что идут только зондирующие разговоры, корабль прибыл в Петербург, чтобы была возможность на него посмотреть, а судостроительная промышленность вопит, что можем сделать такой же или даже лучше.

Однако практика последних лет свидетельствует, что многие новые разработки сорваны. Например, Индия собиралась купить у нас авианосец «Адмирал Горшков», если бы мы сделали его так, как они хотят. Срок выпуска просрочили уже на 2 года, до ума так и не довели.

Сейчас главная проблема ВПК — это люди. Мне самому на днях будет 74 года, и большинство специалистов, которых я знал в ВПК и которые продолжают работать, — они этого же возраста. У них нет смены. Уже созрели мысли у руководства приглашать людей, которые выехали из России, обратно, причем на выгодных для них условиях: они не бросают свою работу на Западе и приезжают сюда на 2–3 месяца.

Вопрос с пополнением нужно решать радикально — окно возможностей по срокам исчисляется несколькими годами. Если повсеместно вымрет наше поколение — возродить ВПК будет очень трудно.

Что касается современного вооружения, у нас есть не только экспериментальные образцы, но, к сожалению, они практически не применяются. Дело в приоритетах. Например, в Чечне можно было наносить высокоточные удары по штабам террористов. Но когда на одной чаше весов — возможность нанести высокоточный удар дорогой авиационной ракетой, а на другой — выгодно продать эту ракету за рубеж... на этом я фразу заканчиваю.

В последней войне в Южной Осетии оно тоже очень мало применялось.

Но, опять же, если мы собираемся развивать новые средства вооруженной борьбы, прежде всего надо подумать, в чьи руки они попадут: если неумех и недотеп, то само производство вооружения теряет смысл. Лучше меньше производить, но сделать так, чтобы произведенное было эффективным, исправным и попало в руки заинтересованных, умелых солдат.

Военно-промышленный коллапс

Александр Гольц, независимый военный эксперт, заместитель главного редактора Интернет-издания «Ежедневный журнал»

– Каковы причины проблем, существующих в армии: коррупции, дедовщины, низкой боеспособности? Как их можно решить?

– Корень проблем, с которыми сталкиваются ВС, заключается в том, что армия России до недавнего времени принадлежала другой стране, то есть СССР. В СССР была отстроена вполне логичная система тоталитарного государства, в котором армия играла одну из ведущих, если не главную роль. СССР воспринимал себя как государство-гарнизон, окруженную врагами крепость. Поэтому военные соображения превалировали там над всеми другими. И советская экономика, и советское общество функционировали в режиме, когда они являются чем-то второстепенным по отношению к армии. Люди рассматривались, прежде всего, либо как солдаты, либо как резервисты. Армия СССР предполагала обеспечивать оборону страны путем массовой мобилизации от 4 до 8 млн человек.

Ученые до сих пор спорят, какую часть советской экономики занимал ВПК: от 40 до 80%. Для любого нормального общества это немыслимо. И вот в 90-е годы эта армия попала в принципиально другую страну. Страну, в которой появился дикий, варварский — можно назвать как угодно — но рынок. Он физически уничтожает экономически неэффективные предприятия, которые в случае войны должны были начать массовый выпуск вооружения для четырехмиллионной армии. В этой стране существуют права человека — пусть попираемые — и теоретическая возможность их защитить. И, наконец, в этой стране нет государственной идеологии.

При этом Ельцин в силу вполне определенных исторических причин не рискнул проводить радикальную реформу армии, а Путин фактически вернулся к модели милитаристского государства. При этом за время с 1991 года насчитывалось 4 попытки военной реформы, не считая нынешней.

Все они кончились провалом по одной простой причине. Их инициаторы и те, кто их проводил, имели в голове советскую ар-

мию как идеал и хотели в той или иной форме сохранить советскую массовую мобилизационную армию: пусть уменьшенную в 4 раза, но ту же модель.

В итоге российская армия уподобилась киту, выброшенному на берег: гигантское животное, лишенное комфортной окружающей среды. И она начала разлагаться.

Дедовщина — это общая проблема всех армий: некое насилие присуще большинству военных коллективов; весь вопрос в масштабах и формах. Только в российской армии дедовщина представляет собой не нарушение дисциплины, а варварскую форму ее поддержания. В отсутствие корпуса профессиональных сержантов — они не нужны в массовой мобилизационной армии — поддержание дисциплины автоматически возлагается на солдат старшего года, которые чаще всего из-за физической силы или национальной сплоченности и т.п. могут установить хоть какой-то порядок. И делают это наиболее простыми, то есть зверскими методами; что устраивает офицеров.

Низкая боеготовность выявилась в ходе грузино-российского конфликта. Концепция предполагала, что 80% частей и соединений станут боеготовыми, только получив резервистов. Офицерам из этих частей было предложено возглавить операцию, и, как говорит начгенштаба Макаров, они испугались, так как никогда никем не командовали.

Путь выхода из этой ситуации только один — радикальная военная реформа.

– Насколько эффективна нынешняя реформа? Делает ли правительство то, что нужно, и как нужно на самом деле?

– Не секрет, что эта реформа носит чрезвычайно противоречивый характер. С одной стороны, нельзя не отдать должное, что это наиболее радикальная из всех предпринимавшихся реформ. И если то, что запланировано, будет сделано, то в какой-то момент будет пройдена точка невозврата, и на концепции массовой мобилизационной армии будет поставлен крест. Уже ликвидированы части неполного состава. Количество частей и соединений в сухопутных силах должно быть уменьшено в 11 раз. В каждой дивизии было по 100 солдат и куча неработающей техники — их сократили.

В связи с этим практически на две трети будет сокращен и офицерский корпус: с 355 тыс. до 150 тыс. И по ряду косвенных признаков — брошенных замечаний — можно сделать вывод, что даже в случае глобальной войны не предполагается проводить массовую мобилизацию. Например, в интервью «Красной звезде» главком Сухопутных войск Болдырев говорит, что на случай войны предполагается иметь 60 баз хранения. Этого достаточно, чтобы снарядить 60 бригад, то есть не 4 млн, а 300–400 тыс. человек.

В Главном организационно-мобилизационном управлении Генерального штаба (ГОМУ) ВС даже ходят фантастические предложения: сделать службу в резерве платной, как в США.

Это, безусловно, положительные изменения.

Но при этом генералитет настаивает на том, чтобы в новых условиях призыв не только сохранился, но и увеличился! О причинах этого мы можем только догадываться. На круглом столе «Общественно значимые задачи формирования нового облика ВС РФ», проходившем 25–26 ноября 2009 года в Москве, глава ГОМУ Василий Смирнов сказал, что количество контрактников... решено сократить!

И это полная и абсолютная бессмыслица. Призывная армия стала рациональной, как только выяснилось, что она позволяет иметь резерв. Не содержать большую армию в мирное время, а быстро собрать обученных людей в случае войны. Это произошло в 70-х годах XIX века, с началом франко-прусской войны, в связи с развитием железных дорог — когда оказалось возможным быстро мобилизовать большое число солдат.

Если же вы не собираетесь использовать призывников в дальнейшем, даже в случае войны — призыв превращается в чудовищную растрату средств. Получается, вы 12 месяцев готовите человека неизвестно для чего.

Логика Виталия Цымбала с шестимесячным обучением для последующего отбора людей вербовщиками — порочная. Это логика поиска иголки в стоге сена. Более того, офицер, ведущий такое обучение, не имеет возможностей для собственного роста. Чего бы он ни добился с этими людьми за полгода или год — через год это нужно начинать сначала.

Куда более рационально заключать первые контракты, а из контрактников вы за 2–3 года сформируете резерв — если нужно всего-то 400–700 тыс. человек, и сами ВС — это еще 500–600 тыс.

Есть еще одно обстоятельство, о котором в руководстве никто не хочет говорить: страна в ближайшие 7 лет будет падать в демографическую яму. Уже сейчас, по оценкам Виталия Цымбала, количество юношей, достигших 18-летнего возраста, сравнялось со штатной цифрой призывников — дальше эта кривая идет резко вниз. Просто некого будет набирать. Появится альтернатива, какую систему уничтожить первой: призыва или образования. Минимум 150 тыс. мест для мужчин в год с предоставлением отсрочек дает система образования. Как раз упомянутый круглый стол показал, что пока генштаб не готов к серьезному разговору на эту тему.

Итак, чем нынешняя реформа кончится? Могут быть 3 сценария.

Первый — оптимистичный: к 2012 году будет принято решение об отказе от призыва. Это наиболее разумно, но, исходя из нынешней ситуации, практически невозможно.

Второй: военные втихаря резко снизят численность ВС, до 500–700 тыс., не объявляя об этом. Везде будут говорить, что у нас миллионная армия.

Третий, самый пессимистичный сценарий: генералитет ведет дело к коллапсу призыва, чтобы, как это уже было, прийти к президенту (к которому из двух, неважно) и сказать: не сложилось, царь-батюшка! Значит, не готовы еще. Давай возвращаться к 2–3 годам призыва и к массовой мобилизационной армии — а все эти новшества забудем, как страшный сон. Подавляющая часть генералитета мечтает именно об этом.

Но даже если они повернут назад, рано или поздно (к сожалению, скорее поздно) политики поймут, насколько затратен призыв. Гораздо более затратен, если посчитать все расходы на бессмысленную подготовку к военному делу 700 тыс. человек ежегодно, чем профессиональная армия. И тогда — это, увы, случится не в 2012 году — призыв тихо помрет сам собой.

Существует и еще одна проблема: пока существует призыв, российская армия будет представлять собой армию индустриального, а

не постиндустриального общества. Армия, ориентированная на использование техники, которую можно быстро производить в массовых масштабах — это не хайтек-армия. А значит, разговоры о войнах шестого поколения — сетевых — они к нам не относятся.

Мы находимся в первой трети революции в военном деле. Ни одна другая сфера человеческой деятельности не привязана к научно-техническому прогрессу так сильно, как военная. Прорывы в науке и технике кардинально меняли стратегию и тактику в истории военного дела. Сейчас — именно такой момент. То, что было в Югославии и Ираке — самое начало этих новых войн. Исчезает «туман войны», о котором писал Клаузевиц. Боевые действия ведутся скорее в воздухе, чем на земле, а удары наносятся с боевых платформ, находящихся за сотни, а то и тысячи километров от поля боя. Сохранив призывную армию, Россия откажется быть готовой к такой войне.

Возьмем, например, модель войны в Ираке. Иракская армия состояла из 450 тыс. человек. Американцы же наступали силами одной дивизии — 25–30 тыс. человек. И когда Томми Фрэнку, генералу, который спланировал эту операцию, говорили, что он оставляет открытыми фланги, он отвечал: «Они никогда не догонят мои фланги».

Иракцы действительно пытались контратаковать — но им даже не позволили выйти на рубеж сосредоточения. Их били с воздуха задолго до того, как они могли сосредоточиться — и не давали выстрелить. Со спутника находили, где они группировали войска — и били туда авиацией и ракетами.

Время от обнаружения цели до ее уничтожения составляло меньше 3 минут. Причем штаб командования располагался в Тампу, Калифорния. Со спутника при обнаружении цели сигнал передавался туда, и одновременно система сама обнаруживала ближайший к цели самолет и давала ему целеуказание. В штабе оставалось только решить: уничтожить цель или нет. Это другая война — количество танков здесь не имеет большого значения.

— В таком случае расскажите о проблемах российского ВПК. Есть ли у нашей армии шанс получить подобное вооружение?

— Проблемы российского ВПК еще хуже, чем ВС, поскольку, если в ВС все-таки проводится реформа, о которой можно сказать

хоть что-то хорошее, то развитие российского ВПК в настоящее время происходит в направлении, обратном от требуемого.

СССР позволял себе, чтобы обеспечивать армию, иметь гигантское количество неэффективных предприятий. К примеру, СУ-30 требует 1500 запчастей и агрегатов, которые производились более чем на 500 различных предприятиях. В советской экономике можно было иметь предприятия, которые производят 100 узлов в месяц — абсолютно неэффективное производство, потому что размеры его были таковы, чтобы в случае войны оно могло производить 1000 узлов в месяц.

Пришел рынок, и сложная система субконтракторов умерла. Они начали производить то, что рентабельно, или закрылись. Когда предприятия окончательной сборки оказались в этой ситуации, а оборонный заказ упал практически до нуля в 90-е годы, им надо было производить хоть что-то.

Например, завод в Комсомольске-на-Амуре стал выпускать 10 СУ-30 в год для Китая, когда раньше могли по 100 самолетов в год производить. При этом им пришлось кустарно изготавливать все недостающие детали. Так как объемы были ничтожными, то и предприятие стало абсолютно нерентабельным.

Все эти годы они рвали на себе рубахи: дайте денег, мы вас завалим продукцией! И вот в 2000-х «появилась» нефть — и деньги пошли. С 1999 года по 2010-й военный бюджет вырос в 12 раз — со 109 млрд до 1 трлн 200 млрд. Здесь, конечно, не учитывается инфляция — но цифры говорят сами за себя.

Им дали денег, однако этих денег было недостаточно для восстановления производственной цепочки. В итоге... они могут производить столько, сколько могут — то есть те же 10 самолетов. Просто их стоимость выросла в 2–3 раза, ведь завод может ее самостоятельно регулировать как монополист.

Чтобы рационализировать этот процесс — чтобы заработал рынок, нужно было акционировать эти заводы и превращать их в частные предприятия. Конкуренция сделала бы свое дело, но это трудный процесс, требующий не одного года.

Однако российское руководство пошло прямо противоположным путем. Были созданы гигантские «колхозы»: Объединенные Авиастроительная и Судостроительная корпорации, где на одно

эффективное предприятие — 25 банкротов. И я готов биться об заклад, что в ближайшие годы никакой новой техники Россия от ВПК не получит. Просто потому, что ее не существует в природе.

Все, что у нас называется «новой техникой», является новой в том смысле, что она никогда раньше не производилась, но создана-то была в лучшем случае в конце 80-х годов. СУ-30, например, это клон СУ-27, который был создан еще в 1983 году. Это не плохие самолеты, если вы имеете противника того же уровня технической подготовки. Например, для Индии, которая воевать собирается только с Пакистаном.

— Однако русские СУ-30 выиграли в условном воздушном бою, устроенном Индией, против самолетов всех остальных стран.

— СУ-30 победили в воздушном бою — они действительно более маневренные, чем другие самолеты, могут выполнять различные кульбиты в воздухе. Проблема в том, что в современной войне не будет никаких воздушных боев: американский F-22 «Раптор» пустит ракету, находясь вне зоны действия ракет СУ. Это все равно, что лучший мастер фехтования против человека, вооруженного огнестрельным оружием.

— А «Булава»?

— «Булава» — действительно современная разработка... но ведь неудачная. Нарушена кооперация, в том числе разработчиков и испытателей.

— Что Вы скажете о возможной покупке французского вертолетоносца?

— Это правильный путь. Впервые на моей памяти — а я 30 лет пишу об армии — мы имеем открытый конфликт ВПК и военного ведомства. Замминистра по вооружениям Владимир Поповкин сказал: «Мы не собираемся поддерживать неэффективные предприятия. Мы будем покупать современную военную технику, а не то, что вы нам предлагаете».

В этом смысле «Мистраль» показателен: и в советские времена у нас с крупнотоннажными авианесущими кораблями не ладилось. Покупка его даст российским морякам увидеть возможности современной морской военной операции. Это может дать пример и даже импульс российской промышленности к работе с новыми материалами — начнется конкуренция.

– Почему же в таком случае Россия выиграла войну у Грузии, ведь грузины пытаются построить современную армию?

– Грузины движутся в том же направлении, что и США, но они не предполагали глобальной войны — их армию готовили для полицейских операций. Надо иметь в виду, что мы воевали с противником, у которого не сопоставимые по численности вооруженные силы. Во всяком случае, никакого сверхсовременного оружия в этой войне российская армия не использовала.

Оглавление

Вступление	3
Часть 1. Логика протеста	7
Глава 1. Беспрерывная цепь преступлений	7
Глава 2. Бездананность.....	20
Глава 3. Сопротивление.....	35
Глава 4. Содействие.....	52
Часть 2. Паноптикум	69
Глава 5. Ксенофобия.....	69
Глава 6. Карательная психиатрия.....	80
Глава 7. Южная Осетия.....	90
Глава 8. Офицеры	108
Заклучение	120
Приложения	131

Анджей Беловранин

ЧЕРНАЯ КНИГА

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»

Редактор – Колесова Е.

Технический редактор – Фофанова Н.М.

Корректор – Медведева А.В.

Художник – Куршева Ю.Н.

Компьютерная верстка – Павлова А. Ю.

ISBN 978-5-87857-166-1

Сдано в набор 03.04.10. Подписано в печать 17.05.10.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. Заказ № 35

Издательство «Норма», 192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ИП Ефименко Д. Л.

Санкт-Петербург, ул. Рыбацкая, д. 4, тел. 230-70-21.